

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова»

На правах рукописи

Усов Алексей Александрович

**ЖИЛИЩЕ В ГЕОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
РУССКОГО СЕВЕРА**

Специальность 24.00.01 – Теория и история культуры

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата культурологии

Научный руководитель:
д.филос.н., профессор
Теребихин Николай Михайлович

Архангельск – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Определения, обозначения и сокращения.....	3
Введение.....	4
1 Геокультурное пространство Русского Севера как система: возможности и мера семиотической интерпретации.....	25
1.1 Триада «природа–человек–культура» как теоретико- методологическое основание комплексного исследования культурного ландшафта	25
1.2 Культурфилософский и функционально-прагматический подходы к определению семантики природного пространства Русского Севера.....	43
1.3 Дом и двор в доместицированном пространстве северной деревни на примере Онежского Поморья.....	61
2 Семиотика дома в традиционной культуре и современности: образ, символ, ритуал.....	84
2.1 Северный строительный хронотоп.....	84
2.2 Знаковая структура северной природы: выбор строительных материалов.....	95
2.3 Строительная обрядность и современная практика возведения традиционного жилища.....	103
2.4 Дом как рукотворная модель традиционной культуры.....	115
Заключение.....	140
Список использованных источников.....	144
Приложение А (справочное) Список информантов.....	159
Приложение Б (справочное) Комплекс дома-двора Е. А. Бровкова.....	164

ОПРЕДЕЛЕНИЯ, ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

В настоящем текстовом документе применяются следующие определения, обозначения и сокращения:

ГНИМА им. А. В. Щусева – Государственный научно-исследовательский музей архитектуры имени А. В. Щусева (г. Москва)

НЦ ТКМП – научный центр традиционной культуры и музейных практик

ОИММ – Онежский историко-мемориальный музей

ОРСА ИРАО – Отделение русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества

СГИАМПЗ – Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей заповедник и Соловецкий Спасо-Преображенский ставропигиальный мужской монастырь (Соловецкие острова)

ФГАОУ ВО САФУ имени М. В. Ломоносова – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова»

ФГБУН ФИЦКИА УрО РАН – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени Н.П. Лаверова Уральского отделения Российской академии наук

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования предопределена открытым характером научной дискуссии вокруг проблемы пространственного измерения культуры, формирования «культурных пространств». Самое пристальное внимание исследователей уделяется осмыслению концепций культурного ландшафта и, в частности, традиционного жилища. Интерес к традиционному жилищу, дому уже долгое время прослеживается во многих областях исследования: этнографии, истории, архитектуре, философии, филологии – но в современной науке все чаще развивается в дискурсивном поле междисциплинарного подхода. Это связано, прежде всего, с острой стоящей проблемой сохранения культурного наследия в контексте глокализации – усиления региональных социокультурных отличий на фоне мировой экономической и информационной глобализации. В результате, активизируется коллективная культурная память различных этносов, а элементы их традиционной культуры (как в форме материальных объектов, так и конкретных практик и ценностей) частично возвращаются в динамичную, развивающую среду современной действительности. Вместе с тем наблюдается тенденция превращения фактов традиционной культуры в своего рода симулякры, знаки, лишённые положительной прагматики и предназначенные только для репрезентации традиций. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью поддержания культурной преемственности и реактуализации традиционных ценностей в их неизменном виде для укрепления национальной и этнической идентичности, обеспечения сохранения русской культуры, устойчивого развития территории Русского Севера и Арктики.

Русский Север – это особая территория, отличающаяся сохранением мощных пластов историко-культурного наследия и выдающимися природными ландшафтами, благоприятствующими развитию ансамблей деревянного зодчества. Северный крестьянский дом имеет характер

сложного концепта, вбирающего в себя многообразие культурных смыслов, отражающих ценности и нормы человеческого существования в природных условиях Русского Севера. В современных исследованиях концепт традиционного дома прочно связан с инновациями в процессе сохранения окружающей среды. Жилище анализируется не только как важный элемент материальной культуры, но и неотъемлемая часть природного пространства – формирующая его, и детерминированная им.

Таким образом, актуальность темы определяется тенденцией в современном гуманитарном знании к осмыслению проблемы культурного пространства, вниманием к культурологическому аспекту анализа жилища и ландшафта. В данном исследовании представлены результаты изучения структуры и семантики традиционного жилища в геокультурном пространстве Русского Севера по материалам Онежского Поморья. Крестьянский дом определяется не только как синтетический объект, существующий исключительно в отношениях с воплощающим его в качестве микрокосма человеком, но также взаимосвязи с окружающим культурным и природным ландшафтом. Дом проанализирован с точки зрения его формирования и существования не в диаде «человек–культура», а в триаде «природа–человек–культура», где природа и культура осмысляются через категории пространства.

Степень разработанности проблемы. Исследования, охватывающие сферу взаимовлияния культуры и пространства в широком смысле, имеют давнюю традицию, которая восходит к теории географического детерминизма, получившей развитие в работах конца XIX в. (В. П. Семенов-Тянь-Шанский, К. Риттер, Ф. Ратцель, Л. Н. Гумилев). Также, важной вехой в вопросе исследования пространства как негеографической категории, становится «пространственный поворот» (spatial turn) начала XX в., в результате которого пространственность концептуализируется как специфический методологический принцип постижения историко-

культурных явлений и практик. У истоков этого процесса лежат труды классиков французской философии (М. Фуко, А. Лефевр, Г. Башляр, Ж. Делёз, Ф. Гваттари, П. Вирильо, М. де Серто), а также работы европейских ученых, занимавшихся исследованиями на стыке философии культуры и культурологии (Э. Кассирер), культурологии и религиоведения (М. Элиаде).

Влияние пространственных факторов на историю стран и народов исследовали отечественные представители евразийского направления научной мысли. Для обозначения качественного пространства они выработали термин «месторазвитие» (П. Н. Савицкий, Н. С. Трубецкой). В соответствии с данной концепцией, различные события исторического процесса детерминированы, в том числе местом собственной реализации (протекания). Именно место влияет на ход истории, т.к. включает в себе огромный ресурсный, земельный, историко-культурный и человеческий потенциал. Таким образом, концепция «месторазвития» выступает здесь синтетическим аналогом «культурного ландшафта», как географическая, этническая, хозяйственная, историческая среда, «общежитие».

Ключевыми этапами в дальнейшем осмыслении культуры и пространства стали возникшие в среде междисциплинарного (культурологического) подхода концепции – ноосферы (В. И. Вернадский, Тейяр де Шарден), пневмосферы (П. А. Флоренский) и семиосферы (Ю. М. Лотман, Вяч. Вс. Иванов). Идея ноосферы развивалась как учение о подвергнутой мощному антропогенному влиянию («геологической силе») биосфере – преобразуемой и перерабатываемой научной мыслью и «энергией культуры». Таким образом, категория культуры в пространстве получает новое содержание и возможности с учетом не только ее физического содержания, но и способности осмысления этого пространства, равно как и своего места в нем. Пневмосфера Павла Флоренского выходит на более высокий уровень обобщений. Она понимается как особая сфера духовных

ценностей, где накапливается и откуда транслируется опыт предыдущих поколений – воплощающийся в различных артефактах и в том числе ландшафтах. В этом смысле, можно утверждать, что П. А. Флоренский придает основным функциям культуры – аккумулярующей, гносеологической, аксиологической, транслирующей и регулятивной – пространственный характер.

Семиосфера является результатом осмысления Ю. М. Лотманом значимости двух предыдущих концепций. Под ней понимается «синхронное семиотическое пространство, заполняющее границы культуры и являющееся условием работы отдельных семиотических структур и, одновременно, их порождением» [56, с. 4]. Культура, взаимодействуя с физическим пространством (ландшафтом), неизбежно придает ему характер знаковой системы и, таким образом, включается в семиосферу.

Одним из важнейших результатов развития концепции семиосферы, изначально находившей свое приложение в рамках осмысления конкретной культуры является выдвижение идеи «презумпции текстуальности» (Б. М. Гаспаров). Она позволяет понимать высказывания и речевые практики в качестве целого обозримого феномена, игнорируя возможные внутренние противоречия. Это значит, что, несмотря на сложность системы, если она осмысляется наблюдателем (субъектом) как целостный текст, то любое ее дальнейшее, вплоть до бесконечности, усложнение (как суммы частей или как части еще большей системы) – не лишает нас возможности осмыслять и анализировать ее в определенных, установленных для данного конкретного момента рамках как целостный феномен. Другими словами, презумпция текстуальности означает возможность понять как целое даже несводимое к целому множество смыслов, если они включены в осознаваемый связным и цельным «текст» (что сближает ее с онтологическим принципом холизма). Хотя презумпция текстуальности предлагалась Ю. М. Лотманом и Б. М. Гаспаровым в первую очередь для речевых актов, данный подход

достаточно перспективен для его применения в отношении исследования культурных ландшафтов.

С дальнейшим развитием семиотики и преодолением знака и текста границ лингвистической категории – возможность понимания взаимодействия пространства и культуры (например, в рамках культурного ландшафта) приобретает новое наполнение. Таким образом, пространство и ландшафт получают возможность анализироваться как объекты в процессе семиозиса.

Анализ традиционного жилища в природном и культурном пространстве Русского Севера (Севера и Арктики) требует обобщения нескольких пластов теоретического и фактического материала. Прежде всего, следует отметить концептуально-методологические и категориально-терминологические основания данной диссертации. Прежде всего, они находят свое отражение в трудах, имеющих междисциплинарный характер, с объединением идей культурологии, философии и филологии (Г. Д. Гачев, Г. Башляр, Д. С. Лихачев), философии культуры (М. Элиаде, О. М. Фрейденберг).

В диссертационном исследовании автор опирается на теоретико-методологические разработки отечественных исследователей по проблеме семиотического анализа. Прежде всего, представителей тартуско-московской школы семиотики культуры и их последователей (В. Н. Топоров, Н. И. Толстой, Вяч. Вс. Иванов, Т. В. Цивьян, А. К. Байбурин, Н. М. Терехин, Я. С. Иващенко [34-36] и др.), поднимающих вопросы формирования и функционирования знаковых систем. основополагающий методологический принцип работы – структурно-семиотический подход к изучению элементов культуры, а также концепция семиосферы М. Ю. Лотмана.

Завершенную и развернутую концепцию культурного ландшафта, целостно репрезентируемого и интерпретируемого как текст и метафора, сформулировала О. А. Лавренова.

Единство природного и культурного пространства, наполненного специфическими географическими образами – исследует культуролог Д. Н. Замятиным в междисциплинарном научном направлении «гуманитарная (культурная) география». Основная проблема, раскрываемая в работах Д. Н. Замятина, относится к моделированию географических образов с применением феноменолого-культурологического подхода. В американской школе гуманитарной (или гуманистической) географии получил развитие концепт топофилии – изучающей территории как объект любви человека к родному месту. Особое внимание здесь уделяется не столько знаково-символической структуре самого пространства, сколько человеку как главному субъекту этих отношений, его эмоциональной привязанности, опыту переживания места и выраженного через них знания [112]. Эти идеи развивает географ И-Фу Туан.

При обращении к степени разработанности проблемы изучения структуры и семиотики традиционного жилища, следует отметить, что этот вопрос изучался, прежде всего, с позиций архитектуры, этнографии, истории, искусствоведения, а позднее философии и религиоведения. Семиотика традиционной архитектуры, в том числе жилища народов России исследовалась в трудах А. К. Байбурина, Н. М. Терехина, С. А. Митасовой, М. В. Сульдинского [85], Р. В. Некрасова [69], Н. К. Данилова [27], П. А. Орлова [72], Н. В. Бортниковой [10-11]. В изучении геокультурного пространства Русского Севера значимый вклад принадлежит В. Н. Булатову, А. А. Куратову, Ю. В. Линнику, Т. А. Бернштам, К. П. Гемп, Е. Ю. Терещенко.

В рамках этносемиотики и сакральной географии коренных народов Севера и Арктики вопрос изучения пространства культуры, в том числе

традиционного жилища – развивается как новое научное направление, основоположником которого является Н. М. Терехихин. Его идеи имеют большое значение для осмысления проблемы севернорусского этнокультурного ландшафта как уникальной и самобытной категории. Генезис, структура и семантика социокультурного пространства северной деревни – культурного ландшафта, непосредственно включающего в свою структуру традиционное жилище – подробно исследованы в культурологических работах В. Н. Матонина.

Комплексный культурологический подход в исследовании традиционного жилища Русского Севера с применением комплексного (культурологического) подхода – как важнейшей характеристики константы севернорусской ментальности (А. Б. Пермиловская). Таким образом, традиционное жилище и ранее являлось предметом всестороннего научного интереса и анализа в контексте народной культуры, однако его изучение часто было обособлено, и рассматривалось без учета неотъемлемой взаимосвязи категории традиционного дома с природным и культурным пространством, в частности – культурным ландшафтом Русского Севера.

У истоков возникновения интереса к исследуемому региону стояли как историки и географы, так и архитекторы, священнослужители, художники, путешественники. Ещё во второй половине XVIII в. Русский Север привлёк внимание В. В. Крестинина. Освоение Севера через описание его природных и культурных ландшафтов, населения, архитектуры для широкого круга читателей приходится на вторую половину XIX в. К этому времени относятся поездки и работы А. И. Шренка, В. В. Сулова, С. В. Максимова, Д. Н. Островского, А. П. Энгельгардта и других. Но подлинными первооткрывателями народной культуры Русского Севера стали представители этнографической науки: П. Н. Рыбников – записавший более ста фольклорных текстов и А. Ф. Гильфердинг. Кроме того, большое значение в это время играют труды Е. В. Барсова, М. Красовского,

М. Б. Едемского. Художественное открытие Севера оказало влияние на визуализацию и популяризацию его образа, как обширного природного и богатого своим историко-культурным наследием пространства. Так, в 1894 г. В. В. Верещагин вместе со своей семьей предпринял путешествие по Северной Двине, Белому морю и к Соловкам, во время которого создал более полусотни живописных этюдов. С 1898 г. уже Н. К. Рерих по программе ОРСА проводил исследование славянских и водских (финно-угорских) древностей на северо-западе России, а 1899 г. совершает путешествие к Новгороду (по северо-западному отрезку пути «из варяг в греки»), организует и участвует в археологических раскопках. Результатом становится большее количество работ историко-культурного характера, объединяющих как фольклорные сюжеты, так и мощную пейзажную составляющую.

Интерес к народной деревянной архитектуре predetermined ряд исследований 70-х годов XIX в. в области искусствоведения и архитектуры, проведенных Л. В. Далем, И. Э. Грабарём. Особое значение имеет История русского искусства И. Э. Грабаря, где впервые была представлена картина развития деревянной архитектуры Севера, обозначен генезис развития культовых построек, впервые был представлен наиболее полный образ севернорусской культуры в призме деревянного зодчества.

Вехой в истории научного освоения Севера стало создание Архангельского общества изучения Русского Севера (1908-1918) (А. Ф. Шидловский, В. А. Ленгауэр, А. А. Каретников, А. Н. Попов, П. Г. Минейко, Н. А. Голубцов, Н. Г. Карташев, М. Т. Талашов, И. М. Сибирцев и др.), занимавшегося исследованием самого широкого круга вопросов: географии, культуры, экономики.

Начало XX в. ознаменовано первыми попытками изучения и обобщения конструктивных и архитектурных особенностей народного деревянного зодчества Русского Севера, накоплением фактического

материала И. Е. Забелин, М. В. Красовский, И. В. Евдокимов. В это же время, исследованием народного жилища занимались такие видные исследователи как К. К. Романов, Р. М. Габе, С. Я. Забелло.

Обстоятельное изучение архитектуры, типологии построек и поселений, материальной культуры Русского Севера, включает фундаментальные исследования советских ученых середины XX в. – проведенные на материале многочисленных экспедиций Института истории искусств АН СССР. Ключевые труды представлены именами И. В. Маковецкого и А. В. Ополовникова. Особое значение приобрело масштабное и непревзойдённое по широте охвата сравнительное исследование общеславянской архитектурной традиции Е. Э. Бломквист.

Комплексное изучение поселений, как исторически сложившихся ансамблей народной архитектуры, формирующих культурный ландшафт Русского Севера, начинается во второй половине XX в. К данному направлению относятся труды Ю. С. Ушакова, А. В. Ополовникова, М. И. Мильчика, А. Ю. Майничей (на примере территории Сибири), развивающие идею ансамблевости северных поселений. Исследователи обращают внимание не только на отдельные памятники или группы однотипных построек, но на архитектурную ансамблевость сел и деревень, возникающую в результате гармоничного включения традиционной гражданской и культовой архитектуры в естественный природный ландшафт северных территорий.

Вторая половина XX в. также характеризуется новым витком актуализации этнологических, например, в работах К. В. Чистова, а также семиотических исследований: А. К. Байбурина, Н. М. Терехина, Н. А. Криничная.

Но впервые исследования исторических поселений как неотъемлемых элементов, формирующих уникальный северный культурный ландшафт, получают комплексный характер только в начале XXI в. Русский Север

изучается как особая территория наследия, воплощающая сильную региональную культурную константу, в трудах А. Б. Пермиловской.

Проведенный анализ научной литературы свидетельствует о наличии устойчивого исследовательского интереса к традиционному крестьянскому дому как одному из ключевых элементов народной культуры. Однако этот вопрос изучался, прежде всего, с позиций архитектуры, этнографии, истории, искусствоведения, фольклористики, а также философской антропологии и религиоведения. Традиционное севернорусское жилище являлось объектом анализа в контексте народной культуры Русского Севера, при этом его изучение чаще проводилось без учета неотъемлемой взаимосвязи крестьянской усадьбы с окружающим его природным и культурным пространством. Данная работа частично восполняет этот пробел на примере традиционного жилища в культурном ландшафте Русского Севера (конкретнее – Онежского Поморья).

Таким образом, **научная проблема** диссертационного исследования заключается в не разработанности связи между общей теорией культурного ландшафта и семантикой традиционного крестьянского жилища в его взаимосвязи с природным и культурным пространством, а также между пониманием севернорусского жилища с его ансамблевым характером как результата прагматики (необходимости приспособления человека к окружающей среде) и изучения сакральных пространств, заключающих в себе нормы, ценности и представления этноса о пространствах более высокого порядка (Микрокосм–Макрокосм). Выявление указанных соответствий возможно при использовании комплексного культурологического подхода к анализу конкретного материала, полученного в ходе экспедиционной работы.

Объект и предмет исследования.

Объект исследования – геокультурное пространство Русского Севера.

Предмет исследования – семантика и структура народного жилища во взаимосвязи с окружающим его природным и культурным пространством.

Цель диссертационной работы – на материале Онежского Поморья выявление структуры и семантики народного жилища в семиосфере культурного ландшафта Русского Севера.

Исходя из определения цели исследования в диссертации формулируются следующие **задачи**:

1. Выявить взаимосвязь между структурой и семантикой геокультурного пространства и способами его освоения и «присвоения» в процессе движения человека на Север.

2. Определить этнокультурные смыслы пространства (ландшафта) Русского Севера в контексте триады «природа–человек–культура».

3. Охарактеризовать образ северной деревни и ее основообразующий элемент – дом-двор в контексте формирования севернорусского культурного ландшафта.

4. Уточнить символические (смысловые) и прагматические (технологические) основы процесса возведения дома-комплекса, нашедшие отражение в строительной обрядности поморов.

5. Установить степень преемственности традиционной картины мира в архитектурно-конструктивном, планировочном устройстве и декоративном оформлении севернорусского дома-двора.

6. Представить интерпретацию северного крестьянского дома как знаковой системы в традиционной культуре на примере Онежского Поморья.

Методы исследования

Ключевыми для данного исследования выступают: *структурно-семиотический метод*, направленный на выявление семантики традиционного жилища, *феноменологический метод*, необходимый для анализа знаковой структуры северного домостроя. Важное место уделяется применению *структурно-функционального* метода для анализа объектов

деревянного зодчества, раскрытия их архитектурно-конструктивных, функционально-бытовых и символических характеристик; *сравнительно-типологический метод* для сопоставления особенностей конструкции и декора с целью раскрыть элементы различия и взаимовлияния художественно-эстетических традиций народов Севера и Арктики.

Теоретико-методологическим основанием диссертационного исследования послужили труды культурологов и философов, представляющих европейскую и российскую традиции феноменологии и постструктурализма. Однако в целом, диссертация имеет междисциплинарный характер, и потому в ее основе также лежит методология ряда других гуманитарных наук: этнографии, искусствоведения, истории, антропологии, фольклористики, этнолингвистики.

В данном исследовании автор опирается на ведущих отечественных исследователей проблемы знаковых систем в традиционной культуре: А. К. Байбурина, В. Н. Топорова, Н. И. Толстого, Вяч. Вс. Иванова, Т. В. Цивьян, Ю. М. Лотмана и др., которые обращаются к вопросам знакового функционирования вещей. Таким образом, автор опирается на принцип *знаково-семиотического* подхода к культуре (следовательно, и традиционному жилищу, а также окружающему природному и культурному пространству) как к тексту.

Ключевыми для данного исследования выступают: *структурно-семиотический метод*, направленный на выявление семантики традиционного жилища, *феноменологический метод*, необходимый для анализа знаковой структуры северного домостроя. Важное место уделяется применению *структурно-функционального* метода для анализа объектов деревянного зодчества, раскрытия их архитектурно-конструктивных, функционально-бытовых и символических характеристик; *сравнительно-типологический метод* для сопоставления особенностей конструкции и

декора с целью раскрыть элементы различия и взаимовлияния художественно-эстетических традиций народов Севера и Арктики.

В диссертации применяется *системный подход*, рассматривающий природное и культурное пространство Онежского Поморья как целостный – культурный ландшафт (историко-культурная среда Русского Севера и Арктики), включающий в себя «поселение, природный ландшафт, планировочную и топонимическую структуру, народную архитектуру, а также этнос, хозяйственную деятельность, язык, духовную культуру» [76, с. 55]. Таким образом, при детальном рассмотрении отдельных поселений, концепция культурного ландшафта, как результата различных цивилизационных и семиотизации среды, в данной работе понимается в соответствии с определениями Ю. А. Веденина, М. Е. Калущкова, М. Е. Кулешовой и А. Б. Пермиловской. Однако на уровне культурологических обобщений более плодотворным видится понимание культурного ландшафта О. А. Лавреновой, как «некоего динамического единства географического пространства и человеческой деятельности во всех ее проявлениях» [54].

Находят свое применение идеи В. Н. Матонина, реализующиеся в принципе «природа – “текст”, культура – его “цитирование”» [62].

Применяется методика эмпирического исследования памятников деревянного зодчества, исторических поселений с проведением фотофиксации и схематических обмеров А. Б. Пермиловской, апробированная в экспедициях, в том числе с участием автора данной работы.

Источниковую базу исследования составляют оригинальные полевые этнографические материалы автора диссертации, собранные в процессе экспедиционной работы на территории Онежского Поморья в период 2018-2021 гг.

Исследование строится на самостоятельном экспедиционном изучении исторических поселений и памятников народной архитектуры с проведением фотофиксации, схематических обмеров и этнографического анкетирования. Было проведено 6 экспедиций в Арктическую зону Российской Федерации в ходе которых обследовано 6 исторических поселений: с. Ворзогоры, с. Малошуйка, с. Пурнема, д. Лямца, д. Нижмозеро, Онежский район, Архангельская область; с. Заостровье, Приморский район, Архангельская область. В целом используется материал, полученный от 71 информанта, записанный методом интервью с помощью диктофона (Приложение А).

Непосредственной исследовательской базой работы является ведущая научная поморская семиотическая школа при ФГБУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени Ломоносова» (рук. школы и данной диссертации Н. М. Терехихин) и ФГБУН Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н. П. Лаверова УрО РАН, научный центр традиционной культуры и музейных практик (рук. НЦ А. Б. Пермиловская), где автор работает с 2018 года.

Хронологические рамки исследования охватывают конец XIX – начало XXI вв. (по настоящее время включительно). Это связано с недолговечностью жилых деревянных построек, максимальный срок сохранности которых в среднем составляет 100–150 лет (следовательно, самые старые памятники относятся максимум к сер. XIX в.). С другой стороны, верхняя граница хронологических рамок связана со временем проведения исследования (2018–2021 гг.). Культурный ландшафт Онежского Поморья представляет собой своего рода «палимпсест», где живая традиция поморских поселений формирует новые и новые слои, накрадывающиеся на устойчивую историческую основу.

Территориально-географические рамки работы ограничиваются, прежде всего, пределами Онежского Поморья. Изучаемый регион

рассматривается в контексте культурного ландшафта Русского Севера в целом. Выбор предопределен репрезентативностью Онежского Поморья: высокой сохранностью традиционной жилой застройки, наличием старинных культовых центров поселений – деревянных ансамблей «тройников», преемственностью поморских строительных традиций. Также, важную роль играет то, что Онежское Поморье является прибрежной территорией, где приморско-приречный тип заселения и менталитет поморов имеют особо выраженный характер.

Научная новизна:

1. Предложена и обоснована триада «природа–человек–культура» как концептуальная основа изучения этнокультурной специфики культурного ландшафта Русского Севера. Культурный ландшафт здесь исследуется как текст, конструируемый в процессе освоения человеком пространства, его физической и символической трансформации.

2. Обоснована роль крестьянского дома в структуре северной деревни как неотъемлемого фактора формирования севернорусского культурного ландшафта, на материале Онежского Поморья уточнены следующие характерные типологические черты севернорусского дома: архитектурно-конструктивные особенности жилища (типа связи жилой и хозяйственной части, тип планировки избы), способ ориентации жилища в пространстве, аскетичный «наряд» поморского дома.

3. В результате проведенного семиотического анализа получены новые данные о формировании и развитии культурных ландшафтов Русского Севера, изучены особенности пространственно-планировочной структуры уникальных исторических поселений как динамичной системы природных и культурных компонентов, меняющихся вследствие процесса освоения пространства человеком, осмысленных в этнокультурологической перспективе.

4. Введены в научный оборот новые источники по материальной культуре Онежского Поморья, характеризующие современное состояние культурных ландшафтов Русского Севера. Получены данные о планировочной и топонимической структуре поселений и жилищ, об архитектурных особенностях крестьянского дома-двора, хозяйственной деятельности и быте Онежского Поморья. Результаты экспедиционной работы пополнили архитектурно-этнографическую коллекцию научного центра традиционной культуры и музейных практик.

5. Выявлена преемственность в приемах орнаментации крестьянского жилища Онежского Поморья по отношению к традиционным технологиям зодчих Русского Севера. Доказано, что поморский декор сохраняет свое знаковое наполнение как часть текста культуры, характеризует дом как систему, вписанную в культурный ландшафт. В соответствии с этим, установлена специфика современного декоративного убранства поморского дома как маркера этничности, способа репрезентации характера и менталитета местного населения.

Научная новизна исследования конкретизирована в следующих **основных положениях, выносимых на защиту:**

1. Исходя из двойственной природы человека, освоение пространства Севера реализуется на двух уровнях: материальном (физическом) и духовном (ментальном). Физическое преобразование мира определено задачами выживания, адаптации к природным условиям. Духовное преобразование происходит из потребности человека в осмысленном, наполненном знаками окружающем пространстве. Таким образом, результатом подобного освоения становится культурный ландшафт, в котором человек выступает одновременно субъектом и мерой его потенциального развития. Смыслообразующая деятельность человека формирует и ограничивает символическое пространство.

2. Диалектический процесс освоения пространства, при котором не только человек преобразовывает природу, но и природные условия определяют культурные формы человеческого бытия, – на Русском Севере получил особую специфику в силу того, что в этот процесс включены два качественно разных пространства: «ближнее», доместицированное и «дальнее», осмысленное в метафизической перспективе. Например, аскетичный декор – это влияние не только пейзажа и доступных ресурсов, но и пережитого морского опыта. Переход природы в культуру в триаде «природа–человек–культура» осуществляется не столько через цитирование, мимезис и физическое преобразование, сколько через осмысление своего места в ней и ее символического присвоения в акте тотальной сопричастности божественному.

3. Крестьянский дом в структуре северной деревни – это один из формообразующих элементов культурного ландшафта Русского Севера. Совокупность домов образует основу поселения, именно они оформляют пространство для жизни. Если храм – это архитектурная доминанта, задающая вертикальную координату культурного ландшафта сельских поселений Русского Севера, то дом разворачивается в само поселение, в горизонтальное измерение сельского мира. Деревня начинается не с храма (который становится ее духовным центром, завершением), а с дома (крестьянской усадьбы), а на севере – комплекса дома-двора. Если деревня структурирует и упорядочивает природу, то дом структурирует и упорядочивает культурный ландшафт.

4. Дом, «не-существующий» и «не-актуализированный» в физическом пространстве, уже имеет свое символическое воплощение в кодах семиосферы. Его потенциальная конструкция проецируется на культурный ландшафт, который анализировался как с точки зрения пригодности его вещественной субстанции – фиксирующей прагматические аспекты потенциального строительства, так и сакральной типологий традиционной

культуры, «высвечивавшей» места с положительной и отрицательной семантикой. В этом смысле не человек, а само пространство (и время) предопределяло возможности для будущего процесса возведения жилища. Дом буквально «впитывает» в себя определенные природные элементы. Пройдя процесс символической и физической обработки, они обретают новое функциональное и смысловое наполнение.

5. Космос севернорусской традиционной культуры отражен в пространстве дома – иерархия пространства и семьи, ее история, ценности, обычаи и менталитет. Человек соразмерен дому, дом – культурному ландшафту, освоенный природный ландшафт с домом – символическому Космосу. Традиционная трехчастная иерархия дома в целом получает здесь свое образное повторение. Дублирование модели мира претворяется во внутреннем убранстве и традиционных элементах интерьера.

6. Орнаментация декоративного убранства как знаковая система, выполняет функцию защиты структурированного и стабилизированного микрокосмоса жилища от воздействия внешних негативных сил, репрезентирует эстетическую и мифопоэтическую информацию, закодированную в универсальных образах традиционной культуры Русского Севера. Однако на материале Онежского Поморья можно говорить о лаконичности и прагматическом характере «наряда» дома. Традиционное представление о богатом декоре дома («хоромы») может быть скорректировано исходя из специфики культурного ландшафта и взаимосвязанного с ним менталитета поморов. Утрата декора лишает дом его символической защиты, изымает его из области соприкосновения с семиосферой. Однако при этом аспекты включенности в культурный ландшафт только усиливаются.

Теоретическая значимость исследования.

Теоретические положения диссертации продолжают развивать концепцию сакральной географии геокультурного пространства

субарктических и арктических территорий России поморской семиотической школы Н. М. Терехина. Работа обращается к актуализации исследований традиционной культуры Русского Севера (по материалам Онежского Поморья) в междисциплинарном поле культурологии, этнографии (этнокультурологии), искусствоведения, философии и архитектуры, представленных трудами В. Н. Матонина и А. Б. Пермиловской.

Материалы и выводы диссертации позволяют уточнить отдельные аспекты проблемы изучения северного дома в этнокультурологическом дискурсе. Выявляют динамику трансформации традиционного жилища в севернорусском культурном ландшафте на примере Онежского Поморья. Отличительные особенности декора в интерьере и экстерьере, семантика конструктивных элементов, строительной обрядности, вещей и повседневного быта традиционного жилища охарактеризованы как маркер севернорусской этничности. Теоретическое применение результатов работа может иметь место в дальнейших исследованиях в области этнокультурологии.

Практическая значимость исследования.

Изучение культурных ландшафтов исторических поселений в указанном дискурсе важно в контексте проблемы их актуализации как базисной составляющей региональной и русской национальной культуры. Результаты могут быть использованы в практиках туризма, культурных индустрий и малого бизнеса с целью обеспечения устойчивого развития Европейского Севера и Арктики. Результаты исследования имеют значение для решения актуальной проблемы формирования региональной идентичности и этнокультурного брендинга территории, для выработки рекомендаций по сохранению, музеефикации и ревалоризации (переоценки ценности) вновь выявленных памятников этнокультурного наследия на территориях исторических поселений, национальных парков, достопримечательных мест, музеев под открытым небом.

Апробация работы.

Апробация и внедрение диссертационного исследования проводились на базе кафедры культурологии и религиоведения САФУ имени М. В. Ломоносова. Материалы диссертации использовались при выполнении на базе ФИЦКИА УрО РАН научно-исследовательской работы по государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ, а также по двум грантам:

Государственное задание № 122011900128-7 «Комплексное исследование формирования и трансформации историко-культурного наследия в этно-социальной динамике Европейского Севера и Арктики», (2019-2021).

Грант Министерства образования и науки Архангельской области (конкурс научных проектов «Молодые ученые Поморья»), проект № 17-2019-02а «Традиционное крестьянское жилище как способ адаптации к природным условиям Европейского (Русского) Севера и Арктики», 2019.

Грант Министерства образования Архангельской области (конкурс научных проектов «Молодые ученые Поморья»), проект № 05-2021а «Культурный ландшафт исторических поселений как стабилизирующий фактор адаптации, обеспечивающий эффективность этносоциального и экологического развития Арктики (по материалам Онежского Поморья)», 2021.

Апробация осуществлялась на 10 региональных, всероссийских и международных научных и научно-практических конференциях с 2018 по 2021 год: III Межрегиональная научно-практическая конференция «Беломорские чтения» (г. Архангельск, 20-21 апреля 2018), Всероссийская конференция с международным участием «Проблемы обеспечения экологической безопасности и устойчивое развитие арктических территорий: II Юдахинские чтения» (г. Архангельск, 24-28 июня 2019), Всероссийская конференция «Рябининские чтения – 2019» (г. Петрозаводск, 23-27 сентября

2019), Девятые Шёгреновские чтения «Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт-3». (СПб 26-28 февраля 2020), Молодежная научная школа-семинар «Церковная археология и сакральные древности северной России» (к 100-летию российской академической археологии) (г. Архангельск 15-16 января 2020), Ломоносовские научные чтения студентов, аспирантов и молодых ученых – 2020 (г. Архангельск 13-17 апреля 2020), Всероссийская конференция с международным участием «Глобальные проблемы Арктики и Антарктики», посвященная 90-летию со дня рождения академика Николая Павловича Лаврова (г. Архангельск 02-05 октября 2020), Международный XIV Конгресс антропологов и этнологов России «Антропология и этнология в поисках ответов на национальные вызовы» (Томский государственный университет, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. 6-9 июля 2021), Всероссийская научно-практическая конференция «Кенозерские чтения – 2021» (НП «Кенозерский», 19-24 сентября 2021), V Российский культурологический конгресс с международным участием (Санкт-Петербург, 8-10 ноября 2021).

Результаты исследований отражены в 13 научных публикациях. Из них 7 научных статей в журналах из списка ВАК РФ, 1 – в издании с международным индексом цитирования.

Структура работы.

Работа включает введение, 2 главы (7 параграфов), заключение, список использованных источников и 2 приложения (А–Б).

1 ГЕОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО РУССКОГО СЕВЕРА КАК СИСТЕМА: ВОЗМОЖНОСТИ И МЕРА СЕМИОТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

1.1 Триада «природа–человек–культура» как теоретико-методологическое основание комплексного исследования культурного ландшафта

В первом параграфе будет исследована и осмыслена уникальная специфика геокультурного пространства Русского Севера как символического единства человека, природы и культуры, в пределах которого формируется и существует традиционное жилище.

Исследование традиционной культуры различных стран и народов невозможно представить без обращения к теме жилища. В традиционном обществе «дом» – это не просто материальный объект, но один из ключевых символов культуры. Именно с домом соотносятся важнейшие категории картины мира человека. В зависимости от того, находится ли человек в доме, строится и соответствующая стратегия его поведения. Жилище не только обеспечивает безопасность, но и имеет особое значение для структурирования пространства. В конце концов – дом выступает и в качестве модели всего освоенного человеком мира [2, с. 3].

Понятие дома несводимо только к конструкции. Насколько жилище вещественно по своей сути, настолько же оно и интеллигибельно. Так, по словам Н. М. Терехина, «дом относится к числу архетипических образов, с незапамятных времен функционировавших в человеческом сознании <...> эксплицитно понятие дома связывалось также со всем народом <...> связь Дома и процесса его строительства с актом Божественного Домостроительства – творения мироздания – указывает на фундаментальную роль образа дома в космогонии и космологии, в модели мира того или иного народа» [88, с. 9-10]. Дом – это ключевой концепт и символ, раскрывающий всеединство человека и природы.

Как отмечает А. Б. Пермиловская, применительно к отечественной традиции: «Крестьянское жилище выступало не только в качестве объекта предметного мира, но и как организующее начало, созидавшее символическую связь человека с Космосом – как архетипическая модель традиционной русской культуры» [74, с. 12].

Не менее важная роль отводится дому и в субстанциональном измерении человеческого бытия: «Дом – это пространственно-предметная среда удовлетворения важнейших биологических потребностей крестьянской семьи: защита от неблагоприятных климатических условий севера, место питания, сна, продолжения рода. Дом был пространством труда и отдыха, в нем протекали временные координаты бытия (день – ночь, годовые сезонные циклы, будни и праздники)» [76, с. 208]. В более широком смысле, с возведением полноценного жилища, начинается и вся история архитектуры в принципе. Так, по словам А. К. Бурова: «Все современные средства, начиная с материалов и кончая теорией, должны быть найдены и освоены в процессе практической работы над жилым домом. Первым сооружением человека было жилище, дом. Из дома вырос форум. Из дома вырос акрополь, из дома вырос погост в Кижях, а не наоборот. С жилища начинается архитектура, с жилища начинается город» [13, с. 23]. Традиционный крестьянский дом – одна из важнейших социокультурных доминант Европейского (Русского) Севера. Вся Северная архитектурная традиция уникальна. Как писал Р. М. Габэ: «...если говорится о самобытности русского северного церковного зодчества, то в такой же степени самобытно и зодчество крестьянских изб, так как творцы его были одни и те же» [15, с. 3]. Жилище формирует неповторимый образ северных территорий России, характеризует культуру и ментальность местного населения.

Из вышеприведенных характеристик следует, что жилище – это комплексное понятие, онтологические основания которого коренятся во взаимосвязи (синергии) материальных и духовных (в аксиологическом,

семантическом и даже мифопоэтическом смысле) аспектов Природы и Культуры. Особое значение при этом приобретают пространственные характеристики дома. Дом – это открытая система, особое пространство, которое существует, реализуется и «разворачивается» в других пространствах, как будет показано далее, во многом ему соразмерных. Это индуктивно соотносится с идеей географа Дэвида Харви о «реляционном» способе понимания пространства в целом «в духе Лейбница – как содержащееся в объектах в том смысле, что об объекте можно сказать, что он существует, лишь, поскольку он содержит и репрезентирует в себе самом отношения к другим объектам» [108, с. 12]. Следовательно, постижение и изучение дома, жилища вне иерархии порождаемых им и включающих его в себя пространственных структур – хотя и возможно (с точки зрения, например, чисто архитектурной), но накладывает серьезные ограничения на понимание его генезиса и онтологии. В контексте же современных комплексных исследований изучение жилища в отрыве от специфики конкретного места (ландшафта, природно-климатических условий), человека и образованной в результате их сотворчества культуры представляется крайне ограниченным. Впрочем, следует отметить, что в терминах Дэвида Харви, в данной работе не ставится под сомнение возможность одновременного сосуществования абсолютного (материального, геометрического, неподвижного), релятивного (относительного, временного) и реляционного (эммерджентного, холистического, абстрактного, мыслимого) пространств. Однако с точки зрения избранного подхода и поставленных задач, а также цели данного параграфа, именно реляционный способ понимания пространства обладает наибольшим гносеологическим потенциалом.

Таким образом, прежде чем подойти к вопросу анализа непосредственно севернорусского традиционного жилища, следует уделить внимание природному и культурному контексту (а с точки зрения

эпистемологических принципов «пространственного поворота», возможно, следует сказать – аспекту) [5, с. 7], который в самом широком смысле может быть определен в качестве «геокультурного пространства» Русского Севера. Геокультурное пространство – это «информационно-семантическая форма существования культур в пространстве, обладающая глобальной целостностью, имеющая эйдетическую, идеациональную, символическую составляющую». По мнению О. А. Лавреновой, оно состоит из отдельных культурных ландшафтов – информационно-территориальных кластеров, представляющих собой системы кодов культуры, получающих свое выражение в знаках и символах, а также конкретных физически-воплощенных артефактах, связанных с конкретной территорией [54].

В данной работе именно культурный ландшафт представляется как базовый элемент геокультурного пространства. В переделах культурного ландшафта возникает и существует традиционное жилище. Таким образом, чтобы осмыслить символическое измерение Севера, необходимо проанализировать генезис и структуру его культурного ландшафта.

Со времени своего появления, термин культурный ландшафт претерпел множество изменений, прежде всего за счет расширения содержания интенциональных определений. Однако в их основе (в отечественной науке) лежит определение Л. С. Берга: «Природными ландшафтами мы называем такие, в создании которых человек не принимал участия, в отличие от культурных, в которых человек и произведения его культуры играют важную роль» [6, с. 133]. Термин культурный ландшафт получил широкое распространение и развитие далеко за пределами классической географии, в рамках которой он зародился. Это связано не только с его универсальностью и охватом большого числа возможных структурных элементов, потенциально описывающих пространство на различных уровнях, но и с существенными изменениями в самих гуманитарных и социальных науках во втор. пол. XX – нач. XXI вв. – т. н. «культурным» и «пространственным» поворотом.

В географии культурный ландшафт, соответственно, всегда имеет две составляющие – природную и культурную [39]. При этом в гуманитарных науках, природная составляющая, как правило, оказывается на периферии концепта культурный ландшафт, и сводится к его чисто внешнему проявлению, фону – пейзажу [38; 54]. Несомненно, с точки зрения изучения культурного ландшафта (или геокультурного пространства в целом) самих по себе, в качестве самостоятельных концептов, как объектов и предметов исследования, возникает необходимость придерживаться конкретного подхода. Так, в культурологии, гуманитарной географии и философии культуры, представляется логичным ограничить прочтение культурного ландшафта, например, как объекта непрекращающегося процесса семиозиса. Когда в исследовании ландшафт «представляется важным элементом культуры как составляющей структуры личности, определяющим ее включенность в семиосферу» [38; 54], вопросом природно-климатических условий и специфики рельефа можно пренебречь. Однако дом, в своей «пространственности» более материален. Культурный ландшафт во всей своей полноте может быть ограничен его переживанием и осмыслением, тогда как жилище, при сохранении своей знаковости, всегда также существенно и конструктивно. Во взаимосвязи природы, человека и культуры – одним из продуктов которой и является дом – ограничение роли одной из составляющих (в данном случае природной) лишает концепт традиционного жилища целостности. Учитывая ключевое значение аспекта «пространственности» и для культурного ландшафта, и для дома, нельзя не отметить, что основания для их формирования (именно в контексте пространства, в данной работе – Севера) существуют в условиях вполне конкретного диалектического противоречия природы и культуры. С одной стороны, культурные основания пространства ландшафта и дома базируются на природной составляющей («природа – “текст”, культура – его “цитирование”»). С другой стороны, они могут быть соотнесены в логике

интерпретации этносемиотики народов Севера: «соотнесенность национального менталитета и природной среды этноса имеет совершенно иную взаимозависимость. Не реальная география (природа) определяет пространственный менталитет народа-этноса, а национальный язык пространства сам определяет свою природу, точнее, подгоняет природную среду под свой масштаб» [89, с. 206]. Изучение конкретных севернорусских культурных ландшафтов указывает на реальность преодоления подобной диалектики. Так, М. Н. Мелютина, исследуя особенности священного хронотопа культурного ландшафта Кенозерья, показывает, что это сложный религиозной-культурный, исторический и естественно-природный феномен. Сакральное пространство Кенозерья – это результат как геологических, так и семиотических процессов. Всколмленная водно-ледниковая равнина с множеством озер способствовала возникновению здесь островов, высоких холмов на озерных системах и гористых береговых уступов. Указанные особенности рельефа соотносятся с местной ландшафтной топонимикой, в которой широко распространен топоним Гора (Горка). Эти возвышенности стали местами возведения сакральных объектов (крестов, часовен, церквей), которые, в свою очередь, часто маркируют расположение языческих капищ и славянских курганов [64]. Таким образом, процесс формирования культурного ландшафта оказывается в равной степени зависим, как от закономерностей строения земной поверхности, так и историко-культурных, языковых оснований.

В соответствии с этим, прежде чем обратиться непосредственно к традиционному жилищу, возникает необходимость анализа символического и природного пространства Русского Севера.

Прежде всего, обратимся к анализу символического пространства Севера. Отметим, что символическим, в данном контексте, пространство является в модусе человеческого опыта его восприятия, понимания и «считывания» – в соответствии, например, с концепцией Эрнста Кассирера.

Он выделял органическое, перцептивное (оба связаны с восприятием органами чувств) и символическое пространство. Последнее абстрактно и приобретает смысл только в процессе своего прочтения и интерпретации [40]. Другими словами, «символическое пространство» – это пространство текстов, смыслов и опыта их интерпретации, что в свою очередь во многом совпадает с определением семиосферы.

Структура инварианта такого пространства в интерпретации традиционной культуры, в том числе характерного и для севернорусских территорий, имеет устойчивую трехчастную иерархическую композицию, которая экстраполируется и повторяется на каждом из таксономических уровней бытия – от классической модели мироустройства (верхний, средний, подземный мир) до конструкции традиционного жилища, включающего крышу с подволокой, жилое помещение и подклет с фундаментом – как основные элементы устройства здания [63]. Таким образом, природные и рукотворные объекты физического мира понимаются как модели, в которых явлено уплотнение онтологической карты всего бытия. Микрокосм становится сопричастен и полностью аналогичен Макрокосму [28, с. 72]. Трехчастная структура получает различные воплощения и может изменять свое содержание в зависимости от позиции интерпретатора, осуществляющего осмысление (процесс семиозиса) по отношению к этому пространству.

Следуя методу индукции, для объяснения структуры геокультурного пространства Русского Севера, можно обратиться к выработанной модели социокультурного пространства севернорусской деревни, как конкретного воплощения инварианта северного культурного ландшафта, предложенной и исследованной В. Н. Матониным: «В широком смысле “сельский мир” – это социокультурное пространство, в котором осуществляется актуализированный коммуникативный процесс, в котором участвуют природа (ландшафт), человек (образ Божий) и общество (община). Структура

социокультурного пространства включает в себя духовное (культовое), душевное (культурное) и телесное (экзистенциальное) измерения» [62].

Символическое пространство Севера в принципе может интерпретироваться и выражаться в различных по своему содержанию триадах структурных элементов. Так, Н. М. Терехихин и М. Н. Мелютин описывают традиционную культуру севернорусского «мира» (земское, народное самоуправление и мироустройство) через его тринитарную (троичную) ипостась: «приход – волость – община», выводя их из реализации трехфункциональной схемы архаических индоевропейских обществ Ж. Дюмезиля («жрецы, воины, земледельцы») и структуры триединого «священного космоса русской жизни» – «святость, царство, земство», намеченной в научных изысканиях В. Н. Топорова [29; 65; 93]. С точки зрения позитивизма и обыденного сознания устойчивая трехчастность символического пространства может быть причислена к разряду «спекулятивных суждений». В подобном ключе Рене Генон упрекает Огюста Конта, утверждающего, что человек всегда стремится к объяснению естественных явлений и неизбежно приходит к выводу, что любое знание, на любом уровне, представляет собой более или менее удачную попытку объяснения этих явлений [17]. Однако в рамках данной работы речь идет не о сведении любых триад, описывающих пространство Космоса, к инварианту Великой Триады традиционализма (что осуждал и сам Генон при сравнении положений разных Традиций), но в приложении вполне устоявшейся традиции троичного членения пространства (как и ритуала его творящего) [17; 104] к вполне конкретным объектам – культурному ландшафту и жилищу Севера.

Конкретно модель В. Н. Матонина может быть спроецирована на геокультурное пространство Русского Севера, который по своей «форме» соотносится с «сельским миром». Предложенные для осмысления Севера основополагающие категории «природа–человек–культура» здесь сообразны

с «ландшафтом–человеком–обществом», но не равны им. «Ландшафт–Образ Божий–Община» приобретают в геокультурном пространстве иные коннотации: «Материал–Творец–Творение». Подобная интерпретация возможна благодаря применению методологического подхода В. Н. Матонина, в соответствии с которым «природа – “текст”, культура – его “цитирование”». В этом контексте особенно важно еще раз подчеркнуть, что мы не пытаемся подменить категории триад, при их созвучии (объявив «общину» синонимом «культуры»), лишь утвердить тезис соразмерности структуры пространств в рамках одной культуры и, в более широком смысле, одной Традиции (метафизики Севера).

По своему содержанию этот подход созвучен с Космософией Г. Д. Гачева, раскрывающего Единое устройство Бытия национальных образов мира через категории Космо-Психо-Логоса: единства национальной природы, склада психики и мышления народа. Если Природа (в образе Матери) – это исполненный смыслов текст, то народ (как метафорический Супруг Природы) разгадывает ее зов, т.е. осваивает и преобразует – присваивает – создавая культуру. В свою очередь, между природой и культурой не устанавливаются иерархические отношения, они продолжают сосуществовать в тождественности и дополнительности [16, с. 11].

Несмотря на метафорический характер – это утверждение может получить более конкретное выражение. В основе триады «природа–человек–культура» лежит в диалектическом преодолении, казалось бы, обособленных и несводимых друг к другу географического пространства и культуры через категории человека-мыслителя и человека-творца, актуализирующих процессы активного преобразования материи с одной стороны и интенсивного семиозиса с другой. В данном контексте возможно выделить несколько положений, определяющих место человека в вопросе соотношения пространства как природной среды, включающей конкретные для некой локальной территории ландшафт, природно-климатические условия и

ресурсную базу – и культуры как изъятых, преобразованных в артефакты или осмысленных («процитированных») и таких образом присвоенных человеком образцов «текста» природы.

Прежде всего, следует отметить интенциональный характер преобразования пространства Природы в пространство Культуры. Освоенное пространство, культурный ландшафт даже в простейшем своем виде всегда обусловлен двойственностью причин, побуждающих человека «цитировать» Природу, основанием чего является его собственная двойственная, двухполюсная природа. Как отмечает философ-традиционалист А. Г. Дугин, концепция человека может быть рассмотрена с точки зрения двух антропологических моделей «минимального гуманизма» и «максимального гуманизма» [28, с. 30-31]. Первая модель видит человека как актуального, неизменного и самотождественного – как константу – обреченную на онтологическое изгнание в одну из точек Бытия – не важно в центр или периферию. Такая модель полностью лишена динамики, противоречий, развития, а значит, ограничена как во внутренних, так и внешних потенциях. Модель «максимального гуманизма», напротив, описывает человека как «поле борьбы двух начал» процесс, обусловленный противостоящими друг другу функциями: «биоавтомата» (зверомашины) и «светового начала» (бого-человека). Таким образом, «сектор человеческого не выделяется в некую отдельную герметически замкнутую область, но представляет собой поле свободного обмена, насыщенной циркуляции божественных, человеческих, животных, вегетативных и минеральных энергий» [28, с. 73] Тем самым А. Г. Дугин также доказывает тождество микрокосма и макрокосма. Все три тела: человека, природы и культуры соразмерны в своей сакральной географии и анатомии.

В данной работе, диалектический характер модели «максимального гуманизма», как отражение борьбы полюсов человеческого бытия на сакральном и мирском уровнях, помогает охарактеризовать

антропологическое измерение Севера в качестве места крайней предельности, обладающего ярко выраженным «метапровокативным статусом» [62]. Данный тезис, выдвинутый В. Н. Матониным, может быть применен по отношению к динамике севернорусских культурных процессов с различных сторон. В оригинальном значении он характеризует социокультурное пространство северной деревни как место борьбы или неустойчивого баланса противостоящих сил, где явления, выдвинутые на предельные рубежи бытования, являют себя в наиболее яркой и эксплицитной форме [62]. Однако для нас понятие «метапровокативного статуса» обладает, прежде всего, потенциалом для раскрытия экстремальности организации пространственных отношений в процессе освоения северных территорий.

Пространство Севера и Арктики цитируется и присваивается на двух полюсах человеческого существования в модели «максимального гуманизма». Зверочеловеческое, бихевиористское начало нижнего полюса вынуждено осваивать Север с позиции выживания, приспособления к условиям окружающей среды. Это стремление удовлетворить самые базовые (по А. Маслоу [109]) физиологические (органические) потребности и потребность в безопасности. Низкие температуры, осадки, разнообразие рельефа, сложность ведения хозяйства, борьба с морской стихией, выстраивание взаимоотношений с аборигенным финно-угорским населением и др. побуждают человека манифестировать свои самые выдающиеся качества: мужество, терпение, выносливость, наблюдательность, спокойствие [62]. В сущности, данные качества являются сжатым содержательным определением поморского субэтноса. С другой стороны, духовное богочеловеческое начало верхнего полюса человеческого бытия так же включено в процесс метафизической доместики северных территорий. Но причины, задающие вектор интенциональности на Север, лежат в ином, отличном от бихевиоризма, инстинктов и потребностей измерения.

Н. М. Терехин и В. Н. Матонин в своих ключевых работах отмечают первостепенное значение концепции «Преображения» как ключевой метафоры, отражающей процесс движения (освоения) человека на Север. Преображение – это следствие идеи «перехода» (границы) идеал, выражение личного спасения, приобретения новых человеческих качеств в экстремальных условиях: «Опасность побуждает к покаянию, а покаяние предшествует Преображению» [62]. Анализируя дуальный характер русской культуры, в которой нижняя и верхняя границы, духовное и телесное сопряжены и нераздельны, Н. М. Терехин отмечает, что «эта пронизанность природного (нижнего) мира духовностью божественного (верхнего) мира и обусловила такое замечательное свойство русского типа освоения географического пространства, как его преобразовательный характер, основанный не на идее преобразования, а на идее Преображения. Природный мир — творение Божие, в нем явлен образ Творца, и потому грубое физическое вторжение в природу, по мысли русского человека, приведет к искажению этого Первообраза не только в божественной красоте природы, но и в самом преобразователе, обуреваемом грехом гордыни и самоволия. Этот пример, иллюстрирующий особенности русского способа освоения окружающей среды, показывает, что идеальный образ культурного ландшафта того или иного народа первичен по отношению к географической реальности. Он изначально укоренен в глубинах народной души, в этнических основаниях культуры и выражается в особой пространственной ментальности, в пространственных стереотипах мысли и поведения, слова и дела» [87, с. 48]. Таким образом, освоение пространства Севера – это критически напряженный процесс, где оба полюса человеческого бытия, духовный и физический, максимально проявлены. Результатом подобного освоения становится культурный ландшафт, в котором человек – мера его предельности в физическом и метафизическом пространстве бытия. Ландшафт, через динамику его освоения, оказывается, соразмерен человеку.

Насколько периферийно и оттого предельно онтологическое существование людей, заключенное в процессуальности борьбы противоположных начал, настолько же предельно и от того периферийно бытие преобразованного и осмысленного ими пространства.

Следующее значимое для нас положение, определяющее место человека в вопросе соотношения севернорусского пространства как природной и культурной среды – может быть выведено исходя из его расширенного понимания в качестве текста, системы смыслов внутри обособленной семиосферы русской культуры.

Особое значение в данном аспекте приобретает само понятие «Русский Север» – имеющее явный и насыщенный антропологический характер. Даже в сокращенном инварианте как «Север» он воплощает в большей степени природную сторону своей онтологии. Север – это понятие неосвоенных земель, маркер определенного места в пространстве и его природно-климатических характеристик. Однако Русский Север приобретает совершенно иную коннотацию; зависимое слово в этом словосочетании – «Русский». Понятие культурологическое и культурфилософское, поскольку включает в себе смыслы (в том числе ассоциативные), связанные с традиционной культурой русского народа, получившей развитие и наиболее полно сохранившейся на севере России.

«Русский Север» передает характер освоения и *присвоения* пространства человеком – т.е. его «окультуривания». В этом отношении можно сослаться на само определение культуры, данное В. А. Подорогой: «Все, чтобы быть культурой, должно быть включено в тотальный ритуал присвоения. Культура есть способ существования живых существ, развивших в себе способность к присвоению сделанного <...> Что-то делается, но в качестве сделанного оно предстает только в момент присвоения. Присвоение дает место сделанному, по сути, наделяет его качествами культурного образца <...> Культура ничего не производит, не делает, не творит, но все

присваивает, делает годным к потреблению <...> Культура не может быть собственностью или “вещью”, она только способ...» [53, с. 16].

В соответствии с этим Русский Север – это пространство обжитое, освоенное, населенное. При этом освоение – акт не только пространственно-временной, но семиотический и аксиологический. Русский Север по своему определению – это место, где соприкасаются и взаимопроникают друг в друга культура и природное пространство, образуя человеческое измерение севера, где природа преобразована как на физическом уровне (ведение хозяйства, возникновение поселений) так и символическом.

Своеобразие Русского Севера, еще до того, как он стал собственно «русским», заключается в его «антропологической соразмерности» именно в границах севернорусской семиосферы. Это пространство не было местом полноправного хаоса неструктурированной природы, но сферой бытия Другого – коренных народов, населявших эту территорию. В этом отличие заселения Севера, например, от освоения Арктики (Заполярья), которая в своем первозданном виде открывалась первопроходцам как место действия чистых природных сил, необузданной стихии. Путешественники кон. XIX – нач. XX вв., которым приоткрылось таинство природы за полярным кругом, описывали это место исходя из категорий солнца, воды, льдов, пустыни и смерти. Оно было опасным из-за «не-человеческого» характера пространства. Север, напротив, не был «страной смерти» (хотя на физическом плане и соотносился с зимой, снегом, морозом), но опасен тем, что это пространство уже было освоено и даже *присвоено* человеком, но относящимся к сфере Другого – финно-угорскими народами.

Тем интереснее отметить, что в контексте «метапровокативного статуса» геокультурного пространства Севера – Другой не был Иным. Диалог культур, включенных в парадигму северного бытия, безусловно, знает примеры конфронтации и военного противостояния. Однако они не составляли основу ведущего вектора взаимного общения и развития. Хотя

освоение Севера в XII-XVII вв. сделало его местом столкновения не только человека и природы, но культуры и культуры (культуры пришлой и коренной), реальные столкновения между людьми «не определяли характер русской колонизации края, осуществлявшейся, в основном, вполне мирно» [12, с. 69].

В материальном пространстве человек вел борьбу с экстремальными природно-климатическими условиями (но не самой Природой). В метафизическом пространстве эта борьба проецировалась на внутренний мир северного крестьянина. Путь на Север для него – это «восхождение к центру мира, к той вершине Мировой Горы, окруженной водами моря-океана, с которой открываются не только сияющие светоносные дали Обетованной земли Царства Небесного, но и зияющие пропасти и бездны Кромешной Тьмы» [87, с. 3]. Север – это место, где «ситуация “границы” располагает личность к рефлексии о вечном. Человек, достигший края, видит дальше и больше других. Это создает предпосылки для обретения нового качества, в профанном значении – перехода. В духовном значении создается условие для Преображения» [65, с. 77]. Это движение к краю, это «северное направление» также провоцирует и готовность к творчеству. Сама жизнь на Севере понимается крестьянином как «форма творчества» [62, с. 224]. На периферии известного мира все физические и эмоциональные силы уходят на преодоление препятствий с синхроническом, «дольнем» (выживание, движение на Север) и диахроническом «горнем» (обретение новых духовных качеств) планах. Человек обращает все свои усилия и потенции на окружающий и внутренний мир. Отношения между людьми строятся, преимущественно, через диалог. Прямая конфронтация и насилие в экстремальных природных условиях было самым «неперспективным способом решения насущных социально-экономических проблем» [62, с. 85]; впрочем, места, где пограничность географическая и духовная пересекалась с пределами государственными, не могли не испытывать

влияния вооруженных столкновений, как это известно на примере истории Соловецкого монастыря.

Север обладает даром раскрытия духовных потенций человека. Потому здесь получило такое мощное развитие Православие, старообрядчество, подвижничество. Духовные устремления становятся константой, которая определяет и будущее своеобразие (и многообразие) других сфер человеческой жизни. Например, именно сочетание особенностей природного пространства (Север как «лесной край»), разнообразия ландшафтов (как залог воспроизведения великолепных архитектурных ансамблей) и духовных возможностей породило особую северную храмовую архитектуру (шатровые храмы). Православие – стало как способом постижения человека самого в себе, так и способом освоения. Одним из двигателей развития территории. При этом подлинными центрами освоения пространства Севера были монастыри: Соловецкий, Антониево-Сийский, Кожозерский, Михайло-Архангельский, Александро-Ошевенский, Лявленский, Николо-Корельский, Артемиево-Веркольский, Онежский Крестный (Кийский). Зачастую, именно вокруг них развивались поселения. Особое значение имеет такое явление как Выго-Лексинское общежительство (Выгорецкая пустынь), которое наследовало в значительной степени Соловецкие духовные и хозяйственные традиции [106, с. 165]. В этом смысле, одним из оснований открытия северного мира, северной русской культуры будет православие, религия, культ, что соответствует мнению О. Шпенглера о принципах формирования культуры [103, с. 472].

В таких местах символическое пространство Севера как бы уплотнялось, стремительно усиливая свой семиотический статус и метафорический потенциал. Подвергнутый антропогенному влиянию ландшафт наполняется конкретными рукотворными и присвоенными-осмысленными географическими объектами – «реперами», превращаясь в сложную знаковую систему, своеобразный текст северной культуры. Храмы

становятся вертикальными константами, векторами «горних» координат, монастыри же обретают образ судна, Ковчега (что максимально визуализировано в крепостных стенах Спасо-Преображенского Соловецкого монастыря) среди вод моря житейского. И каждый монастырь, а в особенности островной, благодаря «тотальной онтологической соразмерности» микро- и макрокосмоса природной и культурной иерархий – может «развернуть» этот образ – являя идеологемы Русского Севера и России в целом.

Особое место в исследованиях сакральной географии и метафизики Русского Севера занимает вопрос морской стихии, географии северных вод – «иноного» мира, а также мифологии моря и корабля. В контексте данной работы и анализа символического пространства Севера, следует указать на разработанность данной проблемы в трудах Н. М. Терехина и В. Н. Матонина. В этой части параграфа мы не ставим перед собой задачу углубить понимание символизма моря для севернорусской культуры. Намного важнее указать на еще одну особенность диалектики формирования соразмерных пространств в контексте отношений природы, человека и культуры; специфический синкретизм между освоенным пространством (Космоса) и неструктурированным пространством (Хаоса), образующийся в границах мировосприятия поморской культуры.

Как указывает Н. М. Терехин, в традиционной картине мира поморов хтоническая семантика иноного мира распространялась как на населенные колдунами-инородцами земли, так и пространство моря. В мифологическом универсуме восточных славян образ моря и область смерти – находятся в отношениях почти прямой зависимости. Море – это мертвое царство, любое передвижение в этом локусе религиозно-мифологического пространства приравнивается к испытанию, практически переживанию реальной смерти [87, с. 8]. Море становится духовными воротами к архетипу инобытия, испытанием на пути к обретению нового человеческого качества –

Преображения [62, с. 28]. Подобная онтологическая напряженность моря, его основополагающее значение не только как центральной мифологемы, но и источника пропитания и труда поморов, привели к пересечению земного и водного символическим пространств в конкретных архитектурных формах. В целом, это связано с указанным выше мощным религиозным началом и значением для Севера образа св. Николая Чудотворца – одинаково почитаемого и на море, и на суше. Его популярность обусловлена функциями водителя, открывавшего морские пути, спасителя на море и близостью к Спасителю-Христу. Поморский ономастикон перенасыщен именем Николая Чудотворца, в больших количествах встречающимся как в названиях часовен, освящении престолов храмов, так и кораблей. Семантическая близость храма и корабля в севернорусской морской культуре закреплена в их общем имени морского бога – св. Николая. Впрочем, и сам корабль «подобен храму, который также подвержен старению и смерти, но бессмертный образ храма постоянно воспроизводится в исторической череде своих “тезоименных” воплощений» [87, с. 14]. Другой аспект уплотнения символического пространства Севера в плоскости пересечения мирского (и морского), а также религиозного измерений (культурных ландшафтов) относится поморской навигационной системе, которая отражает идеологические и мировоззренческие особенности мореплавателей. Ориентируясь в природном пространстве, они маркировали наиболее выдающиеся его элементы (такие как холмы, острова, скалы) строительством крестов, часовен и церквей – оформляя его православное христианское пространство, придавая ему новые смыслы и значения. Так возносящаяся ввысь вертикаль шатрового храма на побережье превращалась в ориентир и подобие маяка [78]. В то же время, строительство настоящих маяков, хотя и имело в первую очередь практический смысл, наделялось мореплавателями сакральным значением. Образы маяка и храма в таком случае могли объединяться и сливаться в архитектуре [62, с. 38]. И насколько в

семиосфере поморской культуры храм уподоблялся кораблю – настолько же корабль уподоблялся дому и наоборот. Сема корабля в символическом пространстве Севера является тем компонентом, который снимает часть амбивалентной напряженности между образами дома и храма. Их оппозиция связана с отнесением к разным сферам мироздания. Дом принадлежит земному, телесному миру, тогда как храм устремлен к небу, к горнему миру, к высотам духа. Даже деятельность строителя храма считалась святой, зодчий считался наделенным чистой божественной благодатью. В то же время плотники, возводившие жилища и хозяйственные постройки, наделялись нечистой, колдовской семантикой, способностью испортить как дом, так и навести порчу на его жильцов [87, с. 178]. Так, образ спасительного корабля-ковчега, плывущего в плоскости синхронического земного пространства (остов-дом, устремленный в «дольный» мир) или диахронического небесного временного (мачта-храм, устремленный в «горный» мир) связывал и структурировал различные уровни культурного ландшафта Русского Севера. В конце концов, это выражалось не только в сфере образов и метафор, но и конкретной семиотики поморской культуры. Например, термин «матица» одновременно использовался как для обозначения киля судна, так и основной поперечной балки традиционного крестьянского жилища, а в форме «матка», приобретал значение острова, центра, середины [49; 83]. Таким образом формировалось и функционировало символическое пространство Севера – которое может быть описано в категориях триады «природа–человек–культура».

1.2 Культурфилософский и функционально-прагматический подходы к определению семантики природного пространства Русского Севера

В начале данного параграфа следует вновь подчеркнуть, что природное пространство здесь не понимается в качестве обособленного компонента культурного ландшафта, в соответствии с заявленным методологическим

принципом системности. Несмотря на то, что природа, в первую очередь, будет рассматриваться в качестве среды обитания – в расчет принимается ее неразрывная связь с человеком и культурой в той же степени, насколько символическое пространство Севера в предшествующем параграфе не отделялось от своей природной основы. Здесь работает совершенно тот же принцип диалектики, в соответствии с которым противоположности, с учетом своей регулирующей функции, постоянно выравниваются, а значит природное – может свободно преобразовываться в культурное и наоборот. В результате «следует ожидать, что в природном может обнаружиться некий потенциал культурного, а в культурном – атавистические проявления природного» [46, с. 112]. В контексте данной работы эти преобразования происходят не в рамках чисто дуальной модели (где культура выступает самостоятельным субъектом), но посредством вмешательства человека, как во вполне физическом отношении, так и в процессе осмысления – аксиологического, мифологического, эстетического. Именно человек (этнос) или напрямую преобразует природу, используя ее ресурсы, которые, в общем счете, определяют специфику самых различных сторон его деятельности (культурно-хозяйственный тип, особенности архитектуры и др.), или структурирует ее, полностью включая в пределы существующей семиосферы.

Как цивилизация, так и этнос не вычлняются из географической среды, они всегда «органичны» для данного пространства. При этом природно-климатические условия воспринимаются и трактуются людьми достаточно «мягко», а их потенциальное положительное или отрицательное воздействие может быть не замечено. Этнос всегда рождается в конкретном пространстве и обязан ему культурной, политической, экономической спецификой, проявляющейся в спектре способов адаптации к окружающей среде – что, как отмечает Д. Н. Замятин, отражается в возникновении все новых и новых культурных ландшафтов [32, с. 133].

Как отмечает Н. М. Теребихин: «Этническая идея каждого народа нуждается для своего свершения (воплощения) в собственной особой географии, в исключительно ей одной присущем и промыслительно предначертанном природно-ландшафтном локусе. При этом душа народа, его этничность «должна иметь определенную архетипическую структуру, соответствующую совершенно объективным историческим процессам и географическим территориям – причем не в качестве пассивного отражения внешнего, но как парадигма, формирующая и структурирующая окружающий временной и пространственный космос» [87, с. 48].

В вопросе культурфилософского осмысления ландшафта и народной архитектуры Русского Севера важное место занимает категория Красоты, напрямую связанная с пейзажно-эстетической, ансамблевой составляющей, а точнее, широко известная метафорическая формула древнерусских строителей: «Как мера и красота скажут» [43; 76]. В отечественных исследованиях существует два основных подхода к интерпретации этой формулы. Первый – искусствоведческий и культурологический, исходит из признания синергии высокого мастерства и эстетического вкуса зодчих. А. Б. Пермиловская утверждает, что в данной формуле, которая встречается в старинных договорах, заключавшихся между мастером плотницкой артели и крестьянами-заказчиками («миром») «заключены сакральные и повседневные смыслы мировой и древнерусской строительной и культурной традиции, народное мировоззрение. Сохранение и трансляция его культурного кода проявились в деревянном зодчестве и в храме как феномене традиционной культуры Русского Севера» [76, с. 115]. При этом образцом, естественным инвариантом для многообразия архитектурных форм выступают сам человек и окружающая его природная среда. «Мера» – это те известные и установленные габариты и пропорции, которые позволяли заранее представить объемный облик сооружения и расход материалов без точных масштабных чертежей. При этом большинство мер не

унифицировались (не имели абсолютного «золотого» стандарта), так как соотносились с универсальным измерительным инструментом каждого отдельно взятого мастера – телом человека: сажень, пядь, локоть, аршин, ладонь, вершок – были антропоморфны и представляли собой соотношения длин пальцев, рук, отдельных конечностей [41]. Простота и Красота форм архитектуры в то же время соотносились с природой. Более того, природа может выступать как источником форм (исходя еще из античного принципа мимезиса в его значении для Платона и Аристотеля), так и условием формирования особого склада характера зодчих, который, в свою очередь, получает выражение в архитектуре. Эту точку зрения, в отношении севернорусской архитектурной традиции, в полной мере выразил И. Э. Грабарь. По его мнению, Север воспитывал в мастерах особое художественное чутье, которые было устремлено не на декоративную сторону построек, а на выработку форм и общих пропорций масс. Причиной этого он видел нелегкую жизнь на Севере, в специфических природно-климатических условиях, долгих и жестких зимах, коротком лете, затяжном вешнем половодье и мощном напряжении сил крестьян, которые должны были справиться с работами до новой стужи. «Эта суровая школа жизни отразилась на искусстве и привела к созданию произведений, прямо поражающих своей классической простотой и захватывающих выразительностью и правдой. Иные из северных церквей настолько срослись с окружающей их природой, что составляют с нею одно неразрывное целое. И, кажется, будто эти произведения – сама природа, так они безыскусственны и неотразимы» [20]. Следуя за Грабарем, в более позитивистском ключе влияние природы на формирование архитектурных ансамблей Севера обосновал Ю. С. Ушаков, высказав мнение о нераздельности функционального и художественного начала, как нераздельных, равноценных принципов народного творчества в вопросе организации не только отдельных зданий, но и целых поселений. Он пишет,

что природная среда влияла и даже «подсказывала» зодчим как лучше выбрать «зрительные границы селения, его планировочный и композиционный приемы, расстояние до основных сооружений, их высоту, обозреваемость селения и его элементов с различных направлений при движении по суше или воде. Главное же – природная среда создавала психологический климат, формировала настроение людей» [96, с. 10]. Таким образом, основными принципами формирования природно-архитектурных ансамблей были: необходимость постоянной ориентации человека в пространстве, устройство систем планового взаиморасположения построек, зрительная комфортность, взаимосвязь между высотами построек и расстояния между ними, гармоническое сочетание прямолинейных и криволинейных контуров, строгой организации пространства в пределах зрительного восприятия и неповторимость каждого сооружения при повторяемости его элементов [95].

Другой подход, в большей степени культурфилософский, исходит из того, что принципы «меры и красоты», а также представления, что северные (в частности поморские) мастера учились у природы основываются «не на подражательных законах бионики, а на единстве восприятия и природы и создаваемых форм как разных проявлений единого образа Божия – того сакрального животворящего архетипа, той истинной Меры и Красоты, у которой учились и которой подражали северные зодчие» [87, с. 46]. В то же время выбор места строительства совершенно не зависел от его эстетических качеств, а основывался на принципах мантики народного православия с «использованием» священного животного (коня), бревен, икон. Геометрия форм здесь основывается не на человеческом теле, а принципах сакральной геометрии. Природа в этом подходе утрачивает свою самостоятельность и обретает характер «земного мира», созерцание которого должно помочь «раскрыть мир сущности иного, высшего плана» [24, с. 77]. Так А. Ю. Майничева приходит к выводу, что «геометрической основой

традиционности русских православных церквей является универсальное графическое воплощение идеи Троицы» [58, с. 142]. С другой стороны, Н. М. Терехин отсылает к воспроизведению в архитектуре архетипов и символов центра (точки), периферии (круга), линии (пути), креста, квадрата, треугольника – образы которых лежат в основе пространственной организации северного мира. В этом контексте трехчастная композиция культового архитектурного ансамбля или круговая планировка поселения у озера утрачивают свое содержание, как объекты, выражающие связь между местом (природой) и человеком, использующим свой опыт существования на просторах Северного края. Они больше не отражают тонкую взаимосвязь между суровостью природы, воспитанным ей характером местного населения и простотой, и лаконичностью форм. При таком подходе форма – это материальное выражение инварианта не столько человеческого представления о символике мироздания, сколько «выражение и обнаружение вовне Божественной Воли» [24, с. 37], а взятый во всей своей полноте культурный ландшафт Русского Севера – часть большей константы – культурного ландшафта России как земной проекции сакрального ландшафта «Царства Небесного Иерусалима Нового» [87, с. 49].

Таким образом, в зависимости от избранного подхода, культурный ландшафт и архитектура воплощают в земных формах или меру человеческого микрокосма и «цитируемой» им красоты природы или же образ метафизического «Града Божьего».

Два подхода стараются ответить на вопрос истоков уникальных этноархитектурных смыслов эстетики севернорусского зодчества. Проблема состоит в том, что даже при отказе от принципов природного детерминизма – сложно отрицать математически выверенные и обоснованные в работах Ю. С. Ушакова принципы организации поморских поселений. С другой стороны, села и деревни не выстраивались по заранее намеченному плану, исключая элементы градостроительной политики Екатерины Великой, что,

учитывая время заселения Русского Севера в XII-XVII вв., было достаточно поздним явлением. Но как тогда объяснить совпадение мест возведения храмов, выбранных исходя из результатов практик мантики народного православия и действительности удачного их расположения, отвечающего всем эстетическим и пространственно-геометрическим принципам? Примирить эти подходы, по крайней мере, в умозрительном ключе, попытался Ю. В. Линник отметивший, что: «если за гадательным выбором стоит Бог, то человек, его образ и подобие, должен иметь общую со своим творцом логику и эстетику. Наилучшие зрительные связи обязательно совпадут с божественным предназначением» [76, с. 604].

В анализе понятий меры и красоты в контексте этнокультурных смыслов природного пространства Русского Севера вскрывается проблема субъективных идеалов восприятия окружающего мира поморских крестьянином и зодчим (а так как все северные крестьяне с детства держали в руках топор, «с малых лет знакомились с плотницким делом» [21, с. 336] – то эти понятия во много синонимичны). Севернорусский крестьянин был не только умелых плотником, способным эстетически верно оценить место будущего строительства, но и глубоко верующим человеком. Именно потому возникает своеобразная полемика между подходами И. Э. Грабаря или Ю. С. Ушакова и Н. М. Терехина. С одной стороны, в расчет принимается уже оформленное и присвоенное природное пространство, превращенное в природно-архитектурный ансамбль. Природа оценивается изнутри готового к визуальному и символическому «потреблению» культурного ландшафта, где сам ландшафт и архитектура уже облечены в отношения гармонии и равновесия. Триада «природа–человек–культура» сосредотачивается именно на культуре, как гармонизирующем начале. Культура, воплощенная в дереве как деревянная архитектура, становится точкой отсчета. Храм и застройка деревни для Ю. С. Ушакова – это не только пейзаж, но и формальный план, на который накладываются оси и прямые, сливая реальную природу и

картографированную, осмысленную на универсальном языке геометрии планировку. Однако этот подход, при всей своей позитивистской выверенности, искажает ценность подлинного мирозерцания, как ключевой практики не столько крестьянина, сколько христианина. Этот мирозерцательный характер отношения к окружающей среде и пейзажно-эстетические качества самого природного ландшафта, раскрывающие этническую специфику местного населения, подмечаются как с позиции анализа всей русской культуры, так и изнутри непосредственно севернорусской традиции.

Здесь можно привести слова В. О. Ключевского: «Все отличается мягкостью, неуловимостью очертаний, нечувствительностью переходов, скромностью, даже робостью тонов и красок, все оставляет неопределенное, спокойно-неясное впечатление. Жилья не видно на обширных пространствах, никакого звука не слышно кругом – и наблюдателем овладевает жуткое чувство невозмутимого покоя, беспробудного сна и пустынности, одиночества, располагающее к беспредметному унылому раздумью без ясной, отчетливой мысли» [51, с. 87]. Данное описание обращено к самооценности природного пространства в его внешней Красоте, апеллирующей к чувству прекрасного. Этот отрывок обретает большую ценность в сравнении с «европейским» ландшафтом – пограничным, предельным и определенным. «Слитность, недифференцированность русского культурного и природного ландшафтов, их структурное (душевное) родство» противопоставляются «европейскому», с его «предельной расчлененностью, отчетливой выделенностью культурного из природного» [87, с. 53-54].

Однако ценность природного через призму духовного, призму Веры, в отрыве от материального, культурного, архитектурного может быть дана также, а возможно и только изнутри. Это не столько поморское, сколько именно христианское мирозерцание обнаруживается, например, на

страницах дневников Б. В. Шергина.

«Ты чем, Мать-Земля, изукрашена? // Изукрашена земля церквами Божьими».

«Пространство земли, мною видимое, не было украшено церквами. И все-таки это была земля преподобного Сергия <...> низенькие амбары, и лужи перед ними <...> всё это немудреное, молчаливое, убогое без прикрас, лишённое, сродни было моей душе, лишённой, убогой, несчастной. Я люблю нагие холмы, пустынный осенний пейзаж, бегущую куда-то ленту дорожки, серое небо, наступающие сумерки. Я люблю это видеть и думать. Это моё. Это никто у меня не отымет <...> “Везде Господь”, – повторял всегда Сурский священник. Сегодня на рассвете, оглянул из окна небо, облаками клубящееся, и туманы в долине, и стену леса. И сдумал: хорошо вот здесь, вольготно душе-то. Все Божие кругом» [102, с. 132, 161].

Опуская полемику «северности» Бориса Шергина, ввиду его переезда в Москву, обратим внимание на то, как осмысление природы, в ее ландшафтном, пейзажном измерении проецируется не через категорию красоты эстетической, но Красоты Божьей. Символизм окружающей среды, ее включенность в семиосферу и наполнение смыслами происходит не за счет конкретных материальных реперов: крестов, часовен, храмов, домов и поселений в целом – а через осознание приобщенности человека миру Божьему. Небесный Град Иерусалим здесь воплощается не в архетипах архитектуры, но единстве всего творения Бога и неизменного включения в него человека, где бы он ни находился. В этом примере находит свое воплощение и концепция В. А. Подороги о присваивающей функции культуры, и концепция Н. М. Терехихина о определяющей свою природу национальном языке пространства. Переход природы в культуру в триаде «природа–человек–культура» осуществляется, таким образом, не столько через цитирование, мимезис и физическое преобразование, сколько через осмысление своего места в ней и ее символического присвоения в акте

тотальной сопричастности божественному. В конечном счете, мирозерцательность природы в призме веры – это тот возможный культурный код, в частности севернорусский – определяющий специфику формирования культурного ландшафта Русского Севера и Арктики.

Пейзажно-эстетическая сторона природного пространства, взятая в неразрывном единстве с архитектурой или осмысленная в религиозно-мирозерцательной ключе, даже с учетом содержательной составляющей, отсылающей к архетипическим формам и сакральным смыслам – это лишь его внешнее выражение в вещном, субстанциональном мире. В соответствии с системным и семиотическим подходом в данной работе нельзя обойти стороной анализ физического ландшафта, проецируемого в ментальное пространство образов, создающего и сохраняющего конкретные этнокультурные смыслы.

Русский (Европейский) Север – это территория, располагающаяся в пределах бывшей Архангельской, Вологодской и Олонецкой губернии. По современному территориальному делению Русский Север охватывает Архангельскую, Вологодскую, Мурманскую и север Ленинградской области, республики Карелия и Коми. Из-за большой площади региона необходимо отметить отсутствие единых для всего Севера природно-климатических условий. Они неизменно отличались в зависимости от типа ландшафта, рельефа местности, наличия болот, рек, озер и морского побережья, обширных лесных массивов. Соответственно, в процессе освоения этих земель, поселенцы сталкивались с различными природными факторами, требовавшими различных подходов для адаптации к ним. Особым природным разнообразием и суровым характером климата на Севере отличается непостоянный и непредсказуемый берег моря. Именно здесь, географически – уже не просто на «севере», но в Арктике появилась особая русскоязычная группа этноса, заселившая берега Белого и Баренцева морей – Поморы. Они «...выработали бесценный опыт выживания и хозяйственной

деятельности в экстремальных условиях Крайнего Севера. Поморская культура – русский вариант морской культуры в Арктике» [75, с. 362].

Из-за обширности Русского Севера и разнообразия составляющих его природных (и культурных соответственно) ландшафтов, для более продуктивного анализа, в рамках данной работы предлагается обратиться к природно-климатическим условиям и природному пространству Онежского Поморья (прежде всего, ввиду его практического обследования в ходе архитектурно-этнографических экспедиций 2018-2020 гг.).

Это часть Русского Севера, расположенная на побережье и островах Белого моря [7]. Оно состоит из семи берегов: Терского, Кандалакшского, Карельского, Поморского, Онежского, Летнего, Зимнего [74, с. 153]. Исследуемая территория располагается в природных зонах северной тайги и тундры, а также субарктическом природном географическом поясе, который характеризуется коротким прохладным летом с переменной погодой, холодными продолжительными зимами с сильными ветрами, постоянным увлажнением в течение года [23; 109]. Южная континентальная часть территории принадлежит умеренному климатическому поясу. «Здесь умеренно морозная зима с устойчивым снежным покровом, но и умеренно теплое лето. Средняя температура января колеблется в пределах $-12,5$ °С... $-14,0$ °С, на востоке, юго-востоке -15 °С... $-16,7$ °С. Средняя температура июля составляет $+16,0-17,2$ °С, на северо-востоке она несколько ниже до $+14$ °С. Годовое количество осадков в среднем по территории составляет 520-620 мм [23]. В рамках данного исследования, Онежское Поморье относится нами к территории, простирающейся по морскому побережью Онежской губы, от р. Онеги до р. Кеми (Поморский берег), а также от р. Онеги до мыса Ухт-Наволок (Онежский берег); территории, тесно связанной с г. Онегой, как торговым и экономическим центром. Таким образом, в контексте работы, можно говорить о том, что Онежское Поморье целиком входит вся прибрежная полоса земли Онежского района Архангельской области.

Сложность адаптации к местным климатическим условиям зависит от сезонности погоды и ее изменчивости, которая, в свою очередь, почти целиком зависит от моря: его течений, атмосферных явлений, розы ветров. Характеристику природного ландшафта Онежского Поморья дала в своих трудах Т. А. Бернштам. «Большая часть южного берега – Поморского, от р. Кемь до р. Онеги, низменная, отдельные гранитные утесы встречаются только в районе Кеми; огромные пространства заболочены или покрыты сосновыми или еловыми лесами. Группы скалистых островов (шхер) вдоль побережья хорошо защищают прибрежные участки Онежского залива от штормовых северных ветров. Онежский п-ов представляет собой в целом заболоченную волнистую равнину с островами еловых лесов на моренных холмах и грядах («Летние горы» на северо-западе полуострова). Равнина («лайдами»); такой ландшафт особенно характерен для Онежского берега, протянувшегося от устья р. Онеги до мыса Ухт-Наволоок» [7, с. 37-38].

Также, природный ландшафт Севера, в том числе Онежского Поморья, охарактеризован в работах И. В. Грищенко. «Большая часть территории области имеет равнинный рельеф с высотами до 200-250 м над уровнем моря. На общем равнинном фоне выделяются <...> отдельные холмистые участки на водоразделе рек Северной Двины и Пинеги, и на Онежском полуострове» <...> «Почти повсеместно распространены разнообразные строительные материалы (кирпичные глины, пески, гравий), а также торф» [23, с. 19]. Реки и ручьи образуют густую, разветвленную гидрографическую сеть, на территории области расположено 190 тыс. озер, наибольшее количество которых сосредоточено, в том числе на Онежском полуострове.

Приведенный природно-территориальный комплекс интересен не только в контексте мировоззренческих установок, формирования характера и своего пейзажно-эстетического, созерцательного потенциала, но и как ландшафт, своей формой и структурой влияющий на процессы символизации и номинации. Так, обследованные поселения Онежского Поморья, в одних

случаях, содержат в своих ойконимах (комонимах) характеристику окружающего их природного ландшафта, в других – синтезируют ее с конкретными историко-культурными реалиями. Кроме того, основание поселения на местах равнинного типа приводило к визуальному акцентированию всех возможных окружающих возвышенностей, так же неизменно получавших свои наименования (оронимы). Такие холмы и горы обычно не застраивались жилыми постройками, воплощая «в своих вертикальных природных формах образ космической вертикали», и были предназначены (или даже предопределены) «самим Богом <...> для прославления и украшения» [87, с. 176]. На них возводили культовые ансамбли, отдельные храмы, часовни, ставили кресты.

Так с. Малошуйка расположено на бывшем Онега-Кемском почтовом тракте, в 5 км от побережья Онежской губы Белого моря. Село построено на двух берегах одноименной извилистой реки и вытянуто на север вдоль её правого берега. Расширению поселения в направлении от реки здесь препятствует обширное болото Никольский мох. Ландшафт местности, занятой жилой застройкой – равнинный, однако встречается несколько холмов, получивших собственные имена: г. Крестовуха, г. Чуйнака, г. Калиновка и др. Эти естественные возвышенности не были заселены, но играли важную роль в формировании историко-культурной среды поселения – именно на них устанавливались утраченные к настоящему времени деревянные обетные кресты [44].

Этнограф и краевед Л. А. Харлин, анализируя комоним Малошуйка, приходит к выводу, что оно происходит из финно-угорского языка. Он атрибутирует одноименную реку как «Шуйку», что на древнерусском означает «левая рука, сторона», но более склоняется к финно-угорскому варианту «суль» – соль или «сельк, серга» – холм, возвышенность. Подтверждение своей теории Харлин находит в особенностях местного диалекта, где «сюрга» имеет значение кромки, бока, гряды. В свою очередь

корень «Маа» означает земля, следовательно оригинальная форма комонима «Мааселька» может интерпретироваться как земля холмов или как «маа суль куль» – земля, где солят рыбу» [98]. Иное значение Малошуйки обнаруживается в коллективной памяти местного населения, рассказывающего «о принадлежности этих земель Василию Шуйскому, о расположении деревень по левую сторону реки Малой Шуйки – «ошуй», о том, что Шуйка бежит «шумко», т.е. быстро» [62, с. 111].

Сходные коннотации, включающие специфику природно-территориального комплекса Онежского Поморья, обнаруживаются в комониме с. Пурнема. Село находится на западном побережье Онежского п-ва, в 70 км (по морю) от г. Онега. Ближайшее поселение – д. Лямца находится на расстоянии 25 км на северо-западе, д. Нижмозеро в 30 км на востоке. Пурнема располагается на высоком берегу одноименной р. Пурнема, устье которой отделено от Онежской губы Белого моря узкой песчаной косой с сосновым бором – Кендищем. Рельеф местности характеризуется «низкой береговой линией, небольшими песчаными возвышениями и гранитными утесами, покрытыми крупными соснами, елями и березняком» [59, с. 49]. Село состоит из двух больших частей: Верховье (Верх) и Низ. На их территории так же выделяются микропонимы: Болото, Бор, Клюка, Заканава и др. – составляющие часть пространственных представлений местных жителей о поселении. Разделение на Верховье и Низ обосновано, прежде всего, географическим фактором — между ними рельеф поселения прорезает широкий, глубокий овраг, по дну которого протекает небольшой ручей [44].

Вновь обратимся к анализу Л. А. Харлина: «...первую часть (названия) следует сравнить с «пурр», «пуэрнэ» – добрый, хороший; «порр» – острый гребень горы, «поро», «пуро» – олень, олененок. Вторая часть «ниема» – часть суди, выдающаяся в море, мыс. Пурнема может переводиться как

удобное, хорошее место на мысу, наволоке, удобный мыс или возвышающийся мыс, или олений мыс» [97, с. 173].

Пример с. Ворзогоры интересен синтезом природного и историко-культурного начала, слитых в акте номинации поселения. Село основано около 400 лет назад в 25 километрах от реки Онеги. Согласно легенде, единогласно подтвержденной местными жителями, две деревни, из которых состоит село, берут начало от починков братьев Кондратия и Якова, отказавшихся жить в одном доме, и поставивших избы на удалении. В настоящее время деревни Кондратьевская и Яковлевская находятся на расстоянии километра друг от друга. Происхождение топонима «Ворзогоры», зафиксированное у местных жителей восходит к двум поздним преданиям. В первом случае, это хрестоматийная легенда о Петре Великом, у которого «вор украл кафтан и спрятался за горами». Другая версия сообщает о том, что в данной местности прятались «бандиты и воры», вероятно остатки польского войска в период Смутного времени [43].

Таким образом специфика природного ландшафта укореняется в физическом и символическом пространстве поселений Онежского Поморья, обретая свое смысловое наполнение в свойственной ему семиосфере и, в результате, напрямую оказывая влияния на формирование местного культурного ландшафта.

Также, нельзя обойти стороной вопрос взаимосвязи природы и человека в контексте триады «природа–человек–культура» не в пределах эстетических и семиотических категорий, но этнокультурологии. Осмысляя особенности ландшафта Онежского Поморья, В. Н. Матонин указывает на взаимосвязь признаков его переходности и этнокультурной типологии поморского населения. Предельность и пограничность пространства Русского Севера (а в особенности части побережья Белого моря, представленной в данной работе Онежским Поморьем) проявляется не только в духовном плане, но и на уровне природы. Окружающая среда здесь

неизменно актуализирует смыслы «борьбы за выживание» (даже на уровне ведения хозяйства), а также противопоставления наиболее сильных природных констант: реки и леса, возвышенности-вертикали и равнины-горизонтальности. Лес способствовал ценности трудолюбия, т.к. в лесной зоне намного сложнее обрабатывать землю: требуется освобождать потенциальные пахотные угодья от деревьев, обеспечивать дополнительную защиту от диких животных. Освобожденная земля не только включалась в аграрную деятельность, но и обретала свое значение как элемент обширной культурно-хозяйственной семиосферы. Так, в Онежском Поморье нередко встречаются микротопонимы (на примере местности вокруг с. Ворзогоры): «чищинина» (место, где вырубался лес, кустарник, окапывалось канавами для отвода воды), «олёшник» (болотистый сенокос, на котором растет ольха), «кабала» (поле, где «камни и кочки, тяжело картошку копать, жито жать», расположено между деревень), «волчиха» (ближе к лесу, волки ходили) [43]. Кроме того, лес был естественным источником фольклорных образов, неизменно входящих в мировоззрение не только севернорусских, но и среднерусских крестьян. «Когда же из починка выростала деревня, а деревня превращалась в село, лес хоть и отступал, но все-таки соседствовал с освоенным человеком культурным пространством. Он оставался природной стихией, хаосом, где единственным организующим началом был его дух-“хозяин” и другие “отпочковавшиеся” от него божества» [51, с. 248]. Крестьянская вера (при сохранении традиций народного православия) населяла лесные дебри лешими, русалками, водяными. Таким образом, лес был источником строительных материалов, дичи, пашенной земли. Вся его материальная сущность была направлена на удовлетворение всевозможных потребностей крестьян. Однако, с другой стороны, помогая структурировать пространство за счет своих полезных функций, в целом и как самостоятельное пространство смыслов – лес был неструктурированным и опасным «хаосом».

Эта двусмысленность леса преодолевалась второй наиважнейшей константой – рекой [62]. Вода и река – это устойчивый символ дороги, жизни, судьбы. В условиях северных лесов и болот, она в буквальном смысле служила дорогой, и часто, едва ли не единственной. Водным путем Север заселялся в XII-XVII вв., в дальнейшем деревни могли соединяться между собой именно этой дорогой. По реке, озеру доставлялся и лес для возведения храма, жилища, хозяйственных построек. По реке крестьяне отправлялись на отходнические работы или промыслы, охотничьи, рыбные, лесные [70]. В своих исследованиях В. Н. Матонин обращается к опыту осмысления природного пространства В. О. Ключевским. Так как ландшафт Онежского Поморья характеризуется сочетанием леса и равнины – последняя так же влияет на мировоззрение, отношение к окружающему пространству и зависящий от него менталитет. Если лес учил осторожности и трудолюбию, то равнина воспитывала склонность к мечтательности, «унылому раздумью без ясной отчетливой цели» [41]. Однако Онежское Поморье – это не только лес, река и равнина, но также и морское побережье. Именно море и морской берег, как природные константы, обладали наибольшей предельностью. Лес опасен – это пространство хаоса, но Море – это иной мир, пространство смерти и испытания смертью, место преодоления великих трудностей и в конечном счете – место истинного Преображения, конечно, если человек, бросивший морю вызов обладает достаточными силой, волей и выносливостью. Именно эти качества должно было воспитать море, но они же требовались и для его преодоления. Море – как способствовало закаливанию поморского характера, так и предопределяло его. Приближение к морской стихии выявляло в женственной русской культуре глубоко «мужские» качества: пренебрежение опасностью, стремление к расширению и преодолению экзистенциальных и территориальных границ и, конечно, целеустремленность [62, с. 9]. Именно в этом контексте теоретико-методологический принцип В. Н. Матонина «природа – “текст”, а культура –

его «цитирование»», а также концепция «пространственных менталитетов» [87, с. 224] Н. М. Терехина находят свое максимальное приложение. Люди, несомненно, выбирают место для жизни, исходя из определенных природно-пространственных детерминант и удобных для жизни и ведения хозяйства природно-климатических условий. Однако и «место» тоже выбирает человека. Север – пространство с жестким климатом, высокой предельностью, пограничным характером, близостью смерти. Его успешное заселение связано не только с выбором самих людей, но и долей предопределения, притягательности подобных условий для русского человека, характер которого раскрывается в «его беспредельной неприхотливости и приспособляемости к любым, самым невероятным и невыносимым для других условиям и обстоятельствам жизни» [87, с. 222]. Русский Север и Онежское Поморье, в частности, обладали именно тем климатом, ландшафтом, растительностью, пейзажной эстетикой – той природой, что формировала у поморов их менталитет и особый «промысловый» социокультурный комплекс. В поморском культурном коде лес детерминировал идеи закрытости, замкнутости, хаоса, опасности. Река эту замкнутость преодолевала. Равнина предрасполагала к созерцательности и неопределенному размышлению. Море – актуализировало действие, предельность, волевое движение навстречу к Смерти, преодоление которой способствовало Жизни. Подобные коннотации были не случайны и формировались не только за счет количественного характера разнообразия пространства, но и его качественного содержания, являющего образы архетипов: инобытия – моря, возвышенностей-вертикалей – как воплощения Оси, Мирового Древа или Мировой Горы. При этом, существуя в пространстве семиосферы севернорусских смыслов, природа также смешивалась с ценностно-смысловым содержанием исторической памяти местного населения.

Насколько бы ни были тяжелы природно-климатические условия

Севера, поморы не чувствуют страха перед природой, он, скорее, сочувствует ей, будучи причастным к ее темпераменту и ее ритмам. Все то, что свойственно русскому человеку в любых других условиях, на Севере обретает намного более сильное проявление. В севернорусском пространстве человек как нигде близок к ощущению мощи и красоты природных явлений, он сопричастен стихии, склонен к мирозерцанию и вчувствованию в божественную сущность мира, готов взглянуть в первооснову и бездну бытия. Готов принять Откровение от Бога, преобразиться или погибнуть. «В хаосе он ощущает зов из космоса; в разладе он предчувствует возникающую гармонию и будущую симфонию; мрачная бездна позволяет ему увидеть божественный свет; в безмерном и бесконечном ищет он закон и форму» [37].

1.3 Дом и двор в доместичированном пространстве северной деревни на примере Онежского Поморья

Рассмотрев особенности формирования и восприятия символического и природного пространства Русского Севера, как основополагающих элементов культурного ландшафта, обратимся к их синтезу, воплощенному в масштабном природно-архитектурном ансамбле сельских исторических поселений.

Культурный ландшафт сельских исторических поселений Русского Севера и Арктики в полной мере является развитым градостроительным ансамблем с индивидуальными композиционными, художественно-эстетическими и планировочными особенностями, соразмерным природному окружению. Под ансамблем традиционного поселения в данной работе понимаются не только отдельные усадьбы, крестьянские дома, культовые постройки, а вся архитектурно-пространственная организация сельского поселения. Архитектурный ансамбль анализируется как элемент модели сельского культурного ландшафта, «сельского мира» (настолько же,

насколько сам культурный ландшафт является кластером геокультурного пространства более высокого порядка), исторически сложившийся в конкретной местности в естественной связи с окружающей природной средой и в соответствии с представлениями человека об устройстве окружающего мира.

В поселении образное, символическое и физическое осмысление и преобразование природы достигает своей максимы, а триада «природа–человек–культура» обретает свое законченное воплощение. Пространство северной деревни вбирает в себя природное начало во всей его полноте – от его ресурсов до повторения самой космической структуры – и реализует, упорядочивает, уплотняет. Онтологическая карта северного Космоса собирается на ограниченной человеком территории, обретая соразмерные ему очертания, а архетипические константы пространства приобретают свое конкретное материальное воплощение. Мировая Гора устремляется ввысь шатром храма и колокольни, Путь в иной мир – в море – проходит через поселение лентой реки, Хаос леса преобразуется в процессе доместикации, и иерархия космического порядка выстраивается в структуре конструкции традиционного жилища.

В северной деревне человек компактно «упаковывает», сводит культурный ландшафт, весь символический и природный мир к своему простейшему, и в то же время технически и художественно совершенному образцу. При этом «внешняя» природа не игнорируется. Поселение обретает ограниченный, но не изолированный, не герметичный характер. Поморы были вынуждены защищаться от природно-климатических условий Севера, но в то же время должны были избирательно подходить к этому процессу.

Необходимо отметить, что процесс «упаковывания» ландшафта в некоторой степени парадоксален и имеет характер, скорее, «развертывания», чем «сворачивания» пространства. Сельское поселение, деревня – это компактная модель, но прежде, чем получить свое завершённое воплощение,

она медленно, в течение многих десятилетий вырастает из одного-единственного двора-усады, одного дома. В этом смысле, дом и поселение развиваются по модели сообразной развитию сакральных пространств: «характерный для Поморья процесс развертывания, разрастания сакрального пространства, исходящего из энергийного образа креста, который последовательно воплощается в архитектурно-символических формах часовни, храма, монастыря» [87, с. 75]. Схожие по генезису и морфологии – эти акты динамики архитектурных форм имеют различное по смысловому содержанию образно-метафорическое завершение. Если храм или северный «тройник» – это сакральный центр, украшающий и венчающий поселение, то жилище – это семя и первый росток, дающий ему начало.

Сакральной триаде «крест–часовня–храм» и более развитым формам архитектурного-ансамбля «тройника» и монастыря соответствуют «починок–деревня–село», а также погост с деревнями и гнездо. В данной работе под сельским историческим поселением в качестве концепции «северной деревни» преимущественно понимаются именно «село» в его значении XIX–XX вв., как «обстроенное и заселенное крестьянами место, в коем есть церковь. Иногда село состоит из многих раскинутых деревенок, приписанных к одному приходу»; «погост с деревнями» в значении термина «погост» как «сельский приход, несколько деревень под общим управлением и одного прихода; волость; отдельно стоящая на церковной земле церковь, с домами попа и причта, с кладбищем» [26, с. 13-131]. Кроме того, следует учитывать, что для Русского Севера характерна недифференцируемость употребления слов «село» и «деревня», вызванная своеобразием развития этих названий поселений на Севере, где поселения долгое время были малодворными [76].

На Русском Севере, в зависимости от возникновения на берегу моря, реки или озера, особенностей окружающего ландшафта, поселения могут иметь различные типы планировки и застройки (круговая, рядовая, уличная,

беспорядочно-кучевая [9]), а также типы сельского расселения: селения при большой реке на одном берегу (с. Чухчерема, Холмогорский район); селения при малой реке, расположенные на одном или обоих берегах реки (с. Кимжа, Мезенский район); селения при озере или озерной группе (деревни Кенозерья); приморско-промысловые поселения, характерные для побережья Белого моря (с. Ворзогоры, Малошуйка, Пурнема, Онежский район) [95]. Отсюда следует, что большинство типологий и классификаций сводятся именно к анализу планировки и ориентации жилых домов. Именно жилище – придает поселению форму, определяет его облик и «лик» – лицо, направленное на воду или солнце.

Однако с точки зрения семиотики пространства, все многообразие типологий сводится к единой, универсальной и архетипической схеме «мировых кругов». Как указывает Н. М. Терехин, «северный мир строился не только на оппозиции “чистого” и “нечистого” пространств; в соответствии с космологическими схемами он был организован иерархически. Иерархия мира находила свое воплощение в геометрии сакрального пространства, представлявшего собой ряд вписанных друг в друга окружностей (“мировых кругов”), расходящихся из одного центра – Креста (“мирового древа”))» [87, с. 199]. В пример приводятся «малый», «средний» и «большой» круги, образованные часовенным приходом, приходом волостного храма и всеуездным приходом городского соборного храма соответственно. Крест, триада и круг – это фундаментальные образы, в любой своем проявлении определяющие все возможные аспекты мирского устройства, как его сакральную, так и пространственную (в физическом смысле) композицию. «Эти образы являлись универсальными прообразами – архетипами построения всего русского православного мира, его земель и городов» [87, с. 199]. Сам образ круга так же не случаен. Это один из центральных символов северной народной эстетики, совпадавший с образом гармоничной, завершенной Красоты. Хотя большинство построек имеют прямоугольную,

пространственно-ориентированную на стороны света форму, круг находит свое воплощение в культовых постройках – шестериках и восьмериках церквей и колоколен с шатровым завершением. Однако следует помнить, что окружности сами по себе – это небытие и беспредельность. Как указывает Рене Генон, именно центральная точка есть Принцип, чистое Бытие, и вместо с окружностью она формирует образ точки в центра круга – где точка – знак Принципа, а окружность – Мира. Проблема заключается в том, что они находятся в отношениях строгого соподчинения. Окружность не могла бы существовать без своего центра, в то время как центр абсолютен и совершенно независим от нее [24, с. 88-89]. Но в народном мировоззрении эта проблема легко преодолевается – даже объект периферии (второго или третьего круга – как жилище) может обрести качества центра, будучи соответственно осмысленным и маркированным. Так на Русском Севере посередине строящегося сруба ставили срубленную елку. Небольшое деревце должно было находиться здесь в течение всего времени строительства [8, с. 132]. Елка символизировала одновременно и геометрический, пространственный центр будущего жилища, и «центр мира» – буквально Мировое Дерево. В этом смысле образы деревца-маркера и Креста, как онтологически соразмерные воплощения Мирового Дерева – совпадают.

В контексте северной деревни, концепция «мировых кругов» может быть экстраполирована на структуру поселения. В простейшем виде, Центр и Мировое Древо здесь так же Крест – развернутый в форму храма («тройника»), однако средний круг соответствует пространству жилой застройки, а большой круг (здесь уместнее сказать – дальний) – хозяйственным и промысловым постройкам. Специфика севернорусской иерархии пространства сельских поселений состоит в том, что она не ограничивается субстанциональным определением сущности «мировых кругов». В классическом представлении о традиционном сельском поселении буквальная внешняя граница соответствует, скорее, изгороди с воротами.

Именно изгородь маркирует границу освоенного Космоса, ведь «открытость, неограниченность внешнего мира связана с неопределенностью, хаосом и опасна для человека; он находит себе защиту на небольшом, ограниченном и потому контролируемом пространстве» [99, с. 72]. Однако эти общие, архетипические представления о формировании освоенного пространства, высказанные Т. В. Цивьян не в полной мере совпадают и даже противопоставляются тому пониманию «пограничности», которое воплотилось в поморском менталитете. В соответствии с выводами предшествующих параграфов, экстремальность, метапровокативность, рубежность и предельность Русского Севера, в особенности, его приморской части, значительно сдвигали понятие «границы». Неструктурированный хаос соответствовал лесу, план иного мира – морю. Именно побережье и полоса деревьев – природные константы – определяли физический, осязаемый порог ойкумены. Но в символическом пространстве внутри семиосферы конкретного поморского поселения границы, напротив, были размыты и соответствовали не линейной структуре рукотворной ограды, а точечным реперам и местам – крестам, часовням, кладбищам, полям, пашням, сенокосным угодьям, а также естественным маркерам: священным камням и рощам, ручьям. Граница-ограда у поморов была строго функциональна и служила как средство защиты для домашних животных. Жилища же, ввиду архитектурно-конструктивных особенностей поморского дома-двора, до возникновения во второй половине XX в. индивидуальных хозяйств с огородами, не имели оград вовсе.

В зависимости от формы поселения, в физическом пространстве круги могут пересекаться, однако их символическая дифференциация остается неизменной. Воплощение концепции «мировых кругов» может быть продемонстрировано на конкретных примерах поселений Онежского Поморья.

В отличие от многих сельских населенных пунктов Европейского

Севера на побережье Белого моря, с. Ворзогоры имеет специфическую пространственную организацию. Оно расположено на высоком 40 м песчаном мысе, выдающимся в Онежскую губу. Ворзогоры основаны на значительном удалении от больших рек: в 15 км от устья р. Онега и в 4 км от устья р. Нименьга. Пример другого приморского поселения, лишенного прямого доступа к речной системе – д. Кашкаранцы (Терский район, Мурманская область). Как указано выше, Село Ворзогоры основано около 400 лет назад братьями Кондратием и Яковом. Они отказались жить в одном доме и поставили избы на удалении: *«Кондратий брат и Яков брат. В разных местах построили себе первые дома. Вместе братья на одной горе не хотели жить, а построили на разных горах»*¹ [43]. Естественные границы поселения определяются пологим мысом, берегом моря, окружающим массивом лесов с болотами. Хотя северная часть Ворзогор распахнута навстречу морскому простору, село позиционируется и ощущается как замкнутое пространство. Этому способствует как проанализированная семантика моря, так и факт, что село лишено пейзажно-эстетического элемента реки, вид на которую мог бы открываться из окон домов. Кроме того, отсутствие проточной воды не только не снимает, но и усиливает напряженность образа наступающего со всех сторон заболоченного леса; намного резче очерчивает и выделяет недостатки дороги – почтового тракта. Петербургский почтовый тракт связывал с. Ворзогоры с Архангельском, Онегой, Кемью, Колой и другими поселениями берега Белого Моря. Путешественники XIX в. отмечали, что как таковой дороги от Онеги до Ворзогор не было: «Из лесу дорога вывела на берег моря. Едва держала грязь эта ноги лошади, едва заметно выделялось на ней полотно дороги» [60, с. 378]; «до села Ворзогоры шла самая ужасная дорога, и только во время отливов моря по отмелям, представляющим собой твердый слой песку, можно было ехать довольно спокойно» [86, с. 42].

¹ Слепинин Александр Порфирьевич, 1933 г. р., м. р. и м. п. — д. Кондратьевская, запись 2018

Внутренняя организация пространства деревень характеризуется через их топонимическую структуру, «меняясь по форме и часто по содержанию, распространяясь в зависимости от конкретных исторических событий» [76, с. 76]. Топонимическая структура с. Ворзогоры исторически устойчива и разнообразна. Названия частей д. Кондратьевской: «конéчина» (окраина деревни), «могíльники» (старое кладбище, на «могильниках» расположены дома ссыльных, построенные в первой половине XX в.), «кóнская ляга» (водопой для лошадей), «волчíха» (ближе к лесу, волки ходили), «высочíха» (высокое место), «глубощíха» (впадина в землю) и названия отдельных построек по фамилиям или прозвищам владельцев: «евкúра» или «Евкóв колодец», «Кóмов амбар» (амбар Михаила Комова, не сохранился, но память о нем и место его существования четко зафиксировано в культурном ландшафте поселения) [30]. В д. Яковлевская деление деревни на части происходило не по географическим признакам (за исключением – «у болота»), а по кличкам («деревенским фамилиям»), например, «Меляхины», «Кирины»: *«Однажды старик послал сына за табаком, а тот не знал, что Меляхин это кличка и говорит: «Меляхин, дай табаку», а тот отвечает: «Иди к Каюку, у Меляхина нет табаку» – тоже назвал старика по кличке»*² [43]. Клички, прозвища помогали выделять семью внутри рода [14, с. 310], но также служили надежным ориентиром, частью своеобразной ментальной карты, структурирующей освоенное пространство. Это связано с тем, что при ориентации внутри поселения, крестьяне часто обращаются не к поздним детерминантам улиц (которые появились уже в XXI вв.) а расположению домов, каждый (или группа) из которых соотносится с целой семьей. Поиск (припоминание месторасположения) дома соседей осуществляется не по визуальным маркерам – а при помощи «пересчета» домов. Дом означает человека (главу семьи или последнего хозяина), а человек (его фамилия или прозвище) – означает дом. Важны не столько объекты архитектуры, сколько

² Долматов Александр Николаевич, 1947 г. р., м. р. и м. п. — д. Яковлевская, запись 2018

их проявление в коллективной памяти локальной группы. Количество жителей (хозяев) так же приравнивается к количеству домов, пересчет домов приравнивается к «переписи населения». Пустующий дом – маркер того, что человек находится в городе, уехал или умер. Таким образом, осмысляемое пространство деревни – это количественная совокупность домов и их хозяев (фамилий или прозвищ).

Внешние границы природно-архитектурного ансамбля с. Ворзогоры определяются географическими особенностями местности и пределами сельскохозяйственных угодий. Отвечая на вопрос о том, где заканчивается территория поселения (до куда она простирается), местные жители обычно дают следующие ответы: «до конца болота», «берег моря», «сосновочный ручей», «реки Рочево и Андозёрка», «где заканчиваются сенокосы», «где поля заканчиваются», «граница – лес», «родник» [43].

Несмотря на то, что деревни Кондратьевская и Яковлевская возникли фактически одновременно, с точки зрения концепции «мировых кругов» именно д. Кондратьевская является центром культурного ландшафта, т.к. именно здесь находится главная архитектурная доминанта всего поселения – деревянный культовый ансамбль («тройник»), состоящий из двух храмов: зимней Введенской церкви (1793 г.), летней Никольской (1636 г.), и колокольни (1862 г.).

Погост сформировался в XVII веке [93]. Кроме культовых построек в структуру погоста также входила деревянная церковная ограда, до настоящего времени не сохранившаяся. Как визуальный и сакральный центр поселения, храмы серьезно повлияли на круговую застройку ближайших домов. Из-за отсутствия реки и расположения мыса на севере, главные фасады домов ориентированы на южную сторону, а хозяйственные части обращены к Белому морю, защищая избу от северного ветра. При расположении вблизи культового ансамбля, ориентация дома-двора в пространстве диктуется не только природными, но социокультурными и

религиозными факторами. Ворзогорские плотники ставили дома «лицом» к храму. Таким образом, ориентация окон главного фасада на архитектурный ансамбль является преобладающей для жилищ, расположенных близко к культовым постройкам. В результате в д. Кондратьевская жилая застройка окружает культовый центр, внося в пространство поселения ту недостающую меру красоты и гармонии, которой оно было лишено из-за отсутствия реки и утраты окружающей «тройник» оградой. За годы советской власти в деревне было утеряно около восьмидесяти домов: часть перевезли хозяева на новое место жительства, часть была заброшена и разобрана на дрова или погибла от пожара. Место пожара считалось «плохим» и вновь не застраивалось. В соответствии с этим, д. Кондратьевская в XIX в. имела более плотную застройку, и форма круга при храмах проступала намного яснее: *«у нас были такие межутки, что на телеге было тесно ехать»*³ [43].

В д. Яковлевская не было ярко-выраженного культового центра, церковь Зосимы и Савватия (1850 г.) оказалась вынесенной за пределы основной застройки, т.к. выполняла функцию кладбищенской. Для планировки этой деревни определяющее значение оказал Петербургский почтовый тракт. Он шел от г. Онеги по берегу моря по местам отлива – «по взморью», частично сохранился и до сих пор является центральной улицей Яковлевской. Тракт огибал д. Кондратьевскую на Пригоре, шел по берегу моря в сторону деревень Тапшеньги и Нименьги. Кроме этого, на форму д. Яковлевской оказал влияние природно-географический фактор – первый ряд домов направлен в сторону болота (улица братьев Гуниных), а последний фасадом хозяйственной части от моря из-за сильных ветров (улица Поморская). Таким образом, форма поселения д. Яковлевской является смешанной: «прибрежно-рядовая» (вдоль болота) и «уличная» (по центральной улице).

Хозяйственные постройки вносили свой неповторимый вклад в облик

³ Рогачева Нина Павловна, 1929 г. р., м. р. и м. п. – д. Кондратьевская, запись 2018

поселения. «Поставленные явно без особых композиционных замыслов скромные и непритязательные хозяйственные постройки в своей совокупности удивительно живописны и вместе с домами создают неповторимый облик» [73, с. 12]. Амбары, гумна, овины чаще всего располагались «на задах» и образывали фон застройки, внешний круг и периферию, внося «свою долю в организацию окружающего пространства и наделяя архитектурную композицию деревни чертами законченности и цельности» [71, с. 160].

Село Малошуйка основано не позднее первой половины XVII в., вблизи устья, на двух берегах р. Малошуйка, впадающей в Онежскую губу Белого моря. Ближайшие населенный пункты – с. Кушерека в 17 км на западе и с. Нименьга в 13 км на востоке. В настоящее время, согласно административным документам и картографическим данным, с. Малошуйка называется д. Абрамовская, в то время как непосредственно Малошуйка – это поселок городского типа и одноименная железнодорожная станция в 2 км южнее. Абрамовская состоит из трех частей: Верховье, Заречье и Низ. Верховье – культовый, экономический и социальный центр поселения. Здесь располагается архитектурный ансамбль-тройник, состоящий из двух деревянных храмов: холодной шатровой Никольской церкви (1638 г.), тёплой пятиглавой Сретенской церкви (1873 г.) и колокольни (1807 г.). Однако в отличие от с. Ворзогоры, церкви находятся на некотором удалении от домов. Жилища здесь не окружают храмы, однако последние при этом остаются не только сакральным, но и визуальным, географическим центром поселения. «Тройник» расположен на небольшой естественной возвышенности, округлом и плоском холме на перекрестке трех дорог – каждая из них ведет в Верховье, на Низ и к морю. Особенно ярко визуальная эстетика архитектурного ансамбля открывается при виде с реки, со стороны Низа. Жилища не ориентированы на культовую доминанту и не «жмутся» к храмам как в Ворзогорах. Напротив, где это возможно, главные фасады

домов обращены, устремлены к реке, вне зависимости от того, находятся они в первом ряду или скрыты на узких улочках в глубине поселения. Пространство с. Малошуйка более разреженное, спокойное и склоняющееся к созерцательности именно благодаря одноименной реке. Русло р. Малошуйка достаточно узкое и мелкое, поток спокойный и размеренный, однако в условиях равнинного ландшафта и удаленности поселения от моря (примерно на 5 км) даже этого достаточно, чтобы снять часть семантического и визуального напряжения от образа лесного массива. В то же время, более упорядоченная, однонаправленная ориентация жилищ смягчает восприятие внутреннего пространства села.

На фоне этом фоне своей спецификой здесь выделяется Заречье, где часть построек (семьи Кузнецовых) сгруппирована вокруг сакрального места – г. Чуйнака. По словам местного краеведа А. Н. Кузнецова, еще в прошлом веке здесь было устроено подобие языческого святилища, центром которого выступал т.н. «поганый камень». Поливая его водой, старые люди в сухую погоду пытались вызывать дождь [44]. Позднее, на горе был установлен деревянный поклонный крест. В настоящее время он утрачен, так как г. Чуйнака частично скрыта для установки цистерн-зернохранилищ. Это привело к парадоксальной ситуации – изначально часть домов была ориентирована на холм, являвший собой воплощение сакрального места, локального священного центра. Из окон домов открывался вид на крест – а при всей его глубокой семантике, он фактически замещал и символизировал храмы, располагавшиеся за рекой. После частичного срытия холма, ориентация домов никак не изменилась, своим расположением они навсегда (по крайней мере на срок их существования) стали маркерами, как бы незримо «стягивающимися» к священному месту и запечатлели своей невидимой на первый взгляд «застывшей динамикой» в пространстве вещного мира те смыслы, который в большей степени сохранились только в его локальной семиосфере.

Хозяйственные постройки не сгруппированы с. Малошуйка не сгруппированы особым образом и не вынесены за пределы жилого пространства. Хотя часть бань естественно тяготеет к реке, другая их часть, а также немногочисленные сохранившиеся амбары находятся рядом с жилищами.

Между Верховьем и Низом, на дороге, которая ведет в сторону Белого моря, находятся заброшенные постройки бывшего маслозавода. До начала прошлого века на месте маслозавода находилось приходское кладбище, где в 1884 году на средства прихожан была построена часовня в честь Архангела Михаила и Св. Апостолов Петра и Павла. После прихода советской власти часовня использовалась как киноклуб: *«У нас еще раньше часовня была на месте ж рядом со школой к горке ближе. И я помню кино там крутили»*⁴ [44]. Позже, часовня использовалась под школьные мастерские, а в середине XX века была разрушена в процессе строительства зданий колхоза. В настоящее время кладбище и часовня утрачены, однако около построек все еще можно обнаружить старинные каменные надгробия. Как и в случае г. Чуйнака – вещные константы этого локуса были уничтожены, однако из образы надежно закреплены в коллективной памяти и семиосфере поселения. Культурный ландшафт с. Малошуйка характеризуется большей внутренней упорядоченностью, прежде всего, благодаря особенностям природной составляющей. Несмотря на то, что с. Ворзогоры реализует идею иерархии «мировых кругов» более наглядным образом, его границы четко определены побережьем и лесным массивом, а также богатой топонимической структурой – с. Малошуйка актуализирует связь «природы–человека–культуры» с учетом большего количества используемых архетипов: шатровой вертикали Никольского храма, центрированного относительно деревень расположения «тройника», визуальное выраженного во всех частях поселения речного образа Пути, отсутствия напряженности образов Моря и

⁴ Аурова Берта Павловна, 1937 г. р. м. р. и м. п. –с. Малошуйка, запись 2019

Леса, находящиеся на значительно больше удалении, чем это свойственно для Ворзогор. Особо следует подчеркнуть, что подобные выводы не столько умозрительны, сколько эмпиричны, исходя из чувственного опыта сопричастности пространству, его обозрения и созерцания во время экспедиционных исследований. Понимание механизма действия культурных и природных универсалий лишь облегчает задачу анализа эмпирического опыта, а не позволяет использовать его в качестве априорного оказательства *post factum*.

Для традиционного жилища с. Ворзогоры и с. Малошуйка характерны общие принципы архитектурно-конструктивного устройства и декора, образ дома, формирующий культурный ландшафт поселений, таким образом, так же в целом совпадает. Это мощный северный комплекс дома-двора (дом-комплекс), объединяющий под одной крышей наиболее важные жилые и хозяйственные постройки. Большинство функциональных элементов крестьянской усадьбы здесь скомпонованы в трехчастный объем, представленный избой на подклете, сенями и хозяйственным двором с поветью. Подобная форма восходит к древним славянским срубным конструкциям лесополосы, а ее ближайшие древние аналоги можно обнаружить в конструкции лесных промысловых избушек [8]. В отличие от построек средней полосы, на севере дом рано поднялся над землей, был поставлен на подклет, вероятно еще в IX-XI вв. Чем дальше крестьяне уходили на Север – тем выше становился подклет, который в результате преобразуется в самостоятельный этаж, что особенно заметно в больших домах богатых поморских семей. Основной способ планировки избы – четырехстенок, хотя встречаются пятистенки, в поселениях зафиксировано несколько шестистенков. Дома выстроены по типу соединения жилой и хозяйственной части – «брус» (все срубы находятся друг за другом вдоль единой оси–конька под общей крышей), на среднем и высоком подклете. В с. Ворзогоры первый этаж часто выглядит намного ниже, чем он есть на самом

деле. Из-за расположения на песчаном берегу моря, постоянные ветры с течением времени заносят село песком, поднимая уровень почвы. Песчаная почва также заставила поселенцев применять прочный, доступный фундамент из валунов – от 4 до 8 на постройку. Расположение избы относительно двора под одним коньком, но встречаются хозяйственные части – несмотря на сохранение симметрии – с крышей, поднятой выше жилого помещения. На центральном фасаде обычно располагается от 3 до 6 окон. Поветь со стороны заднего фасада может поддерживаться дополнительными массивными деревянными столбами, служащими как для укрепления конструкции в целом, так и для осуществления быстрой замены подгнивших венцов. Крыши домов двускатные, с чердачным помещением (подволокой), но без отдельных комнат-светелок или горниц, в настоящее время покрыты шифером, в ряде случаев поверх старого теса. Еще в начале XX в. тес укладывался в два слоя, внешний слой дополнительно обрабатывался в форме желоба в с. Ворзогоры или в форме двух узких желобков по краям в с. Малошуйка для обеспечения лучшего оттока воды. Естественная прокладка, например, береста, между тесинами отсутствовала. Конструкция кровли – стропильная. Почти все дома в с. Ворзогоры выстроены в «чистый угол» с «потемком», «в лапу», то есть без остатка. Местные жители не смогли дать объяснения массовому использованию данного конструктивного приема, однако, судя по всему, подобная техника применялась для экономии древесины и удобства последующей обшивки. В с. Малошуйка, напротив, присутствует достаточное количество жилищ выстроенных «в обло». Большое количество домов обшито «вагонкой», часть из них выкрашена. Однако, как и перекрытие крыш шифером – произошло это не ранее 60-х годов XX столетия, когда в деревни начали массово завозиться новые строительные материалы.

Жилая архитектура с. Ворзогоры и с. Малошуйка характеризуется строгостью архитектурного облика, лаконичностью пропорций, но в то же

время мощью формы – вместе порождающих гармоничное сочетание с природным и культурным ландшафтом. Один из традиционных образов богатого поморского дома – хоромы, характеризующиеся богатством экстерьера. Однако постройки поселений Онежского Поморья сдержанны в декоре. На окнах отсутствуют резные наличники, крыльцо так же специально не декорировано. Немногочисленные вышки на чердаках не имеют декоративных балконов, причелины часто представляют собой простые доски без следов специальной обработки. Отсутствуют полотенца (доска под коньком кровли, прикрывающая стык причелин) и декоративное оформление коньков-охлупней. В с. Малошуйка у наиболее старых домов кровля в центральной части имеет полукруглую форму и декорирована причелинами (из 2 досок) с фигурной резьбой в форме квадратных и треугольных дентикул (зубцов-сухариков). Здесь же расположено чердачное окно. В целом, архитектурный облик производит впечатление монументальности, защищенности от холодного климата, суровых северных ветров. Удобные крестьянские жилища через архитектуру и конструкцию адаптированы к природно-климатическим условиям Арктики. Как указывает исследователь деревянного зодчества Р. М. Габе: «одна из характерных особенностей подлинно народного зодчества Севера заключается в том, что декоративная сторона занимает весьма скромное место. В северном доме простые до аскетизма декоративные формы являются лишь подчеркиванием конструктивных особенностей» [15, с. 75-76].

Декор традиционного жилища в Онежском Поморье вполне соответствует характеру и менталитету поморов. В конце концов концептуальная связь понятий «дом» и «этос» – нрав, подчеркивалась еще О. М. Фрейденберг [97, с. 292]. Современные жители вполне согласны с этим, указывая на то, что в суровых природно-климатических условиях, во время борьбы за выживание – поморы были мало склонны к перенасыщению жилища декором. Во многом, само естественное окружение «обрамляло»

дом, который обретал красоту и гармонию не в отдельных рукотворных декоративных элементах, а сопричастности Красоте природы, являющейся, в конце концов, творением Божиим.

Сельское историческое поселение Пурнема располагается на западном побережье Онежского п-ва, в 70 км (по морю) от г. Онега. Ближайшее поселение – д. Лямца находится на расстоянии 25 км на северо-западе, д. Нижмозеро в 30 км на востоке. В природном ландшафте Онежского Поморья с. Пурнема располагается на высоком берегу одноименной р. Пурнема, устье которой отделено от Онежской губы Белого моря узкой песчаной косой с сосновым бором – Кендищем. Село делится на две большие части: Верховье (Верх), где располагаются культовые постройки, а также основные общественные сооружения (школа, клуб, библиотека) и Низ. Кроме того, в каждой части местные жители выделяют меньшие части, которым присвоены отдельные топонимы. Например, в Верховье находятся такие места как Болото и Бор, а Низу – Заканава.

Точное время основания поселения неизвестно. Имеющиеся факты указывают на образование Пурнемского прихода, не позднее середины XVI в. Так, согласно исследованиям археографа Ю. С. Васильева, в книгах письма Якова Сабурова и Ивана Кутузова 1556 году сказано: «В той же волостке в Пурнеме погост, а в нем церков Никола Чудотворец. На погосте ж двор непашенный во дворе поп Иван, во дворе пономар Иванко без пашни» [84].

До 30-х годов XX в., культовый центр с. Пурнема был представлен архитектурным ансамблем («тройником»), состоявшим из указанного выше храма Николая Чудотворца (1618), а также зимней церкви во имя Рождества Христова (1861) и колокольни (1775). Несмотря на датировку 1618 г., исследователями данного вопроса, обнаружены косвенные свидетельства, согласно которым Никольская церковь, возможно, существует как минимум с первой половины XVI в. Освящение храма в честь Святителя Николая не удивительно, так как культ Николая Чудотворца на Севере всегда была

наиболее распространенным, по отношению к любым другим христианским святым. В с. Пурнема еще в конце XX в. бытовала легенда (экспедицией НЦ ТКМП уже не зафиксированная, но записанная в ходе историко-этнографических экспедиций ОИММ, СГИАПМЗ и Архангельского областного центра христианской культуры в 1987-2001 гг. у местной жительницы Н. З. Алимовой) о том, что однажды в село *«Никола Чудотворец во льду приехал... Его увезли в Горбатику, а он опять приехал»* [62, с. 198]. Речь идет об иконе, обнаруженной в выброшенном на берег пустом карбасе. Другой вариант легенды, записанной в ходе экспедиции 2020 года, приводит Е. А. Бровков. В ней указывается, что место для храма было выбрано высшими силами – туда ночью чудесным образом переместился срубленный в другом месте окладной венец: *«У нас еще притча такая ходила... Хотели посредине, значит, деревни тоже построить церковь. Также деревянную. Венец нарубили, все, значит это. Спрыснули. Утром приходят – венца нет. Где, куда венец? Вот, нашли на этом месте»*⁵ [44]. Вторая легенда, связанная с возведением Никольского храма зафиксирована у Н. И. Ипатова: *«Мастер взялся строить... Взял подряд. Община собрала деньги. Деревенская. Сроки. На последний рубеж наверху не хватило денег. Растратился – семья большая была у мастера. Чтобы сдержать слово, он продал корову и доделал... Когда община пришла на открытие церкви все, очень всем понравилось, и община решила вкладчину купить корову мастеру»*⁶ [44]. Кроме того, существует предание о том, как в 30-е годы с Никольской церкви снимали крест, так же приведенное Е. А. Бровковым: *«...председатель сельсовета собрал охотников, ну тогда у всех ружья были, и вот и сказал – вот стреляйте и сострелите мне крест. До тех порка вы не сотрелите его, вы от церкви ни шагу. А если вы уйдете – сразу арестую. И*

⁵ Бровков Евгений Андреевич, 1931 г. р., м. р. и м. п. – с. Пурнема, запись 2020

⁶ Ипатов Николай Иванович, 1959 г. р., м. р. – д. Комартиха, Устьянский р-н, м. п. – с. Пурнема, запись 2020

*так сострелили крест...»*⁷ [44]. Богослужения в церквях прекращены в марте 1930 г. Еще в последние десятилетия XX в. храмы являлись главными архитектурными и художественно-эстетическими доминантами поселения. На данный момент их сложно охарактеризовать в подобном качестве, т.к. постройки скрыты за густой листвой рощи, образовавшейся на месте церковного кладбища. Рождественская церковь просматривается только от крайних домов Верховья. Завершение шатра и луковичная глава с крестом Никольской церкви присутствуют в силуэте окружающей погост рощи, относительно различимы на большом расстоянии, но визуально не выделяются в культурном ландшафте поселения.

Село Пурнема относится к приморско-приречному подтипу заселения, так как основано не только на морском побережье, но и одновременно в устье реки; и характеризуется прибрежно-рядовой формой застройки. Длина поселения, растянувшегося по берегу реки, составляет примерно 2 км. Само место также выбрано неслучайно: одновременно здесь присутствует и выход к морю, и контроль устья реки, и обширные лесные массивы вокруг. Первый ряд жилых построек на Низу приближен к реке на расстояние до 200 м, однако часть хозяйственных сооружений (бани) и пекарня располагаются не более чем в 20-100 м от берега реки. Граница между частями с. Пурнема проходит через глубокий овраг, по дну которого протекает небольшой ручей. Ранее в нем была питьевая вода, однако к настоящему моменту внизу скопилось много мусора, что сделало источник непригодным для бытового пользования. Благодаря тому, что побережье находится с южной стороны поселения, местные крестьяне получили возможность совместить практическую и эстетическую стороны архитектуры. Из окон домов первого ряда открывается вид на реку и море, они в наибольшей степени обеспечены как обзором обширного прибрежного пространства, так и теплым солнечным светом. Начиная со второго ряда – и далее по улицам вглубь поселения, избы

⁷ Бровков Евгений Андреевич, запись 2020

часто обращены окнами главных фасадов к хозяйственным дворам («озадкам») впереди стоящих жилищ. Следует отметить, что до массовых вырубок леса вокруг с. Пурнема, естественный природный заслон так же защищал поселение от северных ветров. В настоящее время эта преграда утрачена, что, в свою очередь, повлияло и на местные природные условия.

Многие комплексы дома-двора, в особенности, стоящие на большом удалении от реки, окружены небольшими посадками из деревьев лиственных пород, например березами. Это связано с желанием хозяев разнообразить вид из окон главного фасада, обращенных к сараям, и отсутствием острой необходимости в постоянном естественном освещении жилых помещений. Почти все дома электрифицированы от постоянного источника электроэнергии – дизельной станции. Кроме того, посадка деревьев связана с наличием свободного места вокруг построек. По сравнению со старинной застройкой, когда крестьянские усадьбы ставились почти вплотную друг к другу, к XXI в. «межутки» между домами значительно увеличились, что позволило местным жителям заняться процессом озеленения освободившегося места.

В крестьянскую усадьбу с. Пурнема как правило входил только традиционный комплекс дома-двора. Его общие архитектурно-конструктивные особенности были сообразны другим жилищам Онежского Поморья, характерным для с. Ворзогоры и с. Малошуйка. Наиболее важное отличие – разделение жилых помещений на пространство летней (передней) и зимней (боковой) избы, благодаря чему дома визуально выглядят мощнее, а объем дома напоминает, скорее, переходную форму между «брусом» и «глаголем» из-за уширенного относительно передней избы сарая с зимней избой.

Некоторые хозяева ставили у жилища амбар. Другие постройки, например, баня, обычно выносились в специально отведенные места в овраге или на берегу реки. *«Раньше строго. Дом и все. Бани строили в*

определенном месте, где-то по задаревне, около там колодца все вот. У нас здесь, вот тут в ручьевине строили, в Верховье... Там вот, через мост переходили – видели, вот, как отсюда идешь, на правую сторону – там все было место для строительства бань... Раньше строго, не разрешали у домов строить баню, потому что каменки были всегда, а сейчас мы этими банями, амбарчиками, всю деревню – всю красоту деревни закрыли! Вот пройдете, дома красивые, хорошие, а они закладены этими амбарушками всякими... Как-то следили за порядком старые люди...» Колодцы же «...были общественные. За ремонтом колодцев следил сельский совет, чистота порядок или там нужно что-то отремонтировать – сельский совет занимался. Всем миром. Вот если, допустим, в старину тут колодец на 10 семей. Все собираются 10 семей, договариваются там, кто по бревну, кто чего. Мужики вечерами колодец срубят и всё»⁸ [45].

В этом отношении с. Пурнема отличается и от с. Ворзогоры, и от с. Малошуйка. Культурный центр вынесен на окраину деревни и не выступает в качестве визуальной доминанты поселения, хотя и является его главной вертикалью. Жилища не группируются вокруг храмового комплекса, но отделены от хозяйственных построек и бань, вынесенных в широкие овраги ближе к берегу реки. Село Пурнема обладает наиболее открытым характером пространства. Культурный ландшафт здесь характеризуется зрительным и символическим единством устья реки и прибрежной полосы Белого моря. Однако в отличие от мыса с. Ворзогоры, морское пространство не несет такой яркой коннотации опасности. Берег у первых домов достаточно отлогий, а глубина залива небольшая, так что во время отлива на километр вглубь моря не остается сильных перепадов высот. Эта часть Онежского залива отличалась от Инобытия морской стихии – и была в большей степени пейзажной и хозяйственной составляющей, т.к. жители села ставили здесь рюжи для добычи рыбы.

⁸ Родионова Лия Федоровна, 1937 г. р., м. р. – д. Лямца, м. п. – с. Пурнема, запись 2020

Таким образом, в структуре северной деревни дом – сам по себе – не доминанта (особенно поморских дом Онежского Поморья, не отличающийся яркостью декора), но совокупность домов образует основу поселения, именно они оформляют пространство жизни. Жилище поморского поселения существует в дольных координатах. Храм устремлен ввысь, шатер и главы с крестами преодолевают двухмерность земного пространства и прорываются к небесным высотам. Поморский дом устремлен к природным и рукотворным священным константам – реке, морю, холму, культовому ансамблю. Храм – это развернутый в трех измерениях крест, архитектурная доминанта, задающая вертикальную координату культурного ландшафта сельских поселений Русского Севера. Дом разворачивается в сельский мир, в само поселение.

В природе дольная координата – река. Она дорога, Путь и жизнь. Она кормит, оформляет движение, визуально удлиняет пространство – уходя за горизонт, преодолевая семантическую неоднозначность леса. Дом сопутствует реке, вырастает на ее берегах. Поморское жилище в культурном ландшафте северной деревни – это воплощение не внешнего пространства, а внутреннего. Поморский дом отражает характер поморов – суровый, спокойный, крепкий. Это не только дольная, но и внутренняя координата. Он устремлен не только в пространство, а в бытие помора, устремлен во время. Если храм связан с вечностью, то дом с временностью. Но с другой стороны, дом преодолевает временность и бренность, т.к. хранит историю семьи, память о своем хозяине. Даже пустующий дом сохраняет в сознании местного свое структурирующее значение.

Несомненно, что храм обладает куда более сакральным статусом, однако дом в структуре поселения не претендует на то, чтобы противостоять храму. Он намного ближе к природе и к человеку. Он крепче, массивнее, его буквально «больше» – жилая застройка – это самый объемный и наполненный из «мировых кругов», конституирующих северную деревню.

Дом «держится» за бытие, а не ускользает от него. В пространстве семиосферы он преодолевает бренность, старается укоренить человека в нем.

Дом – это структурирующее начало деревни и проекция структуры мироздания. Деревня начинается не с храма (который становится центром), а с дома, точнее – двора, крестьянского хозяйства, а на севере - комплекса дома-двора. Расположение деревни, ее планировка и застройка осмысляются через расположение именно домов, а не храмов или хозяйственных построек.

Деревня связана с культурным ландшафтом. Именно пространство деревни как совокупности артефактов (в том числе архитектуры), хозяйства, традиций, носитель топонимов – является частью области соприкосновения культуры и географического пространства – семиосферы. Текст культуры – различные вещественные знаки и топонимы включены в структуру деревни. Но дом связан с геокультурным пространством на более высоком уровне бытия. Деревня структурирует и упорядочивает природу. Но дом структурирует и упорядочивает само мироздание.

2 СЕМИОТИКА ДОМА В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ И СОВРЕМЕННОСТИ: ОБРАЗ, СИМВОЛ, РИТУАЛ

2.1 Северный строительный хронотоп

Жилище в традиционной культуре всегда является чем-то большим, чем конструкция, возведенная в рамках сложившихся строительных норм на конкретной территории. Например, деревянное зодчество Русского Севера и Онежского Поморья, в частности, несомненно восходит к опыту плотницкого искусства Древнего Новгорода. Однако следует помнить, что существовали как выработанные и доведенные до совершенства архитектурные традиции, так и универсальная, идущая из глубины веков Традиция. Оба аспекта требовали от строителя строгого соблюдения правил возведения жилища, сопряженности особому строительному хронотопу – соответствия места и времени строительства.

Проблема изучения строительного хронотопа Русского Севера заключается в том, что за последнее столетие мифопоэтическое и религиозное сознание местного населения было подвержено серьезному изменению, искажению, а во многих случаях и полному выхолащиванию. Уже деды современных хозяев, живших в советское время, ориентировались не только и не столько на священные традиционные знания, передававшиеся из поколения в поколение, сколько на профанический бытовой опыт. Правильное время строительства стало восприниматься строго согласно природным циклам и приравниваться исключительно к качеству древесины и легкости ее обработки в то или иное время года. Выбор места стал обретать характер строгого указания и регламентации, ориентированной на практические нужды, удобство и комфорт.

Это связано, прежде всего, с изменением традиционного сознания, которое с течением времени, изменением технологий, социокультурной ситуации и социально-экономических отношений все более

детерминировалось культурой повседневности, нежели качественными представлениями о сакральной и профанной стороне мироздания. Тем не менее, универсальность и устойчивость традиционной культуры способна преодолеть даже утрату определенных представлений человека о назначении тех или иных его действий, которые он производит в ходе акта домостроительства (или возведения иных значимых построек, например, храма).

Ключевое место в этом контексте занимают понятия мифа и ритуала. Даже если выбор времени и места акта строительства – акта творения, в коллективной памяти населения определенной территории в некоторой степени проходит через стадию десакрализации – сам факт ритуала, его структура, его истинное назначение относительно Принципа остаются прежними. Какими бы мотивами и представлениями ни руководствовался плотник – его истинный семиотический статус, как и статус производимых им действий оставались неизменными. Желание защититься от суровых природно-климатических условий, избежать сырости, прочно установить дом, выбрать нужное время для отбора материалов, а потом распределить время для процесса возведения жилища – в высшем, архетипическом смысле сводились к процессу переработки, преобразования природной материи, преобразования и укрощения хаоса внешнего, неосвоенного мира, к процессу претворения акта космогонии в миниатюре, заложенному в сам культурный код, к бесконечному повторению процедуры доместикации пространства.

В этом смысле, каждый новый процесс строительства – это всегда повторение. Какое бы мощное творческое начало не было заложено зодчим при создании жилища – он будет выполнять определенную, заложенную в его деятельность самой культурой (вплоть до ее понимания в категориях Творца и Принципа) технологическую (операциональную) программу [88, с. 11]. Деятельность строителя, создающего сложные, иерархически-сопричастные космическому устройству системы, такие как храм и дом, в ее

истинном значении, сводится не только к созданию чего-то совершенно нового здесь и сейчас, но и потенциальному сопротивлению историческому времени, стремлению вернуться к мифологическому первоначалу, «Великому времени» [104, с. 27]; а также к изначальному месту – образам оси мироздания, Мировому Древу и Мировой Горе.

Несмотря на то, что северный крестьянин существовал в условиях доминирующего «иудео-христианского комплекса», линейного по своей структуре – народное православие и бытование многочисленных архаических представлений вполне способствовали мирному его сосуществованию с архаическими верованиями, а значит и пониманием истории не только как устремленной в будущее прямой, но и способной к повторению, возвращению и обновлению закольцованной структуры, сопричастной Космосу и космическим ритмам. Место и время здесь и сейчас в ходе строгого исполнения надлежащего ритуала могли стать местом и временем тогда: «Центром Мира» и «Временем Оно».

Основной проблемой в процессе выбора места был не сам акт маркировки, а учет специфики пространства. Практически любое пространство имеет «диалектный характер» – в соотношении «природа–культура» он проявляется в топографической и семантической дискретности. Еще А. К. Байбурин отметил, что строители никогда не отбрасывали необходимость учета практических соображений [2, с. 45]. Прагматизм тоже был своего рода универсалией, потому как включал в себя объективные для каждого отдельного пространства свойства, детерминированные присущими ему особенностями природного (или уже сформировавшегося культурного) ландшафта и природно-климатическими условиями.

В зависимости от территории Русского Севера, прагматическая составляющая могла проявляться не только в выборе места, но и доходить до своего предельного выражения в виде со-творения необходимого пространства, рукотворного создания удобных условий, некоторого

физического вмешательства, частичного преобразования природного начала. Как было указано выше, в процессе колонизации Севера, многочисленные поселения вырастали на берегах рек. По словам Ю. С. Ушакова, переселенцы тяготели к берегу реки, озера и Белого моря. Наибольшая концентрация поселений (до 90 %) приходилась на речные, озерные и приморские типы. Этому способствовали, прежде всего, экономические причины: реки и озера были удобными дорогами, источниками рыбных промыслов. Роль промыслов все более возрастала с продвижением дальше на Север, где не было плодородных земель и климатических условий для ведения земледелия. Большинство удобных для обработки земель располагалось по берегам узкой полосой. Уже в 100-300 м от рек начинался «сузем» – водораздел, покрытый болотами, труднопроходимым лесом, в то время как в поймах располагались заливные луга, служившие обильной кормовой базой для животноводства [95].

Для крестьянина естественным желанием было поставить до на высоком берегу – это обеспечивало защиту от весеннего паводка, давало возможности наблюдать за навигацией, передвижением судов, а также просто созерцать местный пейзаж, на который бы открывался вид из окон главного фасада или с крыльца. Однако круто песчаный берег имел тенденцию осыпаться, что создавало угрозу для будущих построек. Так крестьяне, заселившие берега р. Мезень ставили дома вдоль высокого берега реки с ориентацией на юг, юго-восток. В архитектуре мезенских деревень ярко проявились находчивость и изобретательность крестьян Севера в борьбе с жесткими природными условиями, с суровым и непостоянным климатом. При таянии глубокого весеннего снега, после затяжных дождей и бурного половодья – суглинисто-песчаная почва легко размывалась, возникала опасность сползания грунта, вплоть до целой части улицы, включая жилые и хозяйственные постройки. Чтобы это предотвратить, прозорливый мезенский плотник придумал укрепление для ненадежного грунта – и срубил прочную

подпорную стенку. Поверх бревенчатого массива настилались мостки, и вся укрепляющая конструкция, охватывавшая деревню полукольцом со стороны реки, уверенно несла на себе различные хозяйственные постройки: амбары, ледники, а ближе к воде – и бани [77]. Упроченный подпорной стенкой, берег превращался в идеальное место для возведения жилища.

В Онежском Поморье различные сельские поселения имели свои особенности рельефа, а также сформированного культурного ландшафта, своим содержанием вносящего определенные коррективы в выбор места для дома.

Практической универсалией при этом был выбор такого места, которое бы по возможности обеспечило наилучший доступ к солнечному свету и виду на воду. Как указывает Е. Э. Бломквист, с древних времен крестьянин всегда старался поставить свое жилище окнами на юг – на «лето», на «красную», или «полденную» сторону. Во многих северных селениях окна зимней жилой части обращены на юг, юго-восток или юго-запад, в то время как окна летних жилых помещений выходят на берег реки или озера и обращены на восток, юго-восток, северо-восток. При этом, если жилые помещения находятся на одной стороне, то направления к солнцу и воде совпадают [8, с. 58].

Отрезанные от внешнего мира жители с. Ворзогоры, жители села были вынуждены своими силами приспособиваться к условиям окружающей среды: *«С трех сторон море, с четвертой бескрайнее болото, то есть площади, которая могла бы использоваться в качестве строительства, там, пастбищ, сенокосов, полей было – практически ее не было»*⁹ [43]. Если приведенная ранее легенда правдива, то первым место для постройки жилища несомненно выбирал брат Яков, потому как Кондратию досталось пространство со сложным рельефом ландшафта. Чтобы поставить дом-двор, житель д. Кондратьевской вынужден выбирать между неровной, холмистой

⁹ Слепинин Александр Порфирьевич, 1933 г. р., м. р. и м.п. – д. Кондратьевская, запись 2018

(даже бугристой) и сухой поверхностью – и удобными, но влажными низменностями, в любом случае, плотник должен применить всё свое мастерство, чтобы жилище встало ровно, не оказавшись при этом на открытом участке у самого берега, где дует морской ветер, а песчаная почва угрожает просесть под тяжестью сруба. Тем не менее, наиболее рациональная ориентация в пространстве здесь удачно совпадает с географическими особенностями места: берег Белого моря лежит на северной стороне деревни, что позволяет развернуть дом избой на юг, к солнцу и теплу, а срубом двора – на север, навстречу потокам холодного воздуха. Особенно наглядно это прослеживается на примерах крайних домов. Как было отмечено ранее, рядом с культовым ансамблем место для жилища выбиралось сообразно обращению главного фасада на храмы, расположенные на возвышенности. Конечно, строить дом «под угором» не рационально из-за возможного скопления влаги и снежных заносов. Строения с северной и западной стороны тройника имеют удачное расположение, относительно хода солнца. Устанавливая жилище с восточной стороны от храмов, плотник был вынужден адаптировать постройку к нескольким факторам: жертвуя освещенностью избы или красивым видом. Ориентация окон главного фасада на архитектурный ансамбль является преобладающей для жилищ, расположенных близко к храмам. Дома-комплексы, что размещены дальше, с краю поселения, ставились исходя из природно-климатических соображений.

В с. Малошуйка, кроме вышеозначенных особенностей учета формы почвы и рельефа, большую роль в выборе места с точки зрения его практического содержания играла река. По словам местной жительницы Б. П. Ауровой, в начале XX века приоритетом хозяев и плотников было поставить избу окнами к реке, в то время как освещенность играла второстепенную роль. Это связано не только с началом процессов электрификации деревень, но вопросом местного самоуправления. Уже в

прошлом веке люди не имели самостоятельного права выбрать место для будущего жилища, так как его выделял староста, а позже сельсовет.

В с. Пурнема место для возведения жилища в царское время и в начале советского периода предоставлялось старостой, позже – колхозом. На выбор могло быть предложено несколько вариантов. Решение часто принималось рационально, например, в зависимости от качества земли, формы рельефа. С другой стороны, на выбор места могли повлиять ближайшие родственники хозяина дома. Так, Л. Ф. Родионова приводит следующие примеры. *«Местами руководили урядники, наместники были. И вот надо дом ставить. Как у нас бабушка говорила. Дедушка пошел к этому наместнику. И вот ему предлагают 3 места. Вот нашему-то в Лямце дедушке Клавдею предложили 3 места. Вот. В том месте, в другом, в этом. Выбирай, в котором месте будешь строить. Не было такого, что, вот, забирай вот это только и всего. Ну, он пришел, бабушке сказал, говорит: вот там, вот это... Да уж это я туды не пойду, там такое место вот это – давай в этом месте – они уже совет держат и выбирают из трех на котором месте лучше строить»*¹⁰. Брату отца Лии Федоровны – Егору – на место для дома указал непосредственно его отец. *«А дедушко сказал – вот ту берите. То бишь, у них дом-то чтобы тут дедушко и чтобы сына-то дом вот так к нам. А сын-то уже женатый был. И жена-то говорит: да вот, беда-то, говорит, коль не сырое тут место-то. А дедушко сказал: ешио и не на таких местах строят. Стройте тут и все. Одному сыну он дом построил через два дома, от своего, около ручья... Чтобы его сыновья вот все вместе, у него было 3 сына и 5 дочерей – 8 человек, семья была большая»*¹¹ [45]. Таким образом, место было выбрано исходя из принципа коллективного проживания семей одной фамилии в одном месте, даже при условии потенциальных неблагоприятных условий. Например, у семьи Бровковых в одном месте стояло до 11 домов, где проживали только родственники. Однако в случае,

¹⁰ Родионова Лия Федоровна, запись 2020

¹¹ Родионова Лия Федоровна, запись 2020

если рельеф был ярко-выраженным, и от него зависела устойчивость дома, особенности ландшафта учитывались в первую очередь. *«В Лямце тоже там Маёвка гора была. Обязательно вот на горе такой выбирают (место)... Но ведь выбирают они, знаете, даже вот такое место, шоб оно и не осыпалось, и ничто, и... Тоже надо было какую-то грамоту иметь... Голова-то чтобы дал... Местные не выбирали местов»* [45].

Таким образом, внешняя, видимая и осознаваемая сторона выбора места для дома в Онежском Поморье была связана, прежде всего, с вопросом возможностей ориентации главного фасада будущей избы относительно хода солнца (сторон Света), доминирующего источника воды, направлением ветра, особенностей рельефа, личных предпочтений, основанных, например, на необходимости поддержания внутривидовых связей, а также ведущих социокультурных реалий. Последние оказывали решающее значение в условиях распространения гражданско-правовых отношений.

Тем не менее, традиционная культура также диктовала свои условия, обоснованные многовековым опытом и преемственностью повторяемых ритуальных практик. Наивысшая символическая ценность места определялась в результате дифференциального подхода крестьян, классифицирующих пространство по различным этносемиотическим типологиям. Наиболее общей и распространенной была классификация, разделявшая чистое (счастливое) и нечистое (несчастливое) пространства.

Ценность преодоления негативных характеристик стояла выше ценности освоения места с положительным значением, потому в первую очередь было необходимо отфильтровать все места, обладающие отрицательными значениями. Прежде всего, таким несчастливым местом считалась кладбищенская земля, где лежали человеческие останки. Это правило и по настоящее выходит за пределы традиции, пересекаясь с доминирующими морально-этическими представлениями. В семиосфере поселения подобные места часто специально маркировались, так, например,

в с. Ворзогоры оно называлось «могильники». Местные жители не возводили здесь дома. Однако приезжие – переселенцы – обладали совершенно иным статусом. Они были чужаками, выходящими за пределы своей, освоенной среды. Потому на «могильниках» и в настоящее время продолжают жить их потомки. Более того, новые гостевые дома – учитывая, что это территория вблизи центра поселения, неподалеку от храмового комплекса – также поставлены в районе «могильников». Возможно, само место не влияет на «благоденствие» его обживающих, но крайне отрицательный семиотический статус сохраняется в коллективной памяти – и отношение к таким домам и их хозяевам часто граничит с негативным.

Особой семантической напряженностью обладает образ дороги, как символ Пути – в контексте ритуально-мифологических воззрений – прежде всего в мир мертвых. Следовательно – дорога несет опасность для обитателей будущего дома, его нельзя возводить ни посреди нее, ни на перекрестке дорог. Эти культурные смыслы во многом сопоставимы с предшествующим примером кладбищенской земли, т.к. на перекрестке дорог еще в языческое время хоронили мертвых [61, с. 47-48]. Статус нечистого места носит баня, как пространство отличное от традиционных жилых и хозяйственных. Следовательно, на месте бани строить дома также не рекомендовалось. В данном случае возможно пересечение представлений о сакральном и профаническом. С точки зрения размещения бань – они изначально ставились «на задах» основной застройки, на берегу или в овраге. Зачастую это изначально было сырое место, где фундамент дома быстро приходил бы в негодность. Второй уровень сакральной регламентации здесь зависел не от физического качества земли за пределами жилой застройки, а самим качественным характером пространства. Ведь это было место «дальнего круга» северной деревни, периферией, часто близкой к неосвоенному, а значит опасному. Ритуальная нечистота бани подчеркивается и в системе христианских верований, где отсутствием икон –

указание на нечистый характер места [3, с. 20].

Не меньшую опасность представляло место, где случился пожар. Оно так же считалось несчастливым. В настоящее время эта идея носит, скорее, рекомендательный характер – современные хозяева вполне могут застроить освободившееся место, однако статус их нового дома при этом пострадает, так как примет на себя часть негативной семантики.

Чистым (счастливым) статусом будет обладать любое место, включенное в оппозицию дом–лес в контексте «домашнего». Это как уже обжитое пространство (на котором до этого стоял дом или вблизи других домов) или то, где обнаруживаются соответствующие маркеры, такие как домашние животные (а именно рогатый скот), связанные с идеей хозяйства, своего двора, плодородной силы [2].

Кроме непосредственного выбора места, исходя из опыта и знаний хозяина, в традиционной культуре были распространены и гадательные практики. В исследованиях по данному вопросу в контексте общеславянских ритуалов, приводится пример использования зерна. По углам будущего строения хозяин насыпает четыре кучки зерна и оставляет на ночь. Если на следующее утро зерно оказывается нетронутым, то место выбрано удачно. Если зерно потревожено – это знак несчастливого места [2]. В настоящее время, на территории поселений Онежского Поморья не удалось обнаружить ни одного реального примера, связанного с возведением жилища в результате мантических действий (хотя зерно действительно могли класть в угол готового сруба). Однако их реальная, действующая сила закреплена в приведенных выше мифологемах, относящихся к обретению знания о площадке, на которой будет построен храм.

Выбор времени строительства так же в равной степени регламентировался практическими соображениями и опытом сакрального осмысления мира. В первом случае, момент начала строительства мог зависеть от доступности людских ресурсов, в контексте коллегиальности

процесса возведения дома.

В основном на Русском Севере существовало два способа строительства крестьянских домов. Во-первых, при помощи родственников и соседей – «помочей». «Крестьяне приходили с собственными лошадьми и инструментом, сообща рубили лес, грузили на дровни и везли в деревню. Сруб дома обычно хозяин рубил сам или нанимал работников, а для подъема сруба нанимал «помочь». «Помочане» разбирали готовый сруб, перекладывали его на фундамент и конопатили» [74, с. 75]. Во-вторых, уже со второй половины XVIII – начала XIX века, крестьяне стали прибегать к услугам плотницких артелей. В поморских поселениях, например в с. Малошуйка была своя специфика: так как с весны до зимы (примерно от Николеы Вешнего – 22 мая, до Николеы Зимнего – 19 декабря) большинство мужчин-поморов работали в море, строительством занимались или ранней весной с помощью соседей («помочи») или нанимали семьи плотников, которые состояли из отца и нескольких сыновей, бравших плату деньгами или натуральным продуктом.

Одним из влияний христианского мировоззрения также выступала вера в необходимость охватить во время строительства праздник Троицы. Эта традиция в большей степени приписывается для коми-пермяков и жителей Сибири, что, однако не исключает ее актуальности и для жителей Русского Севера.

В годовом цикле наиболее сакральной точкой выступает стык старого и нового года. Именно в это время в мифологической ретроспективе Космос рождается из Хаоса. Следует учитывать, что Новый год в традиционной культуре отличается от светского. Его наступление связывалось с последней неделей великого поста. Подобный выбор времени начала строительства мотивировался мифологическим Прецедентом, когда Мифологическое Начало реализуется в серии «начал», в том числе в начале нового календарного цикла и в начале строительства нового дома [2].

Таким образом, еще не-существовавший и не-актуализированный в физическом пространстве уже имел свое символическое воплощение в кодах семиосферы. Его «призрачная» конструкция как бы проецировалась на культурный ландшафт, который анализировался как с точки зрения пригодности его вещественной субстанции – фиксирующей прагматические аспекты потенциального строительства, так и сакральной типологии традиционной культуры, «высвечивавшей» места с положительной и отрицательной семантикой. В этом смысле не человек, а само пространство предопределяло возможности для будущего процесса возведения жилища. Культурный ландшафт сам по себе имеет все необходимые маркеры, как в физическом, так и семиотическом (сакральном) измерении. Человеку требуется лишь считать их, воспользовавшись знаниями и опытом предыдущих поколений и сделать выбор – учесть их, или проигнорировать.

2.2 Знаковая структура северной природы: выбор строительных материалов

Потребность иметь жилище: кров, пещеру, землянку, дом – всегда было и остается одной из основных для человека. Природа – хранилище ресурсов и строительных материалов – удовлетворяла эту нужду. Испокон веков люди используют природные ресурсы, чтобы сделать свою жизнь легче и безопаснее. Они защищают себя от различных угроз: перепадов температур, диких животных, плохой погоды и, в конечном счете, от других людей. Необходимость защиты обусловила развитие специфических механизмов адаптации к окружающей среде. Приспособленная под нужды человека окружающая среда – среда обитания, преобразованная в культурный ландшафт – это динамическая концепция, меняющаяся со временем в том числе в результате антропогенного воздействия на природу: вырубки лесов, распахивания полей и, в конце концов, возведения жилищ [107].

Многие традиционные общества до сих пор продолжают возводить свои дома, полностью полагаясь на материалы естественного происхождения. Строители используют древесину и кору для каркаса и стен, растительные волокна для связи отдельных конструктивных элементов, листья, стебли и солому для устройства крыши. Многочисленные вариации применения природных ресурсов регулируются культурными предпочтениями, технологиями, условиями окружающей среды, диапазоном доступных видов растений и минералов, и их изобилием [110].

Традиционным материалом строительства народного жилища на Русском Севере было и остается дерево. «Из дерева крестьянин рубил себе избы, строил города, обносил их мощными стенами и оборонительными башнями, возводил церкви и соборы, мастерил почти все, что было ему необходимо, – от сохи до ложки» [70, с. 5]. Сама жизнь на Севере может быть изучена и описана исключительно через опыт приспособления дерева под нужды крестьян. Для северного крестьянина лес всегда был под рукой – здесь он вырубал бревна, получавшие, будучи уложенными в сруб, статус универсального архитектурного модуля, единого для зданий самых разных композиций и форм, повторяющегося в своих усредненных размерах множество раз [71, с. 32]. Из бревен возводились храмы, дома, хозяйственные постройки, изготовлялся тес, дрань и лемех для крыши, доски для крыльца и перегородок, слези для перекрытий и изгородей. Само название поселения – «деревня» – маркировало его как место, построенное из дерева. Благодаря использованию древесины, крестьянин Русского Севера находился природой в особых отношениях «устойчивого существования». Дерево – это символический, но и прагматический ресурс – чистый и возобновляемый [68, с. 5]. Достоинства древесины отмечал и доктор архитектуры, профессор Л. Н. Лисенко: «Дерево как строительный материал, прочный, легкий по массе и в обработке, гигиеничный и относительно дешевый, всегда находило и находит широкое применение» [56, с. 7]. Дерево не требовало специальной

транспортной инфраструктуры – его доставка к месту назначения осуществлялась благодаря обширной речной сети.

Однако, при всех своих достоинствах, древесина обладает и серьезными недостатками. Главный из них – недолговечность. Во-первых, дерево пожароопасное, оно легко горит, что в условиях исключительности применения данного материала, ставило под угрозу целые поселения. Во-вторых, жилые постройки стоят не более 200 лет (для культовых срок составляет до 400 лет). Относительная долговечность обеспечивается качественной эксплуатацией, заменой кровель, нижних венцов, а также при условии, что сруб будет как минимум один-два раза перебран (т.е. «роспаян»). Крестьянин вынужден уделять дому пристальное внимание, «гнилые бревна выметывать, а в те места вставлять новые» [81, с. 14].

При невысоком сроке службы и пожароопасности, дерево обладает такими замечательными качествами как обилие, дешевизна, способность сохранять в доме тепло и почти неограниченную обрабатываемость. «Спорость» – так бы назвал народный зодчий возможность возводить деревянные постройки в крайне короткие сроки, в любое время года [76]. Таким образом, основной строительный материал Севера определил один из самых отличительных адаптивных механизмов-этномаркеров местного населения – плотницкое искусство, работу с топором.

Взаимоотношения северного крестьянина и леса выходили далеко за рамки обычного природопользования – лес, в качестве строительного материала, в совокупности с выверенными веками экологическими приемами строительной культуры, был включен и в то же время определял мировоззренческие представления крестьян, служил мощнейшим фактором адаптации, культурным кодом, ярким этномаркером населения Русского Севера.

Дерево бесспорно являлось важным ресурсом, формировавшим и занимавшим большую часть Севера. Однако его восприятие не

ограничивалось пониманием прагматических качеств. В области функционирования архетипов – оно всегда стояло особняком, как один из самых семиотически насыщенных символов. Интегральный образ «Мирового Древа» воплощал концепцию строения вселенной. Оно соединяет пространственные (вертикальные и горизонтальные) и временные координаты мира. Дерево используется в свадебном и похоронном обрядах, участвует в обряде строительной жертвы (помещаясь в центр планируемой постройки). В традиционной картине мира выступает в качестве особого медиатора, посредством которого сверхчеловеческие сущности попадают в мир людей и покидают его, перемещаясь на небо, в потусторонний мир, на тот свет [82, с. 300].

На Русском Севере было несколько строительных пород дерева: лиственница, сосна, ель – наиболее значимые и распространенные из них [80, с. 139]. Изучая лес, люди обнаружили, что каждое дерево обладает уникальным набором свойств, которые соответствуют применению в различных конструктивных элементах комплекса дома-двора. Материалом для постройки служат в основном сосновые бревна, лиственничные применяются в окладном (т. е. первом) и, по возможности, нескольких нижних венцах сруба. Сосна была наиболее распространенным на Севере материалом, доступным, прочным, смолистым. Ведь чем смолистее дерево, тем лучше оно предохранено от гниения, и тем дольше простоит дом [33, с. 11]. Лиственница встречалась реже, стоила намного дороже. Однако это окупалось её поразительной устойчивостью к сырости, благодаря чему она нашла свое применение в фундаменте дома-двора.

Выбор материала не был ограничен набором его физических характеристик. Важное место занимала сакральная сторона жизни крестьянина, особая культура строительной обрядности. Как и в вопросе выбора места и времени для строительства, священное знание органично дополняло решение утилитарных задач с точки зрения практики и довлекло

над ней с позиции традиционных представлений об устройстве мироздания. Ритуал только сильнее подчеркивал связь человека с окружающим миром. Потому плотник тщательно отбирал древесину, которая должна была попасть в сруб еще на этапе поиска нужного места под вырубку.

Под табу находились священные деревья, они могли как стоять отдельно, так и входить в состав священной рощи. Такое табуированное пространство могло возникнуть, например, на месте разрушенной культовой постройки, кладбища, одинокой могилы. Под запрет попадали и деревья, которые входили в состав уже сформированного культурного ландшафта, переходя в эстетическую категорию, формирующую образ Красоты конкретного места.

Осина – показательный пример материала, воплощающего идею неотъемлемой взаимосвязи крестьянского опыта, и его закрепления в сакральной сфере жизни. Адаптация требовала исключить дерево с мягкой, быстро загнивающей сердцевиной из строительной культуры. Ритуализация отбора сырья утвердила и закрепила эту практику в фольклоре: осина приобрела значение проклятого растения, не в последнюю очередь благодаря христианским традициям – на её ветвях повесился предатель Иуда [2, с. 28]. При этом, сакральная сторона строительной культуры не мешала практичному северному крестьянину применять наиболее подходящие в конкретных ситуациях материалы, несмотря на ритуальные запреты. Так, осина, благодаря её гибкости и свойству серебриться на солнце – использовалась в качестве лемеха на куполах храмов.

Табуированными считались деревья, которые росли около дома, особенно, если они были посажены членами живущей в нем семьи. Прежде всего, садить деревья около жилища было не принято даже в отрыве от учета их семантики. Как было показано выше – в больших поселениях дома были расположены близко друг к другу, «межутки» между ними были небольшими настолько, что дома даже не отделялись друг от друга специальной оградой.

Дерево, посаженное рядом с домом, при всей его символической значимости, закрывало солнце – естественный источник тепла и света, было фактором для стремительного распространения потенциального пожара. Значение имел и принцип сопричастности человека и дерева, нераздельности их судьбы и соразмерности в пространстве сакральных смыслов. Посажённое около дома дерево воплощало идею непрерывности рода. Когда семья или дерево перестают существовать – второй субъект должен отчасти компенсировать утрату [79, с. 129].

Выбор места заготовки строительного леса также зависел от расположения поселения. Так жители прибрежных, окруженных болотами д. Яковлевская и д. Кондратьевская с. Ворзогоры были вынуждены отправляться на юго-восток, в сторону реки Онеги, к т.н. «Малдыни» [43]. *«С Малдыни лес брали на строительство, с Малдыни. Едешь когда в город, со мха съезжаешь, и тут гора. Не доезжая Рочевой... У нас Радька срубил из своего дому, то есть лесу баню и всё выгорало. В деревне срубил. А люди-то, родители-то у нас всё ездили на Малдынь»*¹² [43].

Жители с. Малошуйка брали лес из нескольких мест. Многие информанты, например, В. А. Кузьмин вспоминают, что лес заготавливался в районе Орловского плеса (оз. Орлово) в 20 км южнее села. Однако А. Н. Кузнецов уточнил, что лесозаготовки существовали и в районе д. Калгачиха (оз. Калгачинское), также южнее, в 40 км от Малошуйки. Лиственницу доставляли с т.н. «Синегорья», покрытых лесами холмов за д. Кушерека.

Пурнемские крестьяне древесину для строительства домов рубили неподалеку от Пурас-озера. *«Пурас-озеро называется. Там бор сосновый был, его сейчас вырубил уже. Оттуда брали... Это порядка 18 км мы возили этот лес... Это зимняя дорога была. По ней». «Дом строили обязательно с борового лесу. Это на бору, на сухом брали... Болотную ель*

¹² Рогачева Нина Павловна, запись 2018

*брали на строительство карбасов. Она вроде такая устойчивая»*¹³ [44]. Также, лес самостоятельно заготавливали на р. Вейге, иногда в лямецкой стороне, в 6-12 км от с. Пурнема. В 30-50 годы XX в. в промышленных масштабах началась вырубка лесов в верховьях р. Вейги, откуда лес сплавлялся вниз по течению. Однако в один из сезонов лес не смогли остановить на запани – и его унесло в море. Часть бревен прибывало к берегам Вейги, откуда их забирали местные жители, как на дрова, так и для строительных нужд. После этого лесозаготовка на реке была приостановлена. *«Раньше-то ведь очень много древесины выбрасывало на берег... Так не надо было возить с лесу. С берега насобирали да и построили хлев»*¹⁴ [45]. В случае нужды, лиственницу заготавливали на так называемой «Лиственницкой горе», которая располагается на побережье между с. Пурнема и д. Лямца, примерно в районе мыса Глубокий.

Место, где рубили лес, пурнемские крестьяне называли «шалáга». Дерево для сруба должно быть стройным, выстоянным, чтобы сучья были ровными, росли в небо или по сторонам. Заготовка начиналась в марте (самое начало соковыделения, кроме того – в это время дороги к местам вырубок все еще были покрыты снегом). Были случаи, когда дома рубили за 15 км в лесу. Потом корили и весной возводили сруб. Дерево никогда не пересушивали, т.к. слишком сухую древесину тяжело рубить. Лес никогда не заготавливали осенью. В досоветское время для рубки деревьев требовался лесобилет с государственной печатью.

В отличие от них, крестьяне деревень Рикасово, Большое Анисимово, Великое, Пуново и других поселений «Заостровья» Приморского района, не имели настолько жестких ограничений, в их распоряжении был весь окружающий лес.

Обязательно учитывалось время рубки. Практичный строитель заготавливал лесоматериалы в конце зимы, когда в дереве не оставалось

¹³ Кузнецов Леонид Петрович, 1958 г. р., м. р. и м. п. – с. Пурнема, запись 2020

¹⁴ Родионова Лия Федоровна, запись 2020

соков. «Лес рубится в Великое говение – Великим постом и тотчас же вывозится в деревню. Если лес пролежит на улице все лето до осени, он зовется «виснодельным»; такой лес можно рубить, делать из него дом, когда угодно, потому что он сухой; сырой, мерзлый рубить трудно, так как он “отшибает руки”» [33, с. 11]

По словам А. К. Байбурина, у славян в принципе существовало несколько сроков (различающихся в зависимости от климатических поясов) в течение которых заготавливалась древесина – от зимнего Николы (6 декабря ст. ст.) до марта-апреля, однако наиболее благоприятным считалось начало заготовки деревьев после Троицы [2].

Процесс выбора места, времени и конкретных пород деревьев в Онежском Поморье, может быть обозначен в общих чертах, как пример масштабной «северной экософии». Этот процесс также можно отнести к одной из наиважнейших констант, раскрывающих специфику взаимоотношений между природой, человеком и культурой в рамках генезиса культурных ландшафтов Русского Севера. «Северная экософия» показывает, как окружающая человека действительность структурируется и ре-структурируется на историческом, социальном и культурном уровнях его существования. В простейшем выражении предполагается, что природа, в результате известного «цитирования» преобразуется в ресурсы, которые формируют объекты культуры. Так традиционное жилище, которое задумывается, как способ ограничения и воплощения в вещных формах иерархии пространства – буквально впитывает в себя определенные природные элементы. Пройдя процесс символической и физической обработки – они обретают новое функциональное и смысловое наполнение. Однако с точки зрения Традиции парадокс состоит в том, что конструирование геокультурного пространства зиждется на стремлении воплотить в реальности «просветленный домостроительной энергией архетип» – Первый Дом. Образ предшествует образцу, наделение деревьев определенным

символическим значением предшествует их выбору. В традиционной культуре утилитарные характеристики окружающего мира, например деревьев – как будущего материала – по сути доминируют. Крестьянин вряд ли возьмет для сруба дома старое, сучковатое, кривое или гнилое дерево – если оно имеет положительную семантику в какой-либо системе классификации. С другой стороны – если дерево растет в священной роще – имеет смысл найти другой источник ресурсов, нежели нарушать сложившуюся структуру культурного ландшафта, закрепленную в пространстве семиофсеры. Освоение окружающего мира носит прежде всего символический характер. Культурный ландшафт в части смыслов образуется прежде аспекта культурного ландшафта, основанного на преобразовании природы. Семантика последней, включающая развитую классификацию признаков священных табуированных деревьев, оказывается тем ключевым элементом, который возводит процесс строительства дома (непосредственно до его воплощения в качестве цельной иерархической конфигурации Космоса) в статус акта систематизации и кодификации ее (природы) семиотического (символического) измерения.

2.3 Строительная обрядность и современная практика возведения традиционного жилища

Строительство традиционного дома, а в особенности, масштабного и сложно в архитектурно-конструктивном отношении севернорусского комплекса дома-двора – это многоплановый процесс, где ритуалы «нулевого цикла»: выбора священного места, времени и материала лишь предваряют центральный акт возведения, символически сопричастный акту более высокого плана – восстановления космического порядка, воспроизведения архетипической модели Первого Дома.

Центральный момент этой священной производственной деятельности человека – зафиксированный в качестве мировой универсалии – относится к

обряду совершения «строительной жертвы». Ее высочайший семиотический статус основывается на расширенном понимании и многообразии коннотаций понятия «строительство» и «строй». Как указывает А. К. Байбурин, еще в XIX в. глагол «строить» не ограничивался распространением буквальной постройки дома, храма, поселения, города, а экстраполировался и на культурную, социальную, религиозную сферу общества: государственное управление («строить государство»), религиозные и социальные институты, а также культовый идеологический уровень («богостроительство»). Строй, строительство и устройство относились к процессам упорядочивания пространства, времени, социума, культа. Даже само понятие «домостроительства» понималось в качестве «домоустройства» («экономии») в значении ведения хозяйства в самом широком смысле, включая регламентирование общественной сферы отношений (семьи). В символическом смысле «строить» означало «упорядочивать», структурировать хаос, «ограничивать», «придавать форму» [2, с. 70].

Порядок – это пространственное понятие, в замкнутой целостности, в точке – не может быть «беспорядка» – они сами по себе имеют заверченный характер. При строительстве дома происходит акт структурирования пространства для жизни. Его специфика состоит в одновременности синхронного и диахронного моментов утверждения космического порядка. В синхронном плане структурируется место будущего существования человека, в диахронном, напротив, происходит обращение к мифологическому прецеденту, «эталону». Одно и то же физическое пространство в момент строительства начинает существовать одновременно и в профанном и в сакральном времени. Культурный ландшафт в этом многомерном мгновении совершения ритуалов строительной обрядности обнажается во всей своей полноте, обеспечивая максимальное сближение вещного и природного мира и связанного с ними пространства смыслов (семиосферы).

Жертвоприношение предварялось поиском вышеобозначенной точки – того абсолютного не-пространства и начала, в котором должен был совершиться акт творения [94, с. 14-15]. Это было место, откуда произрастало Мировое Древо – и которое настоящим деревом же и маркировалось. В славянских обрядах для этого использовалось молодое деревце, которое садилось или просто втыкалось (вкапывалось) на месте будущего сруба и должно было оставаться там во время всего процесса строительства. Дерево могло быть замещено крестом, как символом замещающим и так же включающим в себя образ Мирового Древа [76, с. 110]. «Само мировое древо в известном смысле и в определенных контекстах становится моделью культуры в целом, своего рода “древом цивилизации” среди природного хаоса. Оно отделяет мир космического от мира хаотического, вводя в первый из них меру, организацию...» [92, с. 404].

Насколько минимально-возможное пространство – точка, откуда произрастает Мировое Древо соотносится с ним – в его космическом измерении – настолько же сообразны и аналогичны друг другу понятия микрокосма и макрокосма. Их соразмерность в традиционной культуре имеет большое значение для понимания сущности самой строительной жертвы, которая, вероятно, в древности могла носить антропоморфный характер. В этом случае – тело жертвенного существа, закладываемое в основу мироздания фактически приравнивается к макрокосмосу. Мир и дом «разворачиваются» из этой антропоморфной жертвы. Таким образом, структура мироздания в логике традиционализма в полной мере со строением человеческого тела. Сакральная иерархия Космоса (сакральная география) и сакральная анатомия в этом процессе приравниваются друг к другу. В триаде «природа–человек–культура» происходит полное совпадение значений. А. К. Байбурин замечает, что одни и те же признаки строения «тела» дома и человека» получают соответственно одинаковое словесное, лексическое выражение. Дом, как и человек, обладает очами (окнами), лицом (главным

фасадом), лбом (фронтоном), задом (озадками хозяйственного двора).

Со временем антропоморфная жертва была заменена зооморфной – курицей и конем. Позднее, образ коня, вероятно нашел свое отражение в верхнем бревне на кровле северного дома. Конек изображался в форме конской головы. Вероятно, можно проследить связь между конскими головами, приносившимися в жертву (в Новгороде, относящиеся к XI в.) и коньками на крыше. «Дом, как бы выроставший из закопанной в землю конской головы, увенчивался ее же изображением на крыше» [76, с. 111].

Примечательное, что в настоящее время Онежском Поморье не было встречено примеров размещения дерева внутри строящегося сруба. Коньки так же являются крайне редким явлением и, если присутствуют на крыше жилых построек, то в крайне стилизованном виде. Однако функциональное начало в своей простоте и непосредственности, даже без осознанного и последовательного применения логики священного домостроительства, может в какой-то мере заместить реальную строительную жертву или предшествующую ей посадку деревца. Учитывая, что в центре сруба, во время строительства – избы или двора – все пространства становятся соразмерны друг другу, то и образы отдельных конструктивных элементов могут заместить собой действительно священные прототипы. Например, в некоторых жилищах (как в комплексе дома-двора Б. П. Ауровой, 1917 г.) – практически посередине хозяйственного двора установлен мощный деревянный столб, поддерживающий поветь изнутри сруба. Его назначение строго утилитарно, однако в логике традиции – он может символизировать собой все то же Мировое Древо. Его функционал «поддержания» сруба повети пересекается с функцией «поддерживания мироздания». Конечно, сами хозяева не закладывают в него подобные смыслы, однако это и не требуется. Семиосфера северного мира уже содержит их как архетипические представления, которые могут быть применены по подобию приведенного

здесь анализа.

Установка первого (окладного) венца сруба – это второй по значимости этап возведения жилища после ритуала жертвоприношения. В отличие от постановки деревца-креста и сакральной жертвы, окладной венец имеет не только символическое, но и утилитарное назначение. С одной стороны, в нем воплощается идея «первоначальности», «единства» основания, дом действительно рождается в этот момент. Дерево маркирует точку отсчета, воплощающую начало мироздания, сакральная жертва снимает амбивалентность между знаком и его символическим содержанием, большим и малым, микрокосмосом и макрокосмосом. Эти действия производятся, скорее, над подразумеваемым «телом» Первого Дома, чем над новым домом.

Окладной венец становится первым элементом действительно новой постройки – это первый ритуальный шаг, который осязаемо ограничивает пространство, придавая ему зримую и ощущаемую форму. Более того, окладной венец сам по себе выступает и начальным образцом начального образца. Все последующие венцы сруба (в среднем 20) ориентируются именно на него. Он являет собой форму, которая будет повторяться в таких же пропорциях, пока сруб не будет завершен. Таким образом венец – это универсальный рукотворный архитектурный модуль, состоящий из более мелких единиц – бревен. Однако венец – завершен и совершенен, в то время как бревна обретают свою завершенность только будучи связанными между собой. Окладной венец имеет квадратную или прямоугольную форму, но, как и любой четырехугольник может содержать в себе вписанный круг. Будучи установленным, он мгновенно актуализирует функцию ограничения и обрамления – своеобразной «рамки». Круг и квадрат выступают в Традиции наиболее простыми и универсальными фигурами, которыми может быть описано все мироздание. Согласно Рене Генону, круг – это форма «Земного рая», соответствующая началу цикла, тогда как квадрат – форма «Небесного Иерусалима», соответствующая его концу.

Круговая ограда «Земного рая» для Генона представляет собой горизонтальный срез «Мирового Яйца» – универсальной и первоначальной сферической формы. «Можно сказать, что сам круг окончательно превращается в квадрат, потому что два конца должны соединиться или, скорее (цикл никогда реально не завершён, что предполагало бы, в противном случае, невозможность повторения), в точности соответствовать друг другу; само присутствие “Древа Жизни” в центре в обоих случаях как раз указывает на то, что речь идет, в действительности, о двух состояниях одной и той же вещи» [19, с. 145].

Квадрат сруба как бы изображает завершенность, исполнение возможностей цикла. Этот окончательный результат может быть также представлен как «кристаллизация», всегда являющая себя в кубической форме (или квадратной в его плоскостном сечении). А ведь готовый сруб представляет собой именно куб, или, по крайней мере близок к этой форме – в этом случае параллелепипед будет тем же кубом, т.к. важны не точные и совершенные размеры, а их образное воплощение. Совершенный размер и объем достижим только для первообразца. Зодчий может пытаться подражать ему, воспроизводя в земных, ограниченных условиях срединного, профанного мира. Кроме того, квадрат несет в себе коннотацию «города» с минеральным символизмом, тогда как «сад» имеет связь с растительным символизмом. Таким образом, в лоне Традиции, окладной венец являет собой единство «начала» и «завершенности», растительного и градостроительного. Он воплощает в себе и готовую модель мира, описывающую в дереве символ центра и 4 стороны света (4 времени года и др.), в том числе в значении маркирования центра–периферии. Уложенный вокруг избранного центра мироздания, маркированного Мировым Древом и абсолютизирующей соразмерные пространства жертвой – он соединяет в едином священном акте творения Природу, Человека и Культуру в ее социальном и культовом измерениях.

Потому неудивительно, что настолько мощное семантическое напряжение, фактически совпадающее (и это тоже не случайность, а логичное следствие привязанности одного из главных условий формирования архитектурной конструкции к наиважнейшему священнодействию) с базовым, несущим элементом здания проявилось в сохранении ритуала т.н. «окладного» угощения. Тогда как большинство других последовательных шагов в ходе строительной обрядности утрачено (или скрыто), «окладное» продолжает существовать, пусть и в десакрализованной форме. Тем не менее, как это было обозначено выше, десакрализация здесь хотя и несет негативный отпечаток для содержания севернорусской семиосферы – не настолько опасна для сохранения самого факта обряда. Именно повторение и воспроизведение являются основой стабилизации мироздания. Эзотерическое понимание священнодействия всегда было доступно ограниченному кругу людей, однако все миряне, кто помогал зодчим в возведении храмов и жилищ, даже не имея крупиц священного знания – становились ему сопричастны.

В настоящее время в поселениях Онежского Поморья окладное угощение сохранилось в своей простейшей и непосредственной форме – как распитие спиртных напитков после установки окладного венца. Местные жители высказали мнение, что сохранение этого ритуала не обязательно привязано к физиологическому желанию выпить «по поводу». Утверждение фундамента здания – это тяжелый труд, при котором необходимо учесть особенности рельефа, нужную конфигурацию будущего сруба, подложить под венец камни или вкопать мощные лиственничные (сосновые) стулья-столбы. Начальный этап всегда требует больших усилий – и желание отметить его (в конце рабочего дня, т.к. это дело ни на один час) завершение является вполне естественным и закономерным. *«Всегда работу кончают, когда, матицу положили, хоть утром положили – топор в матицу и ушел. Все – в этот день не работаешь. В конец тоже – топор – и ушел. Половые*

*балки – топор – и ушел...»*¹⁵ [45].

Других форм ритуала, приведенных, например, А. Б. Пермиловской, как обход венца с «хлебом-солью» [76, с. 113] на территории сельских поселений Онежского Поморья зафиксировано не было.

Когда основание установлено, жилище начинает расти в вертикальном плане, символически следуя за устремленным вверх молодым деревцем. В традиционном доме общее количество венцов вырастает до 19-21 [26, с. 113]. Один из основополагающих моментов здесь – снятие напряженности пространства, которое было многократно ограничено во время отделения внутреннего пространства будущей постройки от внешнего неструктурированного хаоса. Снятию способствует прорубание окон и дверей. Современные дома часто строятся из бруса, благодаря чему плотник может заранее отмерить нужное количество материала и складывать сруб с изначально присутствующими проемами окон и дверей. Мужчины в Онежском Поморье в целом вспоминают о наличии и соответственного угощения – «оконного» – но в данном случае оно в большей степени соответствует приведенному ниже принципу маркирования завершения одного из этапов строительства. В отличие от следующего ритуала – «оконное» условно. Кроме того, житель с. Малошуйка А. Н. Кузнецов рассказывает следующий факт: «Когда сам сруб до окон делали – у бабушки называлось – “каша”. Всех их там кормили, выпивку выставляли. Потом уже до князева бревна – опять каша». Плотникам же ставили трехлитровую «четверть» водки, т.е. одну четвертую часть ведра объемом 12 литров.

По сравнению с возведением стен – особое значение придавалось укладке матицы. Это одна из важнейших структурно-планировочных частей крестьянского жилища, балка, обычно тянущаяся поперек всей избы. На нее опирается вся тяжесть потолка и отдельные потолочины, в частности. В универсуме русской семиосферы, «матица» имеет множество различных

¹⁵ Ипатов Николай Иванович, запись 2020

коннотаций. Н. А. Криничная приводит некоторые следующие: «матицей в диалектах, как и в древнерусском языке, называются и другие разновидности осевой, опорной или скрепляющей части чего-либо: киль судна, нижний продольный брус, на котором укреплен его остов; бревно, скрепляющее плот, связку бревен; центральная часть невода в виде мешка, в которой собирается пойманная рыба» [49, с. 113]. Матица при этом может существовать в форме алломорфа «матка», что придает ей значения ««источника чего-либо, места рождения, происхождения, корня; середины, острова, центра» [26, с. 307]. В народных верованиях и обрядах матица представлена как основа миропорядка и средоточие «правильного» течения бытия. Амбивалентность матицы проявляется в ее срединном положении, разделяющем верх и низ дома. Она не только «центр», но и «граница», отделяющая пол от потолка, внутреннее от внешнего.

Различные ритуальные действия, такие как привязывание к поднимаемой матице карая хлеба, завернутого в вывернутый наизнанку полушубок [49, с. 118] или ее осыпание зерном и хмелем «относится к числу стандартных ритуальных действий (как, например, осыпание молодых во время свадьбы) с общей семантикой матицы и, например, свадебного обряда, что «позволяет видеть в этой операции кульминационный момент ритуала строительства» [76, с. 114]. В физиологическом плане, осмысляя соразмерность дома и человека, можно говорить о том, что окладной венец выступает в роли основания, «скелета» всей постройки, в то время как матица удерживает ее сообразно «позвоночнику». Подобно «окладному» угощению «матичное» так же сохранилось в семиосфере и обрядовой практике плотников онежского поморья.

Завершающим этапом строительства северного дома является подведение его под кровлю. Крыша выступает как символический образ неба, окончательно структурирующий трехчастную иерархию дома в процессе последовательной установки предшествующих ей окладного венца

и матрицы: «необходимость ощущения конечности, предельности (а следовательно, упорядоченности вселенной) лежит в основе представлений о верхней границе <...> все, что имеет верхний предел, относится к сфере знакомого, постижимого, “человеческого”» [2, с. 104].

С точки зрения общей последовательности возведения трехчастной структуры жилища, состоящего из избы, сеней и двора, с учетом практических целей, проявляющихся в защите от природно-климатических условий, в первую очередь возводится хозяйственный двор с временной жилой клетью. «В суровом климате, где земледелие не могло быть основным занятием населения, очень большое значение имело скотоводство. Поэтому крестьяне сначала строили помещение для скота, а для жилья использовали небольшую клеть на повети – “поветную избу”» [76, с. 95]. Некоторые жители с. Ворзогоры при этом считают, что, напротив, сначала было необходимо построить жилое пространство для человека, тогда как животные могли обойтись без закрытого двора. Теоретически, это мнение имеет право на жизнь, т.к. частично совпадает с результатами исследований А. А. Шенникова. По его мнению, двухэтажный крытый двор становится частью крестьянской усадьбы на Севере не только как удачный вариант компактного совмещения хозяйственных помещений и способ защиты домашних животных от неблагоприятных природных условий, но и ввиду особенностей местного сельскохозяйственного производства, специфики содержания скота для более эффективного производства удобрений. Животные вполне могли обходиться без стен, обеспечивающих защиту от низким температур. Например, подобные открытые двухэтажные дворы были свойственны для крестьянских хозяйств Сибири [101].

Однако на практике, скорее всего, двор и поветь действительно возводились прежде жилого помещения. Об этом свидетельствует практика и особенности порядка строительства традиционного жилища в с. Пурнема.

Для традиционных и наиболее старых домов характерно разделение

коньков передней (летней) избы и зимней (боковой) избы с клетью и хозяйственным двором с поветью (последние называются в этой местности сараем). Боковая, клеть и сарай выделяются большей площадью помещений, по сравнению с передней. Зимняя изба и связанная с ней стена хозяйственной части могут превышать размер летней избы в 1,5-2 раза. Таким образом, боковая изба и сарай всегда построена по типу связи – «брус», однако относительно передней избы они могут восприниматься как переходная форма «глаголя». Это связано с традицией порядка их возведения. В первую очередь крестьяне ставили боковую избы с большой русской печью в качестве основного жилого сруба. Напротив избы (параллельно ее длинному торцу) возводили холодную клеть меньшего размера в качестве кладовой. Смежные стены срубов образовывали коридор, ведущий на сени и поветь. Противоположные стены образовывали внешние стены сруба всего жилища. *«Раньше ведь всегда боковушка строилась для зимы. Потому что зимой ведь холодно – и вот зимой жили в боковушках, а летом уже в передней... Первое строились сарай, боковушка и клеть. Это первое строили в старину... Потому что в сарае надо скота держать, в боковушке самих, а в клети ведь добро нужно было держать. А потом строился дом»*¹⁶. Боковая изба обычно установлена на сруб той же площади, в котором располагался подклет. *«Подвалы были, очень высокие подвалы. В подвал зайдешь – не заденешь ведь. Смотрите, старинные дома какие высокие были. А нынче новые строят и маленькие. И подвалов-то на их-то домах нету»*¹⁷ [45]. Попасть в подклет можно через люк у печи (в «запечье») или через небольшую дверь со стороны улицы. Холодная клеть, в зависимости от размеров, так же устанавливалась либо целиком на срубе подклета, или же могла частично держаться на мощных деревянных столбах.

Одновременно с клетями возводился хозяйственный двор и поветь, т.к. они обеспечивали кровом домашних животных, без которых было

¹⁶ Родионова Лия Федоровна, запись 2020

¹⁷ Там же, запись 2020

невозможно ведение сельского хозяйства. В дальней части повети хозяева набирали «мары» – редкий потолок из жердей в высоту избы, предназначенный для сушки сена и хранения инвентаря. Хлев во дворе возводили как отдельный сруб, что обеспечивало простоту замены быстро сгнивающих нижних венцов. Поветь с торца сарая при этом получала дополнительную опору в виде больших и прочных деревянных столбов, частично вкопанных в землю в соответствии с рисунком. *«Сараи-то большие строились. Сарай большой, под сараем там было обязательно два хлева. Еще в старину-ту, в старину было так шо – три. В одном хлеве держали конюшню... В другом хлеве держали коров, третий хлев был овцы. Частники-то ведь единоличники-то держали <...> Не знаю как у всех, вот у нас в Лямце дедушка Клавдей. Он держал, у него всегда три коровы было, три коня было, а овец не счесть. Да телят, да и не знаю... Такое тоже, хозяйство было очень большое»¹⁸ [45].*

Интерес представляет тот факт, что в селе также стоят дома, у которых отсутствует летняя изба. Это связано непосредственно с указанной выше особенностью ее возведения в последнюю очередь. Например, дом кон. XIX – нач. XX вв. мог продолжительное время стоять без летней избы. Так к стадцатилетнему комплексу дома-двора Евгения Андреевича Бровкова передняя была пристроена только в 1939 году в соответствии с рисунком Б.1 (Приложение Б).

Примером жилища, до настоящего времени бытующего без летней избы является комплекс дома-двора Сергея Тимофеевича Бровкова (в настоящее время дом Е. Сидоровой) начала XX в. Жилая и хозяйственная часть соединены по типу «брус», дом стоит на высоком подклете. Зимняя изба рублена в лапу, обшита со стороны главного фасада, который выкрашен в цвет охры. Интересно, что на этом фасаде располагается всего одно окно (не считая небольшого забитого отверстия со стороны холодной клетки), т.к. к

¹⁸ Там же, запись 2020

остальной части плоскости стены должна была примыкать летняя изба. Отсутствие летней избы объясняется внешними факторами. Прежде всего, заготовленный заранее лес мог изыматься в процессе коллективизации и раскулачивания крестьянских хозяйств в 30-е годы XX в. Второй этап утраты уже выстроенных передних приходится на 40-ые годы – время Великой Отечественной войны, когда летние избы разбирались на дрова.

Эти примеры иллюстрируют, что «горизонтальный» порядок возведения поморского дома, в отличие от вертикальной структуры – определялся, прежде всего, историческими и социокультурными факторами. Это вполне соотносится с профанностью «дольней» координаты и священным, космическим значением «горней».

2.4 Дом как рукотворная модель традиционной культуры

Обобщение принципов пространственной организации северного дома, как культурной универсалии, микрокосма, воплощающего в себе архетипические структуры традиционной культуры, требует не столько обращения к конкретным примерам, сколько анализа семиотических и даже мифопоэтических констант архитектуры и соразмерного ей человека. Важное значение при этом приобретает не только иерархия конструктивности, но и образ, находящий в ней воплощение.

Исследуя поэтику пространства, Гастон Башляр обнаруживает в образе дома принцип психологической интеграции, позволяющий различным отраслям научного знания – психологии. Психоанализу, феноменологии, объединиться в научный корпус, выраженный в топоанализе. Обозреваемых в множестве теоретических планов, образ дома представляет топографию не только физического и космического (священного) пространства, но и «топографию нашей глубинной сущности <...> когда мы вспоминаем о “домах”, о “комнатах”, мы учимся “жить” в самих себе. Уже теперь очевидно, что образы дома двойственны: они обитают в нас так же, как мы

обитаем в них» [4, с. 16-17]. Насколько дом сопричастен пространству традиционной культуры, настолько же он может выступать в качестве инструмента анализа человеческой души.

Микрокосм сопричастен макрокосмосу, человек – дому, дом – мирозданию. Эта двойственность порождает едва ли не бесконечный диалектический ряд, поскольку любое обитаемое пространство в принципе несет в себе сущность понятия дома. Одно выражается через другое и наоборот. Здесь важно уточнить скрытый эпистемологический потенциал дома. Тот факт, что он структурирует пространство строится на понимании этого процесса человеком. Башляр обнаруживает, что дом – это одна из самых мощных сил, способных интегрировать человеческие мысли, воспоминания, грезы посредством воображения. Жилище вытесняет все случайное и малозначащее из жизни человека – взамен оставляя его в состоянии покоя, постоянства. В поэтике пространства дом «собирает» человека, не позволяет ему стать распыленным существом, становится опорой в «ненастьях и бурях житейских». Жилище в самом широком смысле приобретает статус первомира для человека, т.к. прежде чем быть «заброшенным в мир», он «покоится в колыбели дома» [4, с. 19].

Эта первоформа жилища и убежища может быть совершенно различной. Ее сущность обнаруживается в семантике синкретических фольклорных образов, восходящих к единому архетипу. Н. А. Криничная представляет его как образ древнейшего жилища: дерева, горы, пещеры [46, с. 113]. Кроме образного мотива жилища, в рамках Традиции, как отмечает Р. Генон, все эти концепты объединены символикой духовных центров, «оси», «полярности» [24, с. 244].

В далеком прошлом природный объект и жилище, персонифицируясь, сливались в едином синкретическом образе, таком как «дерево–человек–жилище» в достаточной степени сходном с одним из принципов символического пространства «природа–человек–культура», заявленных в

данной работе. Возникновение подобных образов основано на особенностях коллективной человеческой психики. Как и Башляр, Криничная обращается к использованному в предшествующих частях исследования понятию «архетипов», но в его более узком, конкретном смысле, унаследованном от К. Г. Юнга. Это общечеловеческие изначальные образы и мотивы, дремлющие в глубинах коллективного бессознательного и содержащие в себе «унаследованные возможности человеческого представления в том его виде, в каком оно было издавна» [105, с. 71]. Архетип «дерево–человек–жилище» объединяет в себе различные стороны искусства традиционной культуры, находя свое отражение не только в архитектуре, но также, например, в вышивке.

Место дома в традиционной культуре очевидным образом определяется в пространстве текстов – семиосфере, как важнейшей составляющей культурных ландшафтов. Т. В. Цивьян показывает это на примере «словаря модели мира», которая, по ее мнению, может быть описана ограниченным количеством лексем. Для Цивьян дом «представляет собой одну из основополагающих семантем <...> важнейшее промежуточное звено, связующее разные уровни в общей картине мира» [99, с. 65]. С одной стороны дом олицетворяет вещный мир человека т.к. принадлежит ему. Но также дом связывает человека и внешний мир, поскольку является его уменьшенной репликой – при чем уменьшенной ровно настолько, чтобы мир – Космос – стал соразмерен человеку. Воспользовавшись материалом балканских загадок, Цивьян утверждает универсальность образа дома в пространстве текстов. Так, различные виды архитектурных сооружений, от землянки до церкви, от тюрьмы до крепости в большинстве случаев полностью синонимичны дому. Исключением является его оппозиция с церковью, вполне понятная, ввиду их противоположного семиотического статуса, как в организации физического, так и социокультурного пространства жизни человека.

Само понятие дома полисеманлично, отражает разнообразные культурные смыслы, при чем универсальность культурного кода дома не зависит от места и времени. Н. М. Теребихин приводит примеры древнегреческого понятия «ойкос» и древнееврейского «бейт» – означающих одновременно кров, семью, жилище строение, определенное место, хозяйство, быт, наследство, иерархию и порядок. Применительно к русскоязычной картине мира «дом» насыщается религиозно-мифологическими коннотациями: так роль Богоматери, влияющей на судьбу русского народа закреплена в символическом обозначении Святой Руси как «Дома Пречистой Богородицы» [88, с. 10].

К соотношению жилища и традиционной культуры можно подойти и со стороны последней. Так, среди ее основных характеристик А. С. Тимощук выделяет иерархическое (вертикальное) мышление, которое признает прежде всего порядок (в смысле Порядок) более высокого уровня и соответственной готовности действовать согласно Его воле. Иерархическое мышление в отношении нравственных означает уподобление абсолютным идеалам [90].

Дом в этом контексте выражает собой небесный идеал, подражает ему. В архаичной традиционной культуре родовой человек знает только два типа жилищ – преисподнюю и небо. Там он имагинарно существует в одном ряду с мертвецами и богами. Жилище бога (в значении небесного образца) одинаково по своей структуре и состоит из тех же вещей, что и человеческое [97, с. 77]. В этом смысле, как справедливо замечает А. Я. Гуревич: «Символизм архитектурных образов являлся естественным способом осознания мирового устройства» [24, с. 65].

Кроме иерархического, Тимощук выделяет такую константу традиционной культуры как эталонное мышление. В восприятии пространства традиционного общества преобладает качество неизменности, определенность, спокойное отношение к дуализму мироздания. Человек

видит мир как обжитый дружелюбный космос. Но именно знакомый, освоенный космос и являет собой пространство жилища. Это и есть Мир Человека, отделенный от неструктурированного и «недружелюбного» Хаоса. Циклическое мышление определяет постоянный возврат, но не как деградацию, а обращение к неизменным ценностям. Жилище воплощает эту цикличность не столько в своей структуре, сколько в ходе собственной организации, во время прохождения через определенные этапы строительной обрядности. Смысловое мышление задает установку на сохранение первоначальных смыслов, закрепленных в различных культурных текстах. Дом – один из таких текстов. Аксиологический характер традиционной культуры предполагает ее разворачивание вокруг этико-ценностного ядра. Главным хранителем ценностей является человек, семья. Жилище – хранитель семьи, а в семиосфере – фактически ее образно-символический синоним [90].

Так, в языке традиционной народной культуры, согласно Далю – дом это и «строения для житья», и «изба со всеми ухажями и хозяйством, семейство, семья, хозяева с домочадцами» [25, с. 427]. Как отмечает А. Б. Пермиловская, условия жизни на Русском Севере повлияли на усиление семейных и общественных связей внутри поселений. Власть во многих районах осуществлялась через систему разветвленных родственных отношений. Дом, в том числе – и даже в особенности – северный дом, воплощал в себе идею семьи и продолжения рода. Само его архитектурно-планировочное решение отражало особенности уклада и хозяйства большой севернорусской семьи. Мощная двухэтажная постройка, где под одной крышей располагается одна или несколько изб, различные холодные клетки, хозяйственные помещения, скотный двор, поветь – и все под одной крышей – воплощала собой идею многопоколенной семьи, живущей под одним кровом. Деды, отцы, сыновья и внуки сосуществовали в одно время и в одном месте, преемственность поколений осуществлялась без их разделения во времени и

пространстве. Один такой дом мог представить для проведения полевых работ до 20-25 человек, содержать в хлевах до 25-30 голов скота. Дом был воплощением Космоса, семья – воплощением Дома и его внутренним Космосом. Здесь воплощалась и реализовалась вся аксиология традиционной культуры, выражавшаяся в ценностях счастья, достатка, единства рода [77].

Крестьянский дом содержал в себе историю и смыслы семьи, выступал как ассоциативное начало. Например, дом-двор А. Н. Кузнецова (1927 года постройки) из д. Заречье, с. Малошуйка. Интересная особенность данной постройки – отсутствие нового хозяйственного двора. Вместо него используется обрезанный объем хозяйственной части дома-комплекса 1806 года, частично разобранный на дрова в войну. Старинное жилище было двухэтажным, почти в полтора раза шире нынешнего, потому планировочную структуру комплекса дома-двора 1927 года можно называть «нечистым брусом». На тропинке около крыльца визуальнo просматривается небольшая возвышенность, по утверждению А. Н. Кузнецова, печное место, а ближе к берегу – один из стояков бывшего лиственничного фундамента. Ещё одна интересная деталь: комели бревен, сложенной «в обло» жилой части, не обрублены и сохранили инициалы первого хозяина, деда А. Н. Кузнецова – «ИШ» – Иван (Дмитриевич) Шайтанов. Это связано с тем, что, закончив возведение нового дома (подведя его к старой хозяйственной части), он прожил в нем всего одну ночь, после чего ушел в море и оставил конструкцию как есть. Таким образом, дом-двор А. Н. Кузнецова (как и любой другой старый крестьянский дом) воплощает в себе историю семьи в миниатюре. Историко-культурная составляющая народной традиционной культуры сохранилась здесь в виде, казалось бы, малозначимых элементов, создающих ощущение сопричастности с прошлым. Дом здесь является микрокосмом настолько, насколько «стягивает», низводит многовековой хронотоп до ограниченного крестьянской усадьбой пространства.

Весь космос севернорусской традиционной культуры таким образом отражен в пространстве дома. Иерархия пространства и семьи, ее история, ценности, обычаи и менталитет. Человек оказывается соразмерен дому – дом культурному ландшафту – освоенный природный ландшафт с домом – символическому Космосу. Однако для полноты понимая символического единства всех элементов дома требуется более подробно обратиться к конкретным их выражениям в вертикальной структуре жилища и семантике его внутреннего пространства.

Как это неоднократно описывалось в данной работе, вертикальная структура крестьянского дома состоит из трех основных элементов: крыши (чердака, подволоки), жилого пространства (избы) и подвала (подполья, подклета). А. К. Байбурин указывает, что более архаическая форма трехчастного деления, которая относилась к землянкам – была в большей степени ориентирована на единство внутреннего пространства дома и внешнего окружающего мира. Верхним миром было непосредственно небо, а нижним – подземный мир. Пол и потолок таким образом выполняли функции не только внутренних, но и внешних границ [2, с. 207].

Крыша – как самый верхний уровень жилища соотносится с понятием дома так же, как дом соотносится с понятиями семьи и жилого пространства. Она выступает в качестве метонимического эквивалента дома (как, например, в выражении, «жить под чьей-нибудь крышей», что означает «быть принятым в чей-то дом»). Устройство крыши несет в себе многочисленные следы соотнесения с образом человека. Стропила упираются в стены нижними концами-пятками. Сделанные в них выемки – уши, стесанные концы – усы, выступы – заплечники, Уши и усы ассоциируются с «головой» жилища, ноги, пятки и башмак виде углубления в подстропильном бревне – с «телом» [8; 48, с. 70].

Амбивалентность пола и потолка подчеркивается Н. А. Криничной. Исходя из зеркальности функций – в древних представлениях они

приравнивались друг к другу. Также, исходя из принципа соразмерности микрокосмоса и макрокосмоса и установленного ранее символического единства между человеком и домом, обеспечиваемым актом священной жертвы в ходе обрядов «нулевого цикла», любая граница может рассматриваться с позиции антропоморфности. Так потолок – это не просто рукотворный барьер, но метафорический (а в традиционных представлениях вполне реальный) страж, охраняющий внутреннее пространство избы. Если не выделять потолок как самостоятельный антропоморфный или зооморфный элемент, а смотреть на него с позиции «части тела» сообразного человеку жилища, то эта граница будет выступать уже в качестве «черепа» или «голова». Семантика «черепа» в любом случае присутствует в семиосфере севернорусской избы как часть понятия «череповое бревно» – одной из ключевых составляющих потолка. Проведя анализ терминов «пол» и «потолок» в древнерусском языке, Криничная приходит к выводу, что они происходят от одного корня «тьло», т.е. дно. При этом потолок – это результат преобразования словосочетания «по тьлу» – по дно; а первоначальное значение потолка «тло по тлу» буквально означало «дно над дном», то есть пол над полом [50; 99]. Потолок ассоциируется с небом, маркируется солярными символами (розетками, ромбами, гирляндами, травными завитками) [67]. При чем солярная символика потолка и верха могла выноситься за пределы непосредственно жилища, например, на фронтон. В XX в. подобные росписи присутствовали и в Онежском Поморье, в с. Пурнема. Ромбы присутствуют на свесах кровли на архивном фото И. В. Шередега, 1966 г., выявленном в ходе работы с фототекой ГНИМА им. А. В. Щусева.

М. И. Мильчик также обнаружил схожие узоры на свесах кровли дома Старицына, 1876 г.: «Дом кажется двухэтажным, так как имеет высокий подклет <...> Боковые стены избы прорезаны волоковыми оконцами – верный признак старой постройки. На фронтоне и свесах кровли видны

остатки росписи. Изображенные на ромбах человеческие маски заставляют вспомнить, что Пурнема была местом резьбы по дереву, известным на всем лямецком берегу <...> Сам по себе мотив маски, редко встречающийся в русском народном искусстве, чрезвычайно древний. Он отражает языческие представления о том, что маски – символы духа предков – приносили богатство и оберегали людей от дурного глаза» [68]. Подчеркнем очередное семантическое совпадение между образами верха и голов – антропоморфной границы потолка и черепа.

Выше, в области крыши, так же присутствовали солярные символы, обычно, буквально изображающие солнце – резные деревянные солнца на стыке причелин. Оговоримся, что в обследованных поселениях Онежского Поморья не было обнаружено жилищ со старинными солнцами, которые бы были установлены в середине или конце XIX в. Присутствуют единичные примеры новоделов, как у дома Д. И. Корнеевой в д. Заречье, с. Малошуйка (кон. XIX – нач. XX в.). Тем не менее, семантика солнца как символа, несущего счастье и благополучие настолько очевидна, что это можно назвать, скорее, преобладанием традиций, нежели пустым «украшательством». Если крыша – потолок – это основание черепа, крыша – голова, то кровля, ее покрытие, может соотноситься с головным убором.

Сообразность пола и потолка переносится на их отдельные конструктивные элементы – потолочины и половицы, включающие в себя значение «пути», что закреплено, в том числе в славянских обрядах «перехода», прежде всего свадьбы и похорон.

В трехчастной структуре дома присутствовала и своя периферия – места, которые не были отмечены высоким семиотическим статусом. Таким элементом является чердак – подволока – во многом хозяйственное помещение, отделяющее потолок непосредственно от кровли. Тем не менее, чердак несет, скорее, негативное значение, так как его образ и назначение имеют определенное сходство с подполом. Хотя это и часть дома как здания

– в то же время чердак и потолок – нежилые пространства, огороженные от избы. Они частично ограничены стенами сруба, входя в структурированный Космос, однако относятся не только к области человеческого, но и нечистого, связанного с культом предков. Впрочем, пространство между кровлей и потолком могло иметь некоторые жилые помещения, лексическая символика которых вновь обращалась к идее верха и неба. На фронте могла устраиваться «вышка» – небольшой мезонин, большое количество которых характерно для с. Малошуйка и Пурнема, а также расположенной в 25 км от последней д. Лямца. Кроме того, на Севере было популярно устройство «светелок» и «горенок» – так же верхних помещений. Светелка была связана с вышкой, если обустраивалась как отдельная чистая комната. Горница же была парадной комнатой для гостей.

Жилое пространство, как место повседневного существования человека, должно обладать самой устойчивой структурой. Трехчастная иерархия дома в целом получает здесь свое образное повторение. Дублирование модели мира претворяется во внутреннем убранстве и немногочисленных элементах интерьера. Низом в избе является не пол, а лавки, верхом является уровень глаз. Середина – это центр жизни, где витальность и присутствие человека максимизированы. Это уровень стола, где за трапезой собирается вся семья, уровень печи, которая является «сердцем» всего дома.

Включение кроватей в символическое пространство середины (например, представив их значимость в качестве места сна и продолжения рода) скорее всего будет некорректно, т. к. этот предмет мебели не является в полной мере традиционным. До распространения кроватей в домах крестьян – они спали на лавках – на уровне низа.

Горизонтальный план крестьянского жилища, как и его вертикальная структура, определялся тремя частями. Однако, в отличие от космической иерархии вертикали – горизонтальное измерение соотносилось, скорее, с

приведенной выше концепцией «мировых кругов». Три части горизонтального плана проявились позднее, чем вертикальные. Изначально дом представлял собой землянку лесостепной полосы и был преимущественно однокамерным помещением с печью-каменкой. В XI-XVI вв. в среде бедных крестьян, даже на Севере – большинство домов были именно однокамерными. Двухкамерная структура жилища появилась в пределах IX-XIII вв., хотя и была нечастой. К срубам избы были добавлены сени, которые также могли выполнять роль хлева [8].

Полноценная трехчастная горизонтальная композиция на севере, соотносящаяся с развитым комплексом дома-двора – явление достаточно позднее (XVIII-XIX вв.) [76]. Три части соответствовали избе, сеням и хозяйственному двору с поветью. Применительно к концепции «мировых кругов» священным центром здесь может выступать «красный угол», в котором располагались иконы или диагонально противоположный ему «печной угол». Первый был культовым и социальным ядром избы (именно здесь стоял стол), второй – витальным. Печь позволяла готовить еду, давала тепло, была местом для сна и первым по хронологии центром древнего жилища. Сакральный локус угла, подобно крыше, был метонимическим эквивалентом всего дома. Печь и образы (иконы) тяготели углам, из углов жилища разворачивалось во всей своей полноте, к углам же оно и сводилось [47, с. 28]. Углы обеспечивали связь границ, венцы сруба соединялись в них, придавая пространству непрерывную, замкнутую форму, образно переходящую из прямоугольника (квадрата) в круг. Значение этого процесса было описано выше. Сакральный статус углов обеспечивался пребыванием в них домашнего духа – домового [87, с. 280]. В горизонтальном плане жилища углы создавали собственную систему координат. Напротив устья печи, обращенного к главному фасаду, помещался бабий кут (место приготовления пищи), по диагонали от ней – красный угол со столом и иконами, у входной двери маркировалось мужское место – коник [55].

Средним кругом выступало самое жилое помещение, большим (дальним) кругом была хозяйственная часть. Сени можно соотнести с категорией дальней периферии и границы. Они разделяли избу – место женского труда, жизни и отдыха и двор – место ведения хозяйства, содержания животных. Кроме того, именно в сени вело большинство внутренних дверей, отсюда же был выход на улицу. Таким образом, сени являлись самым приближенным к внешней, необжитой среде пространством.

Кроме трехчастного деления, горизонтальный план дома выражается в системе границ, упорядочивающих его изнутри, а отношения жилища с внешним миром. Окна и двери придавали дому статус освоенного человеком. С практической точки зрения эти отверстия обеспечивали возможность входа-выхода (а этим действиям сопутствовал высокий статус семиотичности), доступа солнечного света, воздуха. Однако в сакральном измерении дверь и окно противопоставляли избу мертвому или нерожденному, неструктурированному пространству – гробу, «домине», а в более мифопоэтическом смысле и Мировому Яйцу [2]. Окно служит концентрированным выражением всего жилища, каналом связи с внешним миром, стражем, который охраняет границу дома от негативного воздействия злых сил. Ориентация окон на солнце выполняет не только утилитарную функцию, но и магическую, обусловленную космологическими представлениями о включенности жилища в мироздание. Более точно это утверждение можно выразить следующим образом. Окна связывают жилище и окружающий мир на двух уровнях – проницаемости, доступа к природной среде, а также на уровне космических явлений и процессов, выраженных в образах, созерцаемых человеком солнца и луны, сторон света, ландшафта, света и тьмы, дня и ночи, зимы и лета. Противоположным по статусу явлением выступает связь между миром живых и миром мертвых.

К границам, структурирующим внутреннее пространство относится матица. Ее значение уже было дано выше. Здесь необходимо добавить, что,

прежде всего, роль ее многообразна. Матица выступает границей внутренней и внешней части дома на уровне входа и выхода, отделяет сакральное пространство хозяев от места, куда может без приглашения зайти гость [2; 74]. Место под матицей является серединой избы, топографическим центром, где происходят обряды, не связанные с сидением за столом или с печью. Другими границами, сегментирующими жилое пространство, были воронцы – два сходящихся от смежных стен под прямым углом деревянных бруса, на высоте, превышающей рост человека. Их назначение, как у любой поддерживающей конструкции разделялось между утилитарным (как полка для выпеченного хлеба и сакральным (граница женской части избы). Воронцы были очередным способом трехчастного деления внутреннего пространства избы, обеспечивающего ее космически-устойчивую форму. Они делили жилое помещение на красный, печной и задний углы [8].

Таким образом, горизонтальный и вертикальный планы традиционного крестьянского дома характеризуются многократным повторением дублирующих друг друга трехчленных пространств.

Анализируя архитектурно-конструктивные особенности и пространственную структуру крестьянского дома Русского Севера, мы всегда обращали внимание на их неизменно двойственный характер, заключающийся в совмещении утилитарных функций и символической значимости. При этом отмечалось, что с точки зрения интенциональности, целеполагания усилий северного плотника при постройке жилища – прагматизм процесса строительства шел впереди его осмысления как сложного, создающего микрокосмос бытия Мироздания. Онтологически сакральное начало, конечно, первично. Божественные архетипы по самой своей сущности лежат в основе любого акта организации пространства, просто потому что сама природа, которой должна быть придана форма ограниченного, структурированного места для жизни – есть выражение

божественной воли – от физических свойств среды, до эстетического выражения концептов Меры и Красоты.

Утилитарная функция декора так же первична. Специфика состоит в том, что его утилитарность противоположна функционализму конструкции дома. Другими словами, практическая сторона декорирования относилась к использованию орнаментов, как символической системы, оберегающей микрокосм жилища от негативного воздействия внешней деонтологизированной среды Хаоса. Эстетическое значение декоративного убранства выходило на второй план. Взаимосвязь символики и конструктивности описывается через триаду: «функция–канон–украшение».

Декор, хотя и относится, скорее, к миру вещей, чем пространственно-ориентированных мест – все равно имеет пространственный характер в контексте процесса своего формирования в виде совершенной, законченной системы. На его развитие повлияли как исторически обусловленные традиции древности – для Севера это в большинстве случаев опыт мастеров Древнего Новгорода, а также Ростово-Суздальских и Московских земель; географическое положение территории, социально-экономические особенности конкретного региона, хозяйственный уклад его жителей, степень развития кустарных и отхожих промыслов [74, с. 234]. Таким образом, в целом, северный декор является отражением богатой народной культуры, воплощающейся в орнаменте резьбы, росписях, деревянной скульптуре.

Осмысляя северную народную архитектуру (на примере деревянного зодчества Карелии) В. П. Орфинский не сводит декор исключительно к его «точечным» проявлениям, размещаемым на различных элементах крыши и сруба, а берет жилище во всей его полноте, включая «общий охват» здания взглядом со стороны, без выделения конкретных деталей [15, с. 30-31]. К специфике архитектурно-композиционного решения жилищ он относит визуальное противопоставление объемов открытой внешнему миру избы (за

счет оконных и дверных проемов, что было описано выше) и глухого, сплошного сруба сарая (хозяйственного двора с поветью); контрастность резных наличников и балконов, ажур полотенец и причелин с мощью целостных бревен, усиливающуюся снизу-вверх вертикаль наращиваемого богатства декора, выразительность силуэтов домов-комплексов в условиях недостатка солнечного освещения; выделение цветом отдельных деталей, усиливающих принцип контрастности; выделение и подчеркивание конструктивности и технической утилитарности отдельных архитектурных элементов (потоков, шеломов, куриц).

Подобно архитектурно-конструктивным элементам вертикальной структуры жилища, семантика декора символически соизмеряет дом и человека. В своем украшении жилище получает антропоморфное наполнение: декор понимается как «наряд», на «голову» дома помещается шелом, фронтоны дома, его «лоб-чело» обрамляется «причелинами», «окна-очи» выделяются наличниками и очельями. Декоративные элементы крайне разнообразны. Кроме указанных выше к ним относятся резьба, живопись, раскраска, балконы, галереи, потоки, дымники, курицы, охлупни.

Наиболее напряженным в семантическом отношении и древним в культурно-историческом является украшение верха – двускатной тесовой кровли. В предыдущем параграфе были отмечены присутствующее на фронтоне орнаментальные мотивы, включающие солярную и антропоморфную символику: ромбы, розетки, завитки, солнца. Они напрямую связаны с небесной сферой и соотносятся с пограничными частями здания – потолком и крышей (ее фронтоном). Не менее древними являются зооморфные мотивы «коньки и курицы», в соответствии с народной поговоркой: «курица и конь на крыше – в избе тише» [1, с. 123].

Связь курицы, коня и дома лежит во многих плоскостях, как в синхронном, так и диахронном плане. Их символика пронизывает собой всю семиосферу и даже бытие культуры, прорываясь из сферы чисто

архитектурного в измерении архетипических универсалий. В предыдущих главах образы курицы и коня уже встречались как закрепившееся жертвенные животные, участвовавшие в обрядах «нулевого цикла» при постройке жилища. Истоки подобных представлений лежат еще в культуре коня, характерного для верований различных индоевропейских народов (среди очевидных примеров можно привести ведический обряд жертвоприношения коня – ашвамедху).

Первоначальной жертвой, при возведении дома, вероятно был человек, но со временем его заменил конь, как существо ему эквивалентное. При этом конь соотносится не только с антропоморфным, но и растительным началом – Мировым Древом. Это связано все с их общей телесной конституцией, проявляющейся, прежде всего в плане их ритуально-мифологической трехчастности (передняя, средняя и задняя часть коня, человека соответствуют верхнему, среднему и нижнему миру), которая явилась основой внутренней реконструкции архетипа.

Эта глубинная связь человека, коня и их роли жертвенного существа была проанализирована Ю. В. Линником – от процесса доместикации коня с возрастанием его значения в человеческом мировоззрении, до бурного процесса мифогенеза, когда конь стремится занять главенствующую роль в картине мира человека, замещая концепты Мирового Древа и Мирового Яйца. Линник обращает внимание на обширнейшую семиотику конского черепа. Последний имеет большое значение в актах ритуальных захоронений, задействован в обрядах перехода «из дольного в горнее – из тленного в нетленное» [55, с. 394-395]. Конский череп сохраняет живую силу, «обращенный и к светлой, и к темной сторонам бытия, он воплощает как радость, так и трагизм существования». В соответствии с этим – фигура коня, вырезанная на торце охлупня и венчающая крышу севернорусского дома не случайна. Деревянный образ наследует конскому черепу, является его замещающим символом.

И конь, и петух наделялись апотропеической силой, они связываются в народных верованиях с огнем и водой, служат в равной степени символами огня. Внешними проявлениями принесенной при строительстве жилища жертвы служат оформленные в виде конских голов «курицы» – обработанные корневища нетолстой ели, изогнутые под прямым углом и укрепленные (врубленные) на слегах безгвоздевой тесовой (самцовой) крыши. Курицы поддерживали скаты тесовой кровли, удерживали вес продолбленной колоды для отвода воды – «потоков», в которые и упирались торцы теса. Очертания конских голов изредка встречаются у полотенец и причелин. Голова лошади неоднократно дублируется и во внутренних формах традиционного жилища: прежде всего в оформлении печного столба и «коника» – широкой лавки-ларя в мужском углу у входной двери [52].

Украшение окон получило развитие вместе с их эволюцией от волоковых к колодчатым и косячатым. Декор наличников связан с идеей охраны внутреннего пространства дома при помощи магических изображений [22]. Защитная функция возложена на обережную тематику. В них используется солярная символика, образы кругов, фитоморфные, зооморфные, орнитоморфные и антропоморфные мотивы. Среди наиболее популярных образов выделяются силуэты птицы и гребня (петуха), коня.

Различные типы крылец (прирубом, на ряжах, на столбах, крыльцо-балкон) сопровождалась идентичной тематикой. Орнаментация декоративного убранства как знаковая система, репрезентировала эстетическую и мифопоэтическую информацию, закодированную в универсальных образах традиционной культуры. Код декора включал в себя образы, связанные с природным и культурным пространством конкретного региона, в контексте данной работы – Севера.

В этом отношении поселения Онежского Поморья выделяются своей спецификой глубоко аскетичного декора, отличного от типичного

представления о северных «хоромах». Локальный этнический колорит здесь характеризуется не богатством, и скромностью облика жилищ.

Так, традиционные крестьянские дома с. Малошуйка не отличаются богатством декора. Их облик аскетичен, однако в несравнимо меньшей степени, чем, например в с. Ворзогоры. Как отмечает А. Н. Кузнецов, все дело в поморском характере местных жителей. Это были суровые люди, большую часть жизни проводившие в море. Дом для них был временным пристанищем, тогда как настоящая жизнь начиналась, едва они переступали борт карбаса. Поморы строили большие, прочные, теплые, надежные дома, однако не стремились к чрезмерному украшению. Это было лишней тратой сил и времени, что же касается семантического содержания декора – как предметов охранительной культуры – для помора на первом месте была безопасность на большой воде, а не на земле.

Экстерьер комплекса дома-двора с. Малошуйка ограничен причелинами и покраской обшитых вагонкой изб. Традиционные для поселений Онежского Поморья цвета: голубой, зеленый, желтый. Типовой декор торцов крыши представлен в виде резных причелин. Они состоят из двух досок с фигурной резьбой в форме треугольных зубцов и квадратных дентикул-«сухарики». У части жилищ, причелины стыкуются под князевым бревном в форме полукруглого завершения, обрамляющего окно посреди плоскости фронтона или вышки-мезонина. В совокупности с выносом карниза крыши по главному фасаду примерно на метр вперед по отношению к стене, стык причелин создает визуальный образ полуарки, подчеркивающей верхнюю часть построек вместо отсутствующих в этой местности резных коньков-охлупней.

В ходе обследований отмечено только две нетипичные по декору постройки – это комплексы дома-двора Д. И. Кренёвой и В. А. Баёва. Дом Д. И. Кренёвой (нач. XX в.) – это традиционный для с. Малошуйка четырехстенки на высоком подклете, способ соединения

жилой и хозяйственной части – «брус». Крыша двускатная, со светелкой на подволоке. На главном фасаде располагается четыре окна. Сруб избы обшит и выкрашен в зеленый цвет. Однако, особенностью данной постройки является уникальное для Малошуйки украшение с солярной символикой – полотенце-«ветреница», закрепленное на стыке причелин. Но и это резное солнце достаточно лаконично – оно выполнено из семи узких, выкрашенных в красный цвет реек-лучей, закрепленных на небольшом бруске в соответствии с рисунком Е.2.

Наиболее торжественно и нарядно выглядит дом-двор В. А. Баёва (кон. XIX – нач. XX в.). Тип планировки – пятистенок, способ соединения избы и двора – «брус», на высоком подклете. На главном фасаде устроено пять окон, крыша двускатная. Дом обшит и выкрашен в зеленый, желтый и белый цвета. По сравнению с другими постройками в селе, главный фасад дома отличается избытком декора: кроме традиционных причелин, фронтоны выделены широким балконом с резными балясинами, фланкированным небольшими ромбовидными окнами в соответствии с рисунком Е.2.

Наличники окон, покрашенные в белый цвет, характеризуются богатой пропиленной резьбой. Также, дом-двор В. А. Баёва отличается сохранившимся декоративным поясом из небольших «сухарики», помещенным на стыке между защитным карнизом и обшивкой сруба дома – по периметру всей избы.

Несмотря на то, что яркие элементы декора в экстерьере крестьянских домов с. Малошуйка в настоящее время присутствуют у небольшого числа построек – они не выступают исключениями из правила. Напротив, эти элементы являются примером преемственности, сохранения культурных смыслов через традиционный декор.

Так, в результате архивных работ А. Б. Пермиловской, было выявлено изображение фасада жилого дома, зафиксированного в 1900 году, в ходе экспедиции Императорской археологической комиссии. Судя по наличию на заднем плане фотографии фасада колокольни и шатра Никольской церкви –

можно предположить местоположение данного дома в застройке с. Малошуйка в районе д. Верховье, рядом с комплексами домов-дворов причта. Дом построен «в обло», на высоком подклете, выпуски венцов защиты для защиты торцов от воздействия осадков. Сруб сложен из качественного леса, так как использованы большие, ровные бревна. Особый интерес представляют окна-шестерки, оформленные богато декорированными наличниками в соответствии с рисунком Ж.1.

Верхняя часть наличников украшена декоративными консолями и резьбой в форме балдахина с цветочной розеткой в окружении фитоморфных или орнитоморфных мотивов. В нижней части и по бокам наличников выполнена роспись растительного характера, однако более точный анализ возможен при наличии цветного изображения или с натуры, потому данный вопрос требует специального изучения. В целом, декор наличников не характерен для крестьянского деревянного зодчества и скорее всего заимствован из мотивов, встречающихся на городских жилых постройках. Следует отметить, что подобные яркие наличники, несомненно, являются элементом репрезентативного статуса хозяина. Кроме того, дом расположен вблизи культового ансамбля. Исходя из этого, возможно предположить, что он принадлежал причту или богатому поморскому торговцу (судовладельцу).

Таким образом, несмотря на то что в настоящее время большинство крестьянских домов с. Малошуйка характеризуются скромностью и отсутствием яркого экстерьера, еще в начале XX века существовали дома церковнослужителей и торговцев, которые выделялись в архитектурном плане и имели богатый декор, в том числе заимствованный из городской архитектуры.

Отдельно следует отметить, что, как и в случае с другими поселениями Онежского Поморья, например с. Ворзогоры и с. Малошуйка, для комплекса дома-двора с. Пурнема характерен весьма скромный декор, представленный только причелинами на фронте под крышей главного фасада или вышки-

мезонина. Еще в пер. пол. XX в. на окнах домов с. Пурнема можно было заметить нарядные наличники, но к настоящему времени, они почти повсеместно исчезли.

На старинных домах практически не осталось причелин с затейливым узором. Однако в ближайшей д. Лямца встречается намного больше изб, отличающихся причелинами с городковой геометрической резьбой. Она состоит из сочетаний прямоугольных и треугольных зубцов, полукругов и трапеций, вырезанных по краям доски. В некоторых случаях глухая резьба дополнена сквозными отверстиями – скромным намеком на ажурность.

Наличие подобного декора в Лямце не случайно – в отличие от с. Пурнема, здесь жили богатые лоцманы, известные своим профессионализмом и достатком по всему Онежскому берегу. В некоторых случаях, под причелинами, на досках зашитого карниза могла выполняться красочная роспись. До настоящего времени в с. Пурнема не дошли дома с орнаментом, однако об этом свидетельствуют архивные данные.

На фото, выявленном в архиве ГНИМА им. А. В. Щусева, запечатлен крестьянский дом-четырёхстенок на высоком подклете в соответствии с рисунком Д.1. Способ соединения избы с хозяйственной частью – «брус». Судя по изображению, жилище рублено с выпуском венцов, вероятно «в обло», на главном фасаде располагается четыре окна. Крыша двускатная, покрыта тесом. Отдельно стоит отметить фундамент, на который установлен окладной венец летней избы – это вкопанные в землю вплотную друг к другу деревянные (скорее всего сосновые) стояки. Особый интерес представляет роспись на свесах кровли на фронтоне постройки. Орнамент незатейлив и лаконичен, и представляет собой два ряда ромбов с точками на вершинах углов, выполненных светлой краской. К сожалению, окна дома на изображении заколочены, однако при ближайшем рассмотрении первого окна от крыльца на боком фасаде летней избы – можно различить небольшой фрагмент наличника, который явно имел волнистую форму наружной

обвязки. Судя по имеющимся экспедиционным данным, это не один из домов притча, а также не дом судовладельца или торговца. Скорее всего, комплекс дома-двора принадлежал достаточно зажиточному крестьянину.

В отношении декоративного убранства следует отметить перестроенное здание интерната. По сведениям информантов в нем жили как дети, так и местные учителя, была своя библиотека. До 30-х годов XX в., двухэтажная изба, выходящая главным фасадом на улицу, принадлежала зажиточной семье Бровковых. В начале века у хозяина избы была своя лавка, располагавшаяся на первом этаже, в то время как на втором было устроено жилое помещение. Зажиточность Бровкова ярко отражена в его жилище. Это большой, двухэтажный дом-пятистенок с двумя рядами по пять окон на главном фасаде и вышкой-мезонином с тремя окнами. Старинных наличников к настоящему времени не сохранилось. Об их существовании говорят лишь косвенные свидетельства: идентичная форма окон как у избы Бровковых, так и советских пристроек (что означает замену оригинальных оконных коробок жилища), а также другие декоративные части, которые блекнут без самых выразительных элементов – резных наличников. Прежде всего, это деревянные дентикулы – ордерные «сухарики», опоясывающие весь объем избы прямо под подшивкой крыши. Их дополняет деревянная пилястра между третьим и четвертым окном главного фасада, отмечающая место переруба с капитальной стеной внутри избы. Идентичные пилястры прибиты на углах жилища, выполняя функцию обшивки торцов из сложенных «в лапу» бревен. Интерес представляет фронтон мезонина интерната. Точно не удалось установить была ли расписана подшивка крыши, однако над окнами вышки остались плохо-различимые следы. Судя по всему – это отметины «диадем» над очельями наличников, под которыми выцвела краска.

С другой стороны, подобный декор верхней части обвязки наличника для северной деревни кажется чрезмерным, потому также возможно

предположить, что это следы фальшивых полукруглых окон, которые венчали окна настоящие, и служили дополнительным элементом декора мезонина.

Современные жители, возводящие новые дома–коттеджи на дачный манер предпочитают ставить или стилизованные под дерево пластиковые окна, или заказывают богато украшенные наличники со сквозной ажурной резьбой. Однако на подавляющем большинстве фасадов старинных крестьянских домов начала XX в. подобные элементы экстерьера отсутствуют. Одним из редких примеров дома-двора, отличающихся минималистичным и непритязательным украшением окон, является изба-двойня Ф. Т. Бровкова. Та ее часть, что не была затронута установкой современных стеклопакетов, демонстрирует образец наличника, подчеркнутого единственной деталью: скромным фартуком подоконной доски с прямоугольными сухариками и треугольными вырезами по краям, стилизующими его под своеобразную нарядную «ленту».

В отличие от с. Пурнема в д. Нижмозеро встречается больше комплексом дома-двора, крыша летней избы которых имеет традиционный для образа деревенского дома сплошной фронто́н без вышки-мезонина. Также, в деревне встречается несколько домов с декоративным оформлением причелин. Вероятно, это можно объяснить жизнью на озере. Возможность более спокойного озерного лова и эстетически-привлекательный вид природного ландшафта могли подвигнуть даже замкнутых и чуждых скромного декора поморов украсить крышу дома замысловатым декором. Часть домов обшита, из них многие стоят неокрашенные. Для других местные жители использовали краску голубого, зеленого или охряного цвета. Из-за отсутствия в деревне собственной электростанции, некоторые обеспеченные хозяева используют для получения электроэнергии солнечные батареи, которые стали своеобразной частью современного культурного ландшафта Нижмозера.

Подобное этнографическое отступление призвано констатировать несколько фактов. На примере традиционного северного декора Онежского Поморья можно говорить о взаимозависимости «наряда» дома, пространства и человека в одинаковой степени как при наличии богатой орнаменталистики, так и ее почти полном отсутствии. Утрата декора лишает дом его символической защиты, изымает его из области соприкосновения с семиосферой. Однако при этом аспекты включенности в культурный ландшафт только усиливаются. Разрыв с архетипическими моделями, потеря повторяющихся орнитоморфных и зооморфных образов возмещаются значением «нулевого», отсутствующего декора как маркера поморской этничности. Символическая структура декоративного убранства более южных территорий использует универсальные коды традиционной культуры. В то же время северная символика, а точнее, ее отсутствие, обращается к универсальным кодам природы – через большую значимость силуэтности и пропорций, Мера и Красота которых раскрывается не столько в изоляции от окружающего пространства, сколько в созерцании на фоне природного ландшафта, с учетом солнца. Отсюда и более грубая аналогия – в развитой декоративной системе солнце-«ветреница» рукотворно и помещается под крышу. Это символ, означающий пожелание благополучия и удачи. В максимально опрощенной системе декора, соответствующей и вытекающей из поморского менталитета – солнце не создается плотником. Оно выступает в роли «самое себя», размещаясь не под, а над крышей, своим светом выделяя силуэт массивного дома двора на фоне поселения, реки, леса. При этом символическое значение приближается к Традиции. Если деревянное солнце указывает на реальный объект, то реальное солнце в древних традициях, по Генону – так же выступает в роли символа, но не космического тела, а подлинного «Центра Мира», Божественного Принципа [24, с. 89]. Таким образом, осмысление отсутствия декора поморских домов в категориях Традиции делает их сопричастными Космосу Севера не в

меньшей, а возможно и в большей степени, чем это свойственно жилищам с богатым «нарядом».

Символическая конструкция северного крестьянского дома в целом демонстрирует в многократном повторении трехчастной вертикальной и горизонтальной структуры (а также внутренней структуры жилого помещения – его культурного горизонта) обширную знаково-символическую систему, обеспечивающую устойчивое положение дома в мироздании, его сопричастность природному и культурному (градостроительному) началу, соразмерность человеку. Конструкция дома повторяет тело человека и тела мира, претворяясь в образе микрокосмоса – универсальной модели, сообразной каждому из элементов триады «природа–человек–культура» в пространстве-времени (хронотопе) северного мира.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Символическое пространство или символическое измерение Русского Севера может описано через концептуальную триаду «природа–человек–культура». При этом человек, как организующее начало, занимает в ней центральное положение. Формирование символического пространства происходит в процессе его освоения, которые выражается в актах осмысления (как самого северного мира, так и места мыслителя в нем) и продвижения (физического и духовного освоения, итогом которого становится Преображение). Освоение пространства Севера – это критически напряженный процесс, где оба полюса человеческого бытия, духовный и физический, максимально проявлены. Его результатом выступает культурный ландшафт, в котором человек – мера его предельности в физическом и метафизическом пространстве бытия. Ландшафт, через динамику своего освоения, оказывается, соразмерен человеку. Насколько периферийно и оттого предельно онтологическое существование людей, заключенное в процессуальности борьбы противоположных начал, настолько же предельно и от того периферийно бытие преобразованного и осмысленного ими пространства.

Природное пространство Русского Севера так же описывается через триаду «природа–человек–культура», как текст, который, в результате процесса символического «цитирования», воплощающегося в осмыслении и преобразовании – предстает в качестве фактора формирования этнического характера и менталитета поморского населения. Русский Север и Онежское Поморье, в частности, обладали именно тем климатом, ландшафтом, растительностью, пейзажной эстетикой (включающей категории Меры и Красоты) – той природой, что формировала у поморов их менталитет и особый «промысловый» социокультурный комплекс. В поморском культурном коде лес детерминировал идеи закрытости, замкнутости, хаоса,

опасности. Река эту замкнутость преодолевала. Равнина предрасполагала к созерцательности и неопределенному размышлению. Море – актуализировало действие, предельность, волевое движение навстречу к Смерти, преодоление которой способствовало Жизни. Подобные коннотации были не случайны и формировались не только за счет количественного характера разнообразия пространства, но и его качественного содержания, являющего образы архетипов: инобытия – моря, возвышенностей-вертикалей – как воплощения Оси, Мирового Древа или Мировой Горы. При этом, существуя в пространстве семиосферы севернорусских смыслов, природа также смешивалась с ценностно-смысловым содержанием исторической памяти местного населения. Символическое и природное пространство Севера синтетически объединяются и воплощаются в природно-архитектурном ансамбле – культурном ландшафте сельских исторических поселений. В северной деревне человек компактно «упаковывает», сводит культурный ландшафт, весь символический и природный мир к своему простейшему, и в то же время технически и художественно совершенному образцу. При этом «внешняя» природа не игнорируется. Поселение обретает ограниченный, но не изолированный, не герметичный характер.

Деревня связана с культурным ландшафтом. Именно пространство деревни как совокупности артефактов (в том числе архитектуры), хозяйства, традиций, носитель топонимов – является частью области соприкосновения культуры и географического пространства – семиосферы. Текст культуры – различные вещественные знаки и топонимы включены в структуру деревни. Дом связан с геокультурным пространством на более высоком уровне бытия. Деревня структурирует и упорядочивает природу. Дом – это структурирующее начало деревни и проекция структуры мироздания. Деревня начинается не с храма (который становится центром), а с дома, точнее – двора, крестьянского хозяйства, а на севере – комплекса дома-двора. Расположение деревни, ее планировка и застройка осмысляются через

расположение именно домов, а не храмов или хозяйственных построек. Дом, как архетипическая модель иерархии мирового пространства и воплощение микрокосма бытия должен быть сообразен и сопричастен Космосу в пространстве-времени на всех этапах своего существования. В соответствии с этим зодчий обретает статус не только строителя, но и творца в высшем значении этого слова. Мастер должен не только возвести архитектурную конструкцию, но и претворить в жизнь акт Божественного Домостроительства, включающего в себя этапы отбора священных перво материалов, а также выбора единственно-верного и возможного строительного хронотопа. Семантика природы, включающая развитую классификацию признаков священных табуированных деревьев, была тем ключевым элементом, который возводит процесс строительства дома (непосредственно до его воплощения в качестве цельной иерархической конфигурации Космоса) в статус акта систематизации и кодификации ее (природы) семиотического (символического) измерения.

Еще «не-существующий» и «не-актуализированный» в физическом пространстве дом уже имел свое символическое воплощение в кодах семиосферы. Его «призрачная» конструкция как бы проецировалась на культурный ландшафт, который анализировался как с точки зрения пригодности его вещественной субстанции – фиксирующей прагматические аспекты потенциального строительства, так и сакральной типологией традиционной культуры, «высвечивавшей» места с положительной и отрицательной семантикой. В этом смысле не человек, а само пространство предопределяло возможности для будущего процесса возведения жилища. В пространстве воздвигнутого дома отражался весь космос севернорусской традиционной культуры. Иерархия пространства и семьи, ее история, ценности, обычаи и менталитет. Человек оказывается соразмерен дому – дом культурному ландшафту – освоенный природный ландшафт с домом – символическому Космосу.

Жилое пространство, как место повседневного существования человека, обладало самой устойчивой структурой. Трехчастная иерархия дома образно претворялась и повторялась в его вертикальном и горизонтальном плане. Дублирование модели мира также повторяется во внутреннем убранстве и немногочисленных элементах интерьера, обеспечивая обретенный в жилище Космос максимальной устойчивостью. Орнаментация декоративного убранства как знаковая система, выполняла функцию защиты структурированного и стабилизированного микрокосмоса жилища от воздействия внешних негативных сил, репрезентировала эстетическую и мифопоэтическую информацию, закодированную в универсальных образах традиционной культуры Русского Севера.

Архетипические универсалии символического пространства и этнокультурные смыслы природы особенно ярко проявлялись в условиях рубежной культуры, где священные и географические границы очерчивались особенно ярко и получали свое максимальное, осязаемое в физическом и духовном плане выражение. Территорией подобной предельности, максимальной напряженности, где проанализированные факторы пространства проступали особенно ярко – было побережье Белого моря, в частности территория Онежского Поморья. Религиозно-мифологическое содержание основных структурных компонентов крестьянского жилища в пространстве присущих ему традиционной культуры и природно-экологического ландшафта, как показывают практические исследования, в настоящее время было частично утрачено. Крестьянский дом все больше утрачивает свое священное начало, а человек – создатель и хозяин, абсолютизирует его утилитарные функции и погружает в сферу профанического. Тем не менее, ключевые смыслы традиционной культуры не были утрачены, они надежно вписаны в структуру культурного ландшафта и геокультурного пространства Русского Севера более высокого порядка.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ащепков, Е. А. Русское народное зодчество в Восточной Сибири / Е. А. Ащепков. – Москва : Из-во Академии архитектуры СССР, 1953. – 279 с. – Текст: непосредственный.
2. Байбурин, А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян / Байбурин А.К. – Текст : электронный. – Москва : Языки славянских культур, 2005. – 224 с. – URL: <https://www.litres.ru/a-b-bayburin/zhilische-v-obryadah-i-predstavleniyah-vostochnyh-slavyan>, свободный (дата обращения: 02.02.2021). – Режим доступа: Библиотека электронных книг ЛитРес.
3. Балашов, Д. М. Русские свадебные песни Терского берега Белого моря / Д. М. Балашов, Ю. Е. Красовская. – Ленинград : Музыка, 1969. – 168 с. – Текст : непосредственный.
4. Башляр, Г. Избранное : Поэтика пространства / Г. Башляр ; Пер. с франц. – Москва : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 376 с. – Текст : непосредственный.
5. Бедаш, Ю. О номере (слово от редакторов) / Ю. Бедаш, С. Любимов // Топос. – 2011. – № 1. – С. 10–38. – Текст : непосредственный.
6. Берг, Л. С. Предмет и задачи географии / Л. С. Берг. – Текст : непосредственный // Изв. Русск. Геогр. общ. – 1915. – Т. 51. – Вып. 9. Цит по: Культурный ландшафт как объект наследия / Под ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. – Москва : Институт Наследия, Санкт-Петербург : Дм. Буланин, 2004. – 620 с.
7. Бернштам, Т. А. Поморы. Формирование группы и система хозяйства / Т. А. Бернштам. – Ленинград : Наука, Ленинградское отд-ние, 1978. – 173 с. – Текст : непосредственный.
8. Бломквист, Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов / Е. Э. Бломквист. – Текст : непосредственный // Восточнославянский этнографический сборник : очерки нар. материальной

культуры русских, украинцев и белорусов в XIX. – нач. XX в. – Москва, 1956. С. 3–458.

9. Большая советская энциклопедия. В 30 т. Т. 8. Дебитор-Евкалипт / Гл. ред. А. М. Прохоров. – Москва : Советская энциклопедия, 1968-1978. – 767 с. – Текст : непосредственный.

10. Бортникова, Н. В. Сакральные женские образы в предметно-пространственной среде удмуртов: культурологический аспект : 24.00.01 «Теория и история культуры» : диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии / Бортникова Наталья Вячеславовна ; Удмуртский государственный университет. – Ижевск, 2015. – 209 с. – Место защиты: Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева. – Текст : непосредственный.

11. Бортникова Н. В. Специфические характеристики объектов предметно-бытового наполнения крестьянского жилища / Н. В. Бортникова, С. Н. Зыков, А. Н. Обухова. – Текст : непосредственный // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 10-2 (36). – С. 35-37.

12. Булатов В. Н. Русский Север. Книга первая : Заволочье (IX-XVI вв.) / В. Н. Булатов. – Архангельск: Изд-во Поморского государственного университета, 1997. – 352 с. – Текст : непосредственный.

13. Буров, А. К Об архитектуре / А. К. Буров. – Москва : Госстройиздат, 1960. – 148 с. – Текст : непосредственный.

14. Ведерникова, Н. М. Фольклор как способ отражения культурного ландшафта (по материалам экспедиционных выездов 2000-2002) / Н. М. Ведерникова. – Текст : непосредственный // Культурный ландшафт как объект наследия. Под ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. Москва : Институт Наследия; Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин. 2004. – 620 с.

15. Габэ, Р. М. Карельское деревянное зодчество / Р. М. Габэ. – Москва : Гос. Архитект. изд-во Академии архитектуры СССР, 1941. – 216 с. – Текст : непосредственный.

16. Гачев, Г. «Космо–Психо–Логос». Национальные образы мира / Г. Гачев. – Москва: Академический проект, 2015. – 511 с. – Текст : непосредственный.

17. Генон, Р. Очерки о традиции и метафизике / Г. Рене. – Москва : Азбука-Классика, 2000. – 320 с. – Текст : непосредственный.

18. Генон, Р. Символы священной науки / Г. Рене ; пер. с франц. Н. Тирос. – Москва : Беловодье, 2002. – 496 с. – Текст : непосредственный.

19. Генон, Р. Царство количества и знамения времени / Г. Рене; пер. с франц. Т. Б. Любимовой. – Москва : Беловодье, 1994. – 304 с. – Текст : непосредственный.

20. Грабарь, И. Э. Деревянное зодчество Русского Севера : (особенности деревянного церковного зодчества на русском севере) / И. Э. Грабарь, Ф. Ф. Горностаев. – Текст : электронный // Слово: православный образовательный портал [сайт]. – [Б. м.], 2007-2021. – URL: <http://www.portal-slovo.ru/art/35833.php>. – Дата публикации: 17.08.2010.

21. Грабарь, И. Э. История русского искусства. В 6 т. / И. Э. Грабарь. – Москва : И. Кнебель, 1910. – Т.1 : Архитектура. До-петровская эпоха. – 508 с. – Текст : непосредственный.

22. Гришина, И. Е. О развитии декоративных мотивов в деревянном крестьянском зодчестве Российского Севера / И. Е. Гришина. – Текст : непосредственный // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Российского Севера. – Петрозаводск, 1991. – С. 72–89.

23. Грищенко, И. В. Климат Архангельской области / И. В. Грищенко. – Архангельск : ООО «Типография А4», 2017. – 203 с. – Текст : непосредственный.

24. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – Москва : Искусство, 1972. – 320 с. – Текст : непосредственный.

25. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 1 (А–З) / В. И. Даль. – Москва : Прогресс, 2000. – 1743 с. – Текст : непосредственный.

26. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 2 (И–О) / В. И. Даль. – Москва : Прогресс, 2002. – 2030 с. – Текст : непосредственный.

27. Данилова, Н. К. Якутское традиционное жилище: пространственные и ритуальные измерения : 07.00.07 «Этнография, этнология, антропология» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Данилова Наталья Ксенофоновна ; Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. – Томск, 2010. – 25 с. – Место защиты: Томский государственный университет. – Текст : непосредственный.

28. Дугин, А. Г. Философия политики / А. Г. Дугин. – Москва : Аркоготей, 2004. – 116 с. – Текст : непосредственный.

29. Дюмизель, Ж. Верховные боги индоевропейцев / Ж. Дюмизель ; пер. с франц. Пер. с франц. Т. В. Цивьян. – Москва: Наука, 1986. – 234 с. – Текст : непосредственный.

30. Жигальцова, Т. В. Пространственно-планировочная структура и жилищно-хозяйственный комплекс поселений Онежского поморья (на примере с. Ворзогоры Онежского р-на Архангельской обл.) / Т. В. Жигальцова, А. А. Усов. . – DOI : 10.31857/S086954150008767-3. – Текст : непосредственный // Этнографическое обозрение. – 2020. – №1. – С. 180–197.

31. Жилинский, А. А. Крайний Север Европейской России / А. А. Жилинский. – Петроград, 1919. – 296 с. – Текст : непосредственный.

32. Замятин Д. Н. Геоспациализм. Онтологическая динамика пространственных образов. Статья 1. На пути к геоспациализму:

пространство и цивилизация в зеркале гуманитарной географии / Д. Н. Замятин. – Текст : непосредственный // Общественные науки и современность. – 2011. – № 5. – С. 129–138.

33. Иваницкий, Н. Сольвычегодский крестьянин, его обстановка, жизнь и деятельность / Н. Иваницкий. – Текст : непосредственный // Живая старина. – 1898. – Вып. 1. – С. 3–74.

34. Иващенко, Я. С. Мифологическая интерпретация мира в устройстве традиционного нанайского жилища / Я. С. Иващенко. – Текст : непосредственный // Вестник дальневосточного отделения Российской академии наук. – 2010. – № 2. – С. 79-86.

35. Иващенко, Я. С. Семиотика традиционного жилища : монография / Я. С. Иващенко ; М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное агентство по образованию, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Комсомольский-на-Амуре гос. технический ун-т». – Комсомольск-на-Амуре: Изд-во КНАГТУ, 2007. – 144 с.

36. Иващенко, Я. С. Семиотика традиционного жилища: На материале нанайской культуры : 24.00.01 «Теория и история культуры» : диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии / Иващенко Яна Сергеевна ; Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет. – Комсомольск-на-Амуре, 2005. – 214 с. – Место защиты: Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет. – Текст : непосредственный.

37. Ильин, И. А. Сущность и своеобразие русской культуры / И. А. Ильин. – Текст : непосредственный // Москва, 1996. – № 1. – 176 с.

38. Исаченко, Г. А. Культурный ландшафт как объект дискуссии / Г. А. Исаченко. – Текст : электронный // Юбилейная научная конференция «Культурный ландшафт: теория и практика» (3-11 ноября 2003 г.). Исход к Востоку. Философия Евразийства. – Москва : Добросвет, Издательство «КДУ», 2008. – 196 с. – Раздел сайта «Междисциплинарный научный

семинар «Культурный ландшафт»». – URL: <http://kultland2003.narod.ru> (дата обращения: 17.01.2021). – Режим доступа: сайт «Междисциплинарный научный семинар «Культурный ландшафт»».

39. Каганский, В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство / В. Л. Каганский. – Москва : Новое литературное обозрение, 2001. – 576 с. – Текст : непосредственный.

40. Кассирер, Э. Опыт о человеке / Э. Кассирер ; пер. с нем. и комментарии С. О. Кузнецова и Б. Вимера. – Москва : Гардарика, 1998. – 784 с. – Текст :

41. Ключевский, В. О. Курс русской истории. В. 3 т. Т. 1 / В. О. Ключевский. – Москва, 1987. – 426 с. – Текст : непосредственный.

42. Ковальчук, А. Л. Делать бесхитростно, как мера и красота скажут: альбом графических и информационных материалов по деревянному зодчеству / А. Л. Ковальчук. – Петрозаводск : Музей-заповедник «Кижы», 2019. – 126 с. – Текст : непосредственный.

43. Комплексное исследование формирования и трансформации историко-культурного наследия в этно-социальной динамике Европейского Севера и Арктики : отчет о НИР (промежуточ.) / ФГБУН ФИЦКИА УрО РАН ; Пермиловская А. Б., Жигальцова Т. В., Усов А. А. – Архангельск, 2018. – 102 с. – № ГРАААА-А18-118012390220-3. – Текст : непосредственный.

44. Комплексное исследование формирования и трансформации историко-культурного наследия в этно-социальной динамике Европейского Севера и Арктики : отчет о НИР (промежуточ.) / ФГБУН ФИЦКИА УрО РАН ; Пермиловская А. Б., Жигальцова Т. В., Усов А. А. – Архангельск, 2019. – 125 с. – № ГРАААА-А18-118012390220-3. – Текст : непосредственный.

45. Комплексное исследование формирования и трансформации историко-культурного наследия в этно-социальной динамике Европейского Севера и Арктики : отчет о НИР (промежуточ.) / ФГБУН ФИЦКИА УрО РАН

; Пермиловская А. Б., Хатанзейская Е. В., Усов А. А. – Архангельск, 2020. – 132 с. – № ГРАААА-А18-118012390220-3. – Текст : непосредственный.

46. Криничная, Н. А. Дерево, гора, пещера как пристанище, жилище в фольклорной традиции / Н. А. Криничная. – Текст : непосредственный // Русская речь. – 2012. – № 2. – С. 112–119.

47. Криничная, Н. А. Красный угол: об истоках и семантике сакрального локуса (по севернорусским материалам) / Н. А. Криничная. – Текст : непосредственный // Этнографическое обозрение. – 2009. – № 2. – С. 28–41.

48. Криничная, Н. А. Крыша и чердак: быт и образы / Н. А. Криничная – Текст : непосредственный // Русская речь. – 2015. – № 4. – С. 69–75.

49. Криничная, Н. А. Криничная. Матица – слово, образ, символ / Н. А. Криничная. – Текст : непосредственный // Русская речь. – 2014. – № 4. – С. 116–121.

50. Криничная, Н. А. Потолок: проявления верхней границы жилого пространства в крестьянском микрокосме (по материалам народного искусства) / Н. А. Криничная. – Текст : непосредственный // Труды Карельского научного центра РАН. – 2011. – № 6. – С. 29–36.

51. Криничная, Н. А. Русская мифология: Мир образов и фольклора / Н. А. Криничная. – Москва : Академический Проект ; Гаудемаус, 2004. – 1008 с. – Текст : непосредственный.

52. Криничная, Н. А. Русская народная мифологическая проза: Истоки и полисемантизм образов. В 3 т. Т. 1: Былички, бывальщины, легенды, поверья о духах-«хозяевах» / Н. А. Криничная. – Санкт-Петербург : Наука, 2001. – 576 с. – Текст : непосредственный.

53. Культурология как наука: за и против. – Текст : непосредственный // Вопросы философии. – 2008. – № 11. – С. 3–31.

54. Лавренова, О. А. Пространства и смыслы: Семантика культурного ландшафта // О. А. Лавренова. – Москва : Институт Наследия, 2010. – 330 с. – Текст : непосредственный.

55. Линник, Ю. В. Игрушка Русского Севера / Ю. В. Линник. – Текст : непосредственный // Геоисторические и геокультурные образы и символы освоения арктического пространства : сб. науч. статей ; сост. : П. С. Журавлев и др., отв. ред. : д-р. филос. наук, проф. Н. М. Терехихин. – Архангельск, 2012 : Солти. – С. 291–329.

56. Лисенко, Л. М. Дерево в архитектуре / Л. М. Лисенко. – Москва : Стройиздат, 1984. – 176 с. – Текст : непосредственный.

57. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек–текст–семиосфера // Ю. М. Лотман. – Москва : Языки русской культуры, 1996. – 464 с. – Текст : непосредственный.

58. Майничева, А. Ю. «Как мера и красота скажут» : традиционные принципы геометрии планов русских православных церквей / А. Ю. Майничева. – DOI 10.17746/1563-0102.2015.43.1. – Текст : непосредственный // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – № 1. – Т. 43. – С. 135–143.

59. Маковецкий, И. В. Архитектура русского народного жилища. Север и Верхнее Поволжье / И. В. Маковецкий. – Москва : Изд-во АН СССР, 1962. – 338 с. – Текст : непосредственный.

60. Максимов, С. В. Год на Севере / С. В. Максимов. – Санкт-Петербург : Типография А. Траншеля, 1871. – 690 с. – Текст : непосредственный.

61. Малышевский, И. О придорожных крестах / И. О. Малышевский. – Текст : непосредственный // Ставрографический сборник. Москва, 2001. – Кн. 1. – С. 47–48.

62. Матонин, В. Н. «Наше море – наше поле». Социокультурное пространство северной русской деревни: генезис, структура, семантика :

монография / В. Н. Матонин. – Архангельск : САФУ, 2013. – 334 с. – Текст : непосредственный.

63. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. – Москва: Наука, 1976. – 403 с. – Текст : непосредственный.

64. Мелютина, М. Н. Сакральная география и иеротопия Русского Севера / М. Н. Мелютина, Л. Д. Попова, Н. М. Теребихин ; М-во образования и науки РФ, Север. (Аркт.) федер. ун-т им. М. В. Ломоносова, Нац. парк «Кенозерский». – Архангельск, 2016. – 230 с. – Текст : непосредственный.

65. Мелютина, М. Н. Социально-культурный ландшафт северного мира / М. Н. Мелютина, Н. М. Теребихин. – Текст : электронный // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. – 2012. – № 4. – С. 25–37. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-kulturnyy-landshaft-severnogo-mira> (дата обращения: 03.03.2021). – Режим доступа: Научная электронная библиотека КиберЛенинка.

66. Мильчик, М. И. Деревянная архитектура Русского Севера. Страницы истории / М. И. Мильчик, Ю. С. Ушаков. – Ленинград : Стройиздат, 1981. – 128 с. – Текст : непосредственный.

67. Мильчик, М. И. Дома с росписью мастеров Петровских в Поважье / М. И. Мильчик. – Текст : непосредственный // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Российского Севера : Межвуз. сб. Петрозаводск : ПетрГУ, 1991. – С. 90–103.

68. Мильчик, М. И. Памятники архитектуры Архангельской области. Пурнема и Нижмозеро. Буклет / М. И. Мильчик. – Архангельск : Сев-зап. кн. изд-во, 1971. – 16 с. – Текст : непосредственный.

69. Некрасов, Р. В. Этнокультурные смыслы и проектно-художественные решения в традиционном жилище коми-зырян : 24.00.01 «Теория и история культуры» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения / Некрасов Руслан Валерьевич ; Удмуртский государственный университет. – Саранск, 2020. – 23 с. – Место

защиты: Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева. – Текст : непосредственный.

70. Ополовников, А. В. Русский Север / А. В. Ополовников. – Москва : Стройиздат, 1984. – 176 с. – Текст : непосредственный.

71. Ополовников, А. В. Русское деревянное зодчество. Гражданское зодчество / А. В. Ополовников. – Москва : Искусство, 1983. – 288 с. – Текст : непосредственный.

72. Орлов, П. А. Вещный мир удмуртов (к семантике материальной культуры) : 07.00.07 «Этнография, этнология, антропология» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Орлов Павел Анатольевич ; Удмуртский государственный университет. – Ижевск, 1999. – 216 с.– Место защиты: Удмуртский государственный университет. – Текст : непосредственный.

73. Орфинский, В. П. Деревянное зодчество Карелии / В. П. Орфинский // Ленинград : Стройиздат, 1972. – 119 с. – Текст : непосредственный.

74. Пермиловская, А. Б. Крестьянский дом в культуре Русского Севера (XIX – начало XX века) / А. Б. Пермиловская. – Архангельск : Правда Севера, 2005. – 312 с. – Текст : непосредственный.

75. Пермиловская, А. Б. Культурное пространство Русский Арктики / А. Б. Пермиловская. – Текст : непосредственный // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 3. – С. 362–365.

76. Пермиловская, А. Б. Культурные смыслы народной архитектуры Русского Севера / А. Б. Пермиловская. – Екатеринбург : УрО РАН ; Архангельск : ОАО «ИПП «Правда Севера» ; Ярославль : ЯГПУ имени К.Д. Ушинского, 2013. – 608 с. – Текст : непосредственный.

77. Пермиловская, А. Б. Северный дом / А. Б. Пермиловская. – Петрозаводск : Петро-Пресс, 2000. – 223 с. – Текст : непосредственный.

78. Пермиловская, А. Б. Культурный ландшафт как фактор формирования традиционного деревянного зодчества северных и арктических территорий / А. Б. Пермиловская, А. А. Усов. – DOI: 10.30853/manuscript.2020.5.14. – Текст : непосредственный // Манускрипт. – 2020. – Т. 13. – Вып. 5. – С. 77–81.

79. Разумова, И. А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. Традиция / И. А. Иваницкий. – Москва, 2001. – 376 с. – Текст : непосредственный.

80. Раппапорт, П. А. Древнерусское жилище / П. А. Раппапорт. – Ленинград : Наука, 1975. – 180 с. – Текст : непосредственный.

81. Романов, М. И. История одного захолустья / М. И. Романов Великий Устюг : Советская мысль, 1925. – 169 с. – Текст : непосредственный.

82. Славянская мифология. Энциклопедический словарь / Под ред. С. М. Толстой. – Москва : Междунар. отношения, 2002. – 512 с. – Текст : непосредственный.

83. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей (Кот-Немовый) / Под ред. А. С. Герд. – Санкт-Петербург : Из-во С.-Петербургск. ун-та, 1996. Вып. 3. – 415 с. – Текст : непосредственный.

84. Сотная на Турчасовский стан Каргопольского уезда с книг письма Я. И. Сабурова и И. А. Кутузова // Социально-правовое положение северного крестьянства (досоветский период) / под ред. П. А. Колесникова. – Вологда : Вологодский ГПИ, 1981. – С. 129–131. – Текст : непосредственный.

85. Сульдинский, М. В. Семантика крестьянского жилища мордвы культуры : 24.00.01 «Теория и история культуры» : диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии / Сульдинский Михаил Викторович ; Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева. – Саранск, 2007. – 21 с. – Место защиты: Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева. – Текст : непосредственный.

86. Суслов, В. В. Путевые заметки о Севере России и Норвегии / В. В. Суслов. – Санкт-Петербург : Типография А. Ф. Маркса, 1888. – 72 с. – Текст : непосредственный.

87. Теребихин, Н. М. Метафизика Севера : монография / Н. М. Теребихин. – Архангельск : Поморский ун-т, 2004. – 272 с. – Текст : непосредственный.

88. Теребихин, Н. М. Пермский домострой: строительный миф и ритуал : монография / Н. М. Теребихин ; М-во образования и науки РФ, Сев. (Аркт.) федер. ун-т, Помор. гос. у-нт им. М. В. Ломоносова. – Архангельск, 2011. – 144 с. – Текст : непосредственный.

89. Теребихин, Н. М. Сакральная география Русского Севера: религиозно-мифологическое пространство русской культуры / Н. М. Теребихин. – Архангельск: Из-во Поморского педуниверситета, 1993. – 220 с. – Текст : непосредственный.

90. Тимощук, С. Онтология и аксиология традиционной культуры / С. Тимощук. – Текст : электронный // Ориентиры. – 2006. – № 3. – URL: http://www.intelros.ru/readroom/orientiry-metafizicheskie-issledovaniya-cheloveka/orientiry_3/8449-ontologiya-i-aksiologiya-tradicionnoj-kultury.html, свободный (дата обращения: 23.04.2021). – Режим доступа: Научно-теоретический журнал Интелрос.

91. Толстой, Н. И. «Без четырех углов изба не строится» / Толстой Н. И. – Текст : непосредственный // Очерки славянского язычества. – Москва, 2003. – С. 269–282.

92. Топоров, В. Н. Древо мировое / В. Н. Топоров. – Текст : непосредственный // Мифы народов мира. – Москва : Сов. энциклопедия, 1987. – Т. 1. – С. 398–406.

93. Топоров, В. Н. Об одном архаичном индоевропейском элементе в древнерусской духовной культуре -*Svet / В. Н. Топоров. – Текст :

непосредственный // Языки культуры и проблемы переводимости. – Москва : Наука, 1987. – С. 184–226.

94. Топоров, В. Н. Первобытные представления о мире: Общий взгляд / В. Н. Топоров. – Текст : непосредственный // Очерки истории естественно-научных знаний в древности. – Москва : Наука, 1982. – С. 8–40.

95. Ушаков, Ю. С. Ансамбль в народно зодчества Русского Севера / Ю. С. Ушаков. – Ленинград : 1982. – 168 с. – Текст : непосредственный.

96. Ушаков, Ю. С. Деревянное зодчество Русского Севера (народные традиции и современные проблемы) / Ю. С. Ушаков. – Ленинград : Знание, 1974. – 32 с. – Текст : непосредственный.

97. Фрейденберг, О. М. Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг. – Москва : Восточная литература, 1996. – 800 с. – Текст : непосредственный.

98. Харлин, Л. А. Поморье – промыслы (Лямца, Малошуйка, Унежма, Тамица) 1991–1992 гг. / Л. А. Харлин. – Текст : непосредственный // «Не век жить – век вспоминать». Народная культура Поонежья и Онежского Поморья (по материалам Онежских экспедиций). 2-е изд., испр., доп. – Онега–Архангельск–Москва : Товарищество Северного Мореходства, 2011. – С. 173–174.

99. Цивьян, Т. В. Дом в фольклорной модели мира / Т. В. Цивьян. – Текст : непосредственный // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1978. – Вып. 10. – С. 65–80.

100. Шанский, Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. – Москва : Учпедгиз, 1961. – 403 с. – Текст : непосредственный.

101. Шенников, А. А. Длинный дом и крытый двор (Из истории строительной культуры крестьян лесной зоны Европы до конца XIX-начала XX в.) / А. А. Шенников. – Санкт-Петербург, 1992. – 220 с. – Текст : непосредственный.

102. Шергин, Б. В. Избранное: Детство в Архангельске ; Слово о Ломоносове; Дневник, 1941 / Б. В. Шергин ; составление, расшифровка рукописи, комментарии : Б. М. Егоров. – Архангельск : АНО «Архангельский литературный музей», 2016. – 240 с. – Текст : непосредственный.
103. Шпенглер, О. Закат Европы / О. Шпенглер ; Пер. с нем. под ред. А. А. Франковского. – Новосибирск : ВО «Наука», 1993. – С. 472. – Текст : непосредственный.
104. Элиаде, М. Космос и история. Избранные работы / М. Элиаде ; пер. с англ. и франц. А. А. Васильева. – Москва : Прогресс, 1987. – 312 с. – Текст : непосредственный.
105. Юнг, К. Г. Психология бессознательного / К. Г. Юнг ; пер. с нем. – Москва : Канон, 1994. – 400 с. – Текст : непосредственный.
106. Юхименко, Е. М. Документальные источники о Выгодской пустыни / Е. М. Юхименко. – Текст : непосредственный // Старообрядчество в России (XVII-XVIII вв.) : Сб. науч. тр. – Москва : Археогр. центр, 1994. – 165 с.
107. Chruszczow, T. Foreword / T. Chruszczow. Text : direct // Habitat: Vernacular Architecture for a Changing Planet. – London : Thames & Hudson, 2017. – P. 14–15
108. Harvey D. Social Justice and the City / David Harvey. – London : Edward Arnold and Baltimore, 1973. – 336 p. Цит. по: Харви, Д., Овчинников А. Пространство как ключевое слово / Д. Харви, А. Овчинников. – Текст : непосредственный // Топос. – 2011. – № 1. – С. 10–38.
109. Maslow, A. H. Motivation and Personality / A. H. Maslow. – New York, NY: Harper & Row Publishers, 1954. – 369 p. – Text : direct.
110. Milliken, W. Plants in the Built Environment / W. Milliken. – Text : direct // Habitat: Vernacular Architecture for a Changing Planet. – London : Thames & Hudson, 2017. – P. 38–41.

111. Souch, C. *The Influence of Climate Building Design and Materials* / C. Souch. – Text : direct // *Habitat: Vernacular Architecture for a Changing Planet*. London: Thames & Hudson, 2017. – P. 28.

112. Tuan, Y.-F. *Topophilia: A study of environmental perception, attitudes and values*. Morningside ed., with new preface by the author / Yi-Fu Tuan. – N.Y.: Columbia University Press, 1990. – 260 p. – Text: direct.

ПРИЛОЖЕНИЕ А
(справочное)
Список информантов

Информанты с. Ворзогоры, Онежский район, 2018

1. Слепинин Александр Порфирьевич, 1933 г. р., м. р. и м. п. – д. Кондратьевская;
2. Захарова Валентина Васильевна, 1939? г. р., м. р. Онега, м. п. – д. Кондратьевская;
3. Рогачева Нина Павловна, 1929 г. р., м. р. и м. п. – д. Кондратьевская;
4. Гостев Михаил Александрович, 1958 г. р., м. р. – д. Нименьга, м. п. – д. Кондратьевская;
5. Гунин Николай Александрович, 1968 г. р., м. р. и м. п. – д. Яковлевская;
6. Рогачев Михаил Сергеевич, 1992 г. р., м. р. и м. п. – г. Онега;
7. Долматова Надежда Викторовна, 1950 г. р., м. р. – г. Вельск, м. п. – д. Яковлевская;
8. Долматов Александр Николаевич, 1947 г. р., м. р. и м. п. – д. Яковлевская;
9. Гунина Галина Андреевна, 1934 г. р., м. р. и м. п. – д. Яковлевская, запись 2018.

Информанты с. Заостровье, Приморский район, 2018-2019 гг.

1. Светоносова Елена Владимировна, 1986 г. р., м. р. и м. п. – д. Б. Анисимово;
2. Третьяков Сергей Михайлович, 1946 г. р., м. р. и м. п. – д. Б. Анисимово;
3. Бугаев Александр Николаевич, 1956 г. р., м. р. и м. п. – д. Рикасово;
4. Перминова Галина Петровна, 1957 г. р., м. р. и м. п. – д. Пуново;

5. Бородиля Александр Владимирович, 1972 г. р., м. р. – г. Северодвинск, м. п. – д. Перхачёво;
6. Починков Александр Германович, 1956 г. р., м. р. и м. п. – д. Великое;
7. Клишева Наталья Николаевна, 1955? г. р., м. р. – г. Северодвинск, м. п. – д. Великое;
8. Сульева Надежда Дмитриевна, 1966 г. р., м. р. – д. Перхачево, м. п. – д. Лянецкое;
9. Захарова Татьяна Сергеевна, 1945 г. р., м. р. и м. п. – д. Лянецкое;
10. Горшков Олег Евгеньевич, 1984 г. р., м. р. и м. п. – с. Уйма;
11. Макарова Екатерина Петровна, 1965 ? г. р., м. р. и м. п. – с. Уйма.

Информанты с. Малошуйка, Онежский район, 2019

1. Мошникова Галина Михайловна, 1962 г. р. м. р. и м. п. – с. Малошуйка;
2. Кузнецов Александр Никандрович, 1952 г. р. м. р. и м. п. – г. Мурманск;
3. Аурова Берта Павловна, 1937 г. р. м. р. и м. п. – с. Малошуйка;
4. Ефремов Андрей Павлович, 1937 г. р. м. р. – с. Кушерека, м. п. – с. Малошуйка;
5. Кренёва Дина Ивановна, 1945 г. р. м. р. и м. п. – с. Малошуйка;
6. Порожников Павел Олегович, 1991 г. р. м. р. и м. п. г – с. Малошуйка;
7. Баёва Раиса Ивановна, 1936 г. р. м. р. и м. п. – с. Малошуйка;
8. Кабрина Любовь Анатольевна, 1960 г. р. м. р. и м. п. – с. Малошуйка;
9. Кузьмин Виктор Анатольевич, 1951 г. р. м. р. – с. Малошуйка, м. п. – г. Нарьян-Мар;
10. Аверкиев Виктор Иванович, 1952 г. р. м. р. и м. п. – с. Малошуйка;

11. Иванов Александр Николаевич, 1958 г. р. м. р. и м. п. – с. Малошуйка;

12. Варзугина Валентина Нифидимовна, 1940 г. р. м. р. – с. Кушерека, м. п. – с. Малошуйка;

13. Баёв Владимир Александрович, 1959 г. р. м. р. и м. п. – с. Малошуйка.

Информанты с. Пурнема, д. Нижмозеро, д. Лямца, Онежский район,
2020

1. Кузнецов Леонид Петрович, 1958 г. р., м. р. и м. п. – с. Пурнема;
2. Трухнова Мария Васильевна, 1942 г. р., м. п. – с. Пурнема;
3. Андреев Николай Васильевич, 1955 г. р., м. р. и м. п. – с. Пурнема;
4. Степанов Леонид Николаевич, 1968 г. р., м. р. и м. п. – с. Пурнема;
5. Родионова Лия Федоровна, 1937 г. р., м. р. д. Лямца, м. п. – с. Пурнема;

6. Ипатов Николай Иванович, 1959 г. р., м. р. – д. Комартиха, Устьянский р-н, м. п. – с. Пурнема;

7. Ипатова (дев. Крюкова) Вера Петровна, 1957 г. р., м. р. и м. п. – с. Пурнема;

8. Каменская Светлана Анатольевна, 1964 г. р., м. р. – г. Коряжма, м. п. – с. Пурнема;

9. Каменский Владимир Семенович, 1966 г. р., м. р. и м. п. – с. Пурнема;

10. Бровков Евгений Андреевич, 1931 г. р., м. р. и м. п. – с. Пурнема;

11. Бурков Роман Николаевич, 1979 г. р., м. р. – г. Мантурово, Костромская обл, м. п. – г. Онега;

12. Буркова Светлана Сергеевна, 1979 г. р., м. р. – с. Пурнема, м. п. – г. Онега;

13. Дерябин Дмитрий Анатольевич, 1972 г. р., м. р. – г. Коряжма, м. п. – с. Пурнема;
14. Евстафьев Александр Васильевич, 1950 г. р., м. р. и м. п. – с. Пурнема;
15. Кузнецова Галина Павловна, 1931 г. р., м. р. и м. п. – с. Пурнема;
16. Старицына Елена Анатольевна, 1966 г. р., м. р. и м. п. – с. Пурнема;
17. Желудева Елена Юрьевна, 1974 г. р., м. р. г. Онега, м. п. – с. Пурнема;
18. Пятков Сергей Георгиевич, 1954 г. р., м. р. и м. п. – д. Нижмозеро;
19. Сметанин Владимир Иванович, 1960 г. р., м. р. – г. Милетьевск, м. п. – пос. Верхнеозерский;
20. Нестерова Лидия Борисовна, 1963 г. р., м. р. и м. п. – д. Лямца;
21. Нестерова Наталья Александровна, 1980 г. р., м. р. и м. п. – с. Пурнема.

Информанты с. Пурнема, д. Лямца, Онежский район, 2021

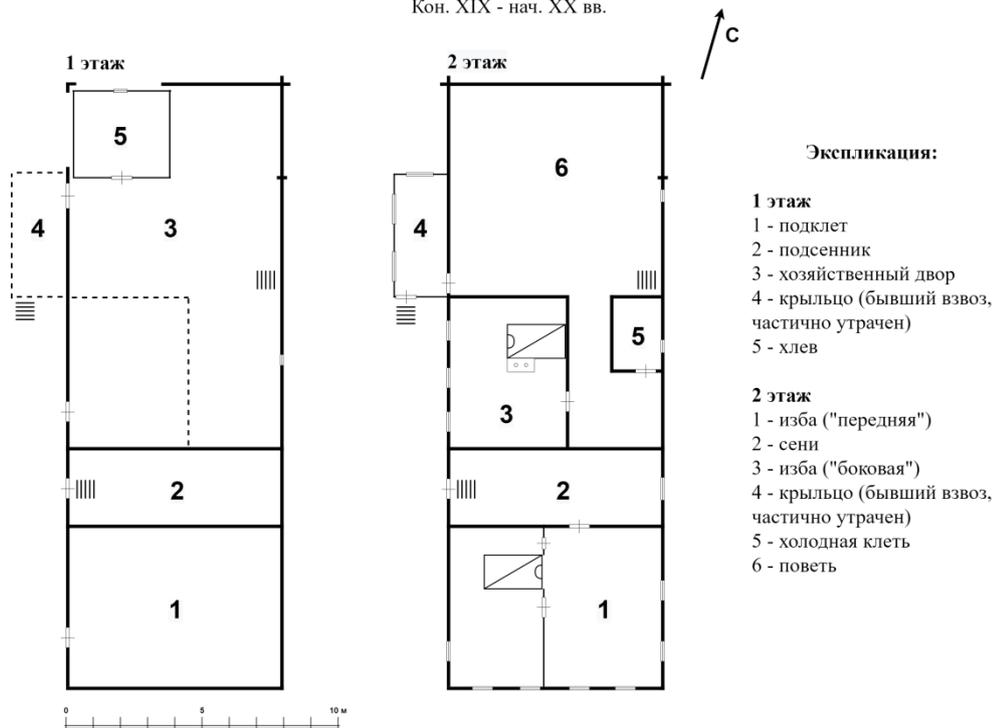
1. Андреева Надежда Александровна, 1958 г.р., м.р. Нижмозеро, м.п. с. Пурнема.
2. Ивкина Наталья Петровна (Афанасьева-Елизарова), 1952 г.р., м.р. и м.п. Мурманск.
3. Каменская Светлана Анатольевна, 1964 г.р., м.р. г. Коряжма, м.п. с. Пурнема.
4. Каменский Владимир Семенович, 1966 г.р., м.р. и м.п. с. Пурнема.
5. Кожевников Александр Васильевич, 1954 г.р, м.р. и м.п. с. Пурнема.
6. Кожевникова Александра Александровна (? г.р.), м.п. с. Пурнема.
7. Кожевников Владимир Александрович, 1988 г.р., м.р. и м.п. с. Пурнема

8. Кожевников Михаил Николаевич, 1968 г.р., м.р. с. Пурнема, м.п. г. Мурманск
9. Кожевникова Надежда Семеновна, 1959 г.р., м.р. и м.п. с. Пурнема.
10. Копытова Валентина Егоровна, 1948 г.р., м.р. с. Пурнема, м.п. Северодвинск.
11. Костин Александр Кельсиевич, 1950 г.р., м.р. с. Пурнема, м.п. Северодвинск.
12. Васильева Дарья Викторовна (? г.р.), м.р. и м.п. д. Лямца
13. Резина Александра Анатольевна, 1964 , м.р. и м.п. Пурнема.
14. Родионов Александр Викентьевич, д.б.н., 1952 г.р., м.р. Мурманск, м.п. СПб, (с. Пурнема в летний период).
15. Трубачева Фаина Ильинична, 1938 г.р., м.р. с. Пурнема, м.п. г. Архангельск.
16. Цавина Галина Алексеена, 1940 г.р., м.р. д. Лямца, м.п. Онега.
17. Шангин Александр Иванович, 1951 г.р., м.р. и м.п. с. Пурнема.
18. Шангина Татьяна Петровна (? Г.р.), м.р. и м. п. с. Пурнема.
19. Эннс Лилия Рушатовна, 1956 г.р., м.р. Башкирия, м.п. Владимирская обл.

ПРИЛОЖЕНИЕ Б
(справочное)
Комплекс дома-двора Е. А. Бровкова

ПЛАН ДОМА-ДВОРА
 Евгения Андреевича Бровкова
 с. Пурнема (Низ), Онежский район
 Кон. XIX - нач. XX вв.

Руководитель научного проекта д. культ. А.Б. Пермиловская
 Научная информация, обмеры и камеральная обработка А.А. Усова, 2020

Рисунок Б.1 – Комплекс дома-двора Е. А. Бровкова, кон. XIX – нач. XX вв., с.
 Пурнема (Низ), Онежский р-н. Фото А. Усова, 2020